КА
17
А31

Адлер Ф.
Возрождение интернационала.
1920

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
под редакцией Д. Б. РЯЗАНОВА

КЛ
17
А 31

ФРИДРИХ АДЛЕР

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

СТАТЬИ, НАПИСАННЫЕ
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
КАРЛА КАУТСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ ⊙ 1920

Срок возврата
книги:

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОГО СОЦИАЛИЗМА
под редакцией Д. Б. РЯЗАНОВА

КА
37
31

ФРИДРИХ АДЛЕР

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛА

СТАТЬИ, НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
164887

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
КАРЛА КАУТСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ © 1919

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Государственное издательство.

15-ая Государственная тип. Птг., Звенигородская, 11.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

От издателя V
Предисловие К. Каутского X

Отдел I.

Статьи, написанные во время войны

(с октября 1914 г. по октябрь 1916 г.).

Что такое интернационализм 1
Наш учитель Карл Каутский 3
Социал-демократия в Германии и война 6
Социал-демократия во Франции и война 20
Интернационал действия. 33
Цель и польза социал-демократии 38
Эволюция во внешней политике французских социалистов 44
На перепутьи между Кольбом и Бебелем 61
Политическое ремесло или всемирно-историческое движение 72
Грехи меньшинства или грехи большинства 77
Цели войны 85
Национальность и хозяйственная территория. 93
Вздорный спор или политическое противоречие 96
Открытое письмо Камиллу Гюисмансу. 103
Идеи 1789 и 1914 годов 109
Густав Эккштейн (некролог) 123
Имперская конференция германской социал-демократии 129

Отдел II.

Заметки, резолюции и рецензии

(с декабря 1914 г. по сентябрь 1916 г.).

Французско-бельгийское воззвание 143
Документ позора наших дней 147
Австрийская социал-демократия. Интернационал и мир 148
Социал-демократия и война 153
Конец и счастье одного социал-демократа. 159
Размышления социалиста о мировой войне 161

Отдел III.

Политические статьи довоенного времени.

	стр.
Тактика австрийской социал-демократии	163
Интернационализм второго сорта	175
Наука и партия	181
Ценность парламентаризма	192
Суды присяжных	195
Организация нового Интернационала	205

Отдел IV.

Статьи просветительного и агитационного характера, написанные в мирное время.

Для чего нужны нам теории	213
Открытие Маркса	225
Август Бебель	227
Чему нас учит история	229
Борьба за культуру	233
И снов0 зовет нас май	236
Приложение: Манифест австрийских интернационалистов	239

От издателя.

21-го октября 1916 года Фридрих Адлер убил министра-президента графа Штюргка. „Это сделал сумасшедший“ — такова была общая молва, и за убийством пытались отрицать всякое политическое значение. 18-го и 19-го мая 1917 года Фридрих Адлер судился в венском суде по законам военного времени. У всех еще в памяти, что̀ он говорил на процессе, как он охарактеризовал систему Штюргка, какую позицию занял по отношению к социал-демократической фракции, как он оправдывал свой поступок и превратился из обвиняемого в обвинителя (Стенографический протокол судебного разбирательства будет опубликован впоследствии). Приговор гласил: „Смертная казнь через повешение“. Верховный суд отклонил в закрытом заседании 24-го июля кассационную жалобу, а 2-го сентября, после того, как император отменил смертную казнь, этот суд приговорил Фридриха Адлера к 18 годам тяжелой каторжной тюрьмы. Наше правосознание не может допустить, что этим сказано последнее слово в процессе. Миллионы людей привыкли ценить Фридриха Адлера, как бесстрашного носителя высоких идеалов. Они могут только уважать и любить этого истинного мученика своих убеждений. Мы верим: этот человек не должен погибнуть за тюремными стенами. Он вернется к нам.

Пока Фридрих Адлер обречен на молчание, пусть слова его продолжают оказывать свое действие. Издатель, который вместе с немногими друзьями поддерживал Фридриха Адлера в его борьбе за Интернационал и мир, считал своим долгом собрать в отдельной книжке его критические статьи и спасти их от забвения, на которое часто бывают обречены журналы. Протест Фридриха Адлера против политической спекуляции на победу, его формула мира „без аннексий и контрибуций“, которая еще год тому назад была пред-

метом насмешек и издевательств, сейчас провозглашается повсюду, как программа, которая одна только может объединить социал-демократический Интернационал и вернуть ему способность к действию. Даже далеко за пределами социал-демократии, вплоть до правительственных кругов, в настоящее время признают, что мир возможен только на таком основании.

Произведения Фридриха Адлера будут встречены с большим вниманием, как в рядах социал-демократии, так и вне ее.

В нынешнем сборнике в первую очередь собраны статьи, которые Фридрих Адлер посвятил во время войны вопросам Интернационала. Они образуют связное целое. Он сам собирался переработать их и издать в виде книги. От переработки пришлось отказаться, но, несмотря на это, в тексте почти нет повторений. К сожалению, по цензурным соображениям, нельзя напечатать здесь всё, что было написано Адлером за время войны. Так, например, прежде всего приходится исключить то, что было напечатано в Швейцарии, а также и те доклады, в которых он, в августе 1914 года, впервые после начала войны, изложил свою точку зрения. Не вошли сюда и речи, произнесенные им за время войны в интимном кругу.

Статьи военного времени, кроме фактического интереса, представляют еще интерес психологический. Они не только показывают, как автор старается осветить каждый раз свою проблему с новых сторон и углубить свое понимание вопроса, они в то же время наглядно показывают, какие усилия он прилагает, чтобы спасти от цензуры и донести до читателя свои исследования об основных проблемах рабочего движения. Каждая статья является для своего времени наилучшим компромиссом между идеями, которые автор хочет формулировать, а цензор хочет задушить. Мы видим, как автор, осторожно нащупывая, неуклонно старается сказать всё больше и больше из того, что̀ нужно сказать, и как, с другой стороны, цензура, хотя и медленно, но всё-таки привыкает к обсуждению этих вопросов.

Статьи Адлера все проникнуты одной заботой, которая глубоко волновала его во всё время войны — заботой о возрождении Интернационала. Он старается безжалостно вскрыть ошибки прошлого, которые вызвали крах Интернационала в начале войны, делая это с целью извлечь поучение для будущего. Его работы

проникнуты сознанием, что не затушевывание противоречий, а только выяснение их причин может помочь делу объединения пролетариата всех стран в мировую организацию, способную и готовую к борьбе.

Чтобы не нарушать порядка больших статей, которые печатаются, приблизительно, в хронологической последовательности, во втором отделе отдельно собраны заметки, резолюции и рецензии, написанные Адлером за время войны. Они тоже печатаются не полностью, по причинам, которые изложены выше.

В третьем отделе напечатано несколько статей Адлера, которые были написаны еще до войны и которые могут содействовать выяснению проблем, затрагиваемых в двух первых частях. С той же целью в четвертом отделе напечатано несколько его популярных статей.

Быть может, будет интересно указать, что именно пришлось отложить при просмотре материала, предназначавшегося для этой книги. Прежде всего, конечно, сюда не могли войти специальные работы по теории познания и по физике. Первые из них будут впоследствии изданы в отдельном томе, под заглавием: „Очерки о Махе“ („Mach-Studien“). Из политических статей, прежде всего, не вошли те, которые были напечатаны в ежедневных газетах. Адлер работал в цюрихском „Volksrecht“ („Народном Праве“) со времени его основания в 1898 году и до 1911 г., сначала как сотрудник, а потом в качестве редактора. В венской „Arbeiterzeitung“ („Рабочей Газете“) он напечатал свою первую заметку (против тогдашнего министра народного просвещения Гауча), когда ему было еще 16 лет. За то время, когда он жил в Цюрихе, он напечатал в „Рабочей Газете“ целый ряд корреспонденций об общем политическом положении и партийных вопросах в Швейцарии. С 1911 года, когда он снова поселился в Вене, он написал ряд характеристик видных представителей Интернационала. Благодаря своему знанию партийной истории и личному знакомству с партийными деятелями, он особенно годился для выполнения этой задачи. Кроме того, в связи со своей деятельностью в качестве секретаря партии, он вел полемику с политическими противниками в „Рабочей Газете“. В этом отношении характерно его упорство в борьбе за право в деле Зильберера и его участие в раскрытии жульнической аферы с Прохаской в „Reichspost“ („Имперской Почтѣ“), которая уже в 1912 году желала осчастливить нас войной. За статью „Как де-

лают войну", которую Адлер напечатал в декабре 1912 года, в „Volk" („Народе"), он был привлечен к суду редактором „Имперской Почты" Фундером. Но это дело закончилось трагикомически, а именно, было прекращено обвинителем, когда в начале войны был арестован тот замечательный сотрудник „Имперской Почты", который наградил ее аферой с Прохаской. Оказалось, что он делал дела не только с „Имперской Почтой" и со сторонниками войны в Австрии, но также с „Новым Временем" и сторонниками войны в России. Издававшаяся Адлером двухнедельная газета „Народ", в совокупности своей, представляет сплошную агитацию против военной травли, милитаризма и абсолютизма. Первая статья, которой он начал в декабре 1911 года свою редакционную деятельность, называется „Мир на земле?". Она представляет собою популярное изложение тенденций, идущих в направлении мировой войны. Последний номер в июле 1914 года заканчивался статьею „Карточный домик абсолютизма". „Народ", давший за два с половиною года своего существования наиболее высокий процент конфискаций по сравнению со всеми газетами — был единственным немецким органом в Австрии, который в начале войны еще прежде чем он успел что-нибудь напечатать о войне, был закрыт властями, в виду его „заведомо антимилитаристских тенденций". Из „Социал-Демократической Корреспонденции", в которой Адлер постоянно работал и которую в течение года редактировал, заменяя заболевшего редактора, заимствована статья „Наш учитель Карл Каутский". Она была напечатана, приблизительно, в десяти австрийских партийных газетах.

Вместе с отказом от перепечатки газетных статей, пришлось ограничить себя также и в помещении журнальных статей. Прежде всего в этот сборник не могли войти обширные работы по избирательной статистике, которые Адлер напечатал в „Kampf" („Борьбе") а также другие статьи, представляющие еще и по-сейчас значительный интерес, как, напр., статья о Венском партийном съезде 1912 года, помещенная в „Neue Zeit" („Новом Времени"), работы педагогического содержания из „Bildungsarbeit" („Просветительная Деятельность"), статьи, написанные для „Рабочего Календаря", речи, произнесенные на партийных съездах и на международном конгрессе в Копенгагене, программы речей для политической агитации, прокламации и т. д.

Последняя статья, написанная Адлером перед началом войны, предназначалась для сборника, который предполагалось выпустить под редакцией автора этих строк в честь международного социалистического конгресса, имевшего собраться в Вене. Сборник этот не вышел. Достаточно взглянуть на обложку, составленную по указанию Фридриха Адлера, чтобы понять, какое потрясение он испытал от тактики, усвоенной социал-демократами в начале войны. На этой обложке полный сил великан-пролетариат поднимал высоко над Веной красное знамя.

Пусть же эта книга послужит великому делу, которому Фридрих Адлер посвятил свою жизнь и для которого он пожертвовал всем. Пусть она поможет пролетариату осознать свое положение и свои задачи, сделает его умственно и физически способным к борьбе, дабы он восторжествовал над всеми своими врагами и превратил мир порабощения и войны в царство свободы и мира.

Вена,
Сентябрь 1917 г. *Роберт Даннеберг.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Карла Каутского.

Многие считают Фридриха Адлера сторонником пропаганды действием. Нет ничего более ошибочного. Пропаганда действием старается своим террористическим эффектом возместить действительную или мнимую слабость своих идей. Для Фридриха Адлера в жизни народов нет силы более могущественной, нежели власть идей, правда, только тех идей, которые имеют свои корни в реальных условиях жизни и заимствуются из изучения этих условий.

Не пропаганде действием, а пропаганде своих идей посвятил он свою жизнь, или, вернее говоря, пропаганде результатов исследования и мышления. Ибо он принадлежит не к числу тех, которые считают возможным познание абсолютных истин, а к числу тех, для кого познание осуществляется только в постоянных поисках за истиной, в беспрерывном процессе совершенствующегося постижения. Такие люди, как он, не проповедуют идеи, как готовый результат, годный для того, чтобы принять их на веру, а стремятся прежде всего приучать людей к мышлению и исследованию, и для них путь познания и метод его важен ничуть не меньше, нежели результаты познания.

Правда, при этом пропаганда идей была для него всегда пропагандой действия в том смысле, что для него теория и практика были неразрывно связаны, подобно тому, как ощущение и движение с физиологической стороны являются результатом действия одной и той же нервной системы. Вся его деятельность носит на себе печать этого единства, которое и является высшей точкой достижения для нашей теории и нашей практики.

Как бы мы ни оценивали человеческое познание — высоко или низко,—во всяком случае, оно вытекает только из опыта. А последний имеет не одну лишь пассивную, но и активную сторону. Я по-

стигаю предметы не только потому, что позволяю им воздействовать на меня, но также и потому, что сам подхожу к ним, стараюсь привести их в движение и изменить их. Весь прогресс познания за пределами первобытной животной стадии совершается, в последнем счете, благодаря деятельному вмешательству человека в природу, которую он пред собою видит, т.-е. благодаря практической деятельности.

С другой стороны, это единственное, сколько-нибудь надежное средство проверки правильности нашего познания. Если результаты познания таковы, что благодаря им мы ориентируемся в нашей среде, то это лучше всего показывает, что они не призрачны, сколь относительно и ограниченно ни было бы их значение. Ведь нельзя же деятельность собственного *я* причислять к предметам, о которых мы не можем иметь никакого представления.

Только проверка на практике дает нам надежное доказательство правильности нашего познания. Отсюда важность опытов для естествознания. В так называемых гуманитарных науках, которые имеют дело с отношениями людей между собою (все остальное относится к естественным наукам), этого средства проверки познания нет, потому что отдельный человек не может производить над человеческими массами такие опыты, какие ему заблагорассудится. Но и в этих науках практика, в конце концов, определяет нашу оценку каждой теории: по плодам ее познаем мы ее.

Тесная связь между теорией и практикой сказывается еще и в другом. В животном мире способность к познанию развивается одновременно со способностью к произвольным движениям. То и другое неразрывно связано между собой и отдельно существовать не может. Способность к свободному движению разрушила бы организм, если бы соответствующая способность к познанию не давала ему возможности пользоваться своими органами целесообразно, т.-е. для надобностей самосохранения, развития и размножения. Только устроенный таким образом организм способен уцелеть в борьбе за существование.

Способность к познанию является оружием в борьбе за существование; стремление к познанию является частью инстинкта самосохранения. Оно так же, как и этот инстинкт, глубоко заложено в организме, а отнюдь не является результатом высокой научной культуры. Мы наблюдаем сильное развитие его уже у ребенка и жи-

вотных. Только очень значительные и длительные препятствия могут его парализовать.

Прогресс культуры приносит с собою как раз такие препятствия для широких народных масс. Он создает разделение труда, расслоение общества на группы, из которых каждая односторонне развивает одну из функций за счет других, между тем, как первобытный человек развивал все функции равномерно и гармонически. Таким образом, создалась пропасть между умственными работниками и физическими, между теоретиками и практиками. Она еще расширилась вследствие того, что колоссальный рост научного материала увеличивает количество посредствующих звеньев между научным исследованием и практическим применением его результатов. Научное исследование становится самоцелью, что, в свою очередь, уже облегчается тем, что стремление к познанию заложено в нас природой и удовлетворение его вызывает ощущение удовольствия, подобно удовлетворению всякого другого человеческого инстинкта. Только это удовольствие более длительное, нежели в других случаях. Таким образом, с прогрессом культуры мы находим: на одной стороне рост механической, не требующей мышления, работы, на другой—создание общественных кругов, для которых мышление является самоцелью.

В связи с этим, царица наук—философия — все дальше отходила от понимания практической задачи всякой науки, — задачи, заключающейся в том, чтобы возможно более целесообразно организовать нашу работу. Она все больше утрачивала связь с практической деятельностью людей и все более отделялась от единственного фундамента, который обеспечивал ее прочность. Таким образом, по мере того, как колоссально возрастали знания людей, одновременно возрастало сомнение в возможности познания вообще.

Но расширявшаяся пропасть между теорией и практикой имела значение только для гуманитарных наук, в которых исключена возможность проверки опытом, но не для естественных наук.

Маркс в свое время протестовал против такого разрыва между теорией и практикой гуманитарных наук. В своих знаменитых 11 тезисах о Фейербахе, составленных в 1845 г., он говорит (в последнем тезисе):

Философы ограничивались только тем, что различно интерпретировали мир, а, между тем, нужно его изменить.

А второй тезис гласит:

Вопрос о том, соответствует ли человеческому мышлению предметная истинность—не есть вопрос теории. Это практический вопрос. На практике человек должен доказать истинность, т.-е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности и недействительности мышления, изолирующего себя от практической деятельности, есть вопрос чисто схоластический.

Этому и соответствует историческая доктрина Маркса. В отличие от традиционных систем, согласно которым мышление развивается благодаря себе и из себя, она признает органическую связь между мышлением и практической деятельностью человека и считает, что они развиваются в постоянном взаимодействии друг с другом и благодаря друг другу.

Это была естественная точка зрения для направления, которое старается соединить практику классовой борьбы с научной теорией социализма, которое ставит себе целью не только понять общество, но и изменить его, которое в одинаковой мере возлагает на ученого обязанность принимать участие в практической борьбе, а на борца—стремиться к теоретическому познанию.

Подобно тому, как для Маркса и Энгельса теория и практика были не противоречием, а двумя нераздельными выявлениями одного и того же организма, подобно тому, как их личная практическая деятельность шла рука об руку с их личной теорией, точно так же. наблюдается это и у их учеников. Но не у всех в одинаковой мере, потому что материальные факты разделения труда оказывают и в наших рядах такое сильное влияние, что никто не в состоянии вполне от него освободиться и никто из нас не в состоянии одинаково проявлять себя в теоретической и практической работе.

К числу тех, кто, благодаря универсальности своей, умел наиболее успешно противодействовать этому стремлению к односторонности, принадлежит Фриц Адлер.

Универсальность его — двоякого рода. Специалист по естествознанию, он сумел, наряду с этим, изучить социальные науки. Вступивши на путь, на котором мог бы сделать выдающиеся успехи в области чистого естествознания, он не мог успокоиться до тех пор, пока ему не удалось отдать свои силы на служение практической пролетарской классовой борьбе. Но при этом он, однако, не отказался от теоретических занятий естественными науками, а тем более социализмом.

Не только в выборе сфер деятельности Фриц Адлер осуществил требуемое марксизмом объединение теории и практики,— то же самое проявляет он в свойствах своего характера. Стремление к познанию есть стремление к истине. Ложь несоединима с наукой, так же как несоединима с нею и склонность к компромиссам. Между тем, практическая деятельность человека идет не в направлении истины, а самосохранения, отстаивания своих интересов, и там, где это совершается в борьбе с другими людьми, это легко ведет к стремлению обмануть противника, если таким образом легче с ним справиться. Это наблюдается одинаково, как на войне, так и в политике. Там, где политика направлена не на пропаганду познания, а служит борьбе враждующих клик, там ложь и интрига играют большую роль. К тому же практика борьбы вызывает стремление увеличить собственные силы посредством привлечения союзников. Отсюда легко возникает склонность к оппортунистическому компромиссу.

С другой стороны, в науке объект исследования, — будет ли то общество, или природа, — настолько громаден, что, в сравнении с ними, отдельная личность ученого и мыслителя кажется ничтожной.

Столь же ничтожной является личность политика и государственного деятеля, по сравнению с огромными партийными и государственными массами, на которые он опирается. Но эти массы не оттесняют отдельную личность на задний план, наоборот, они возвышают ее. Силы государства кажутся личными силами правящего государственного деятеля. Силы партии—личными силами партийного вождя. Его личность занимает центральное место в борьбе, она видна всем, между тем, как ученый сидит в тиши своего кабинета или в лаборатории.

Бескорыстное отречение от своей личности во имя великого дела в такой же мере свойственно научной деятельности, в какой мере политика легко соблазняет стоящего у власти или являющегося вождем политического деятеля к тому, чтобы отождествлять свой личный успех с успехом дела. Ибо то и другое, действительно, развиваются одновременно.

Разумеется, лживость, тщеславие, личный интерес, оппортунизм встречаются в кругах ученых так же, как трогательное бескорыстие, не останавливающееся ни перед чем стремление к истине, непоколебимая непримиримость—встречаются у политических деятелей.

Но такие свойства у ученых и политиков вытекают не из существа их деятельности, а, наоборот, находятся в противоречии к ней.

Не легко гармонически объединить потребности и результаты практической и теоретической работы политики и науки. Не легко стремиться к личному влиянию и сохранять бескорыстие, стремиться к успеху и избегать соглашательства с влиятельными людьми, которые расходятся с вами в убеждениях. Не легко соединять научную искренность и непоколебимость с политической мудростью. Маркс и Энгельс сумели это сделать. Лассаль потерпел на этом крушение. Это удается только там, где практическим успехом, к которому стремятся, считают не преходящий успех момента, а только длительный, конечный успех. Последний может быть достигнут лишь в том случае, когда руководствуются исключительно научным познанием, между тем, как временный успех очень часто достигается благодаря заведомой лжи, благодаря тем средствам, которые в политике легко оказывают деморализующее действие там, где мы имеем дело с политикой момента.

Немного найдется социалистов, которые с такой горячностью отдавались практической политике, как Фриц Адлер, и которые в столь малой степени занимались ею, как политикой момента, которые, подобно ему, всегда взвешивали бы самые отдаленные последствия—как во времени, так и в пространстве—своих поступков и их влияние на ход развития общества, и которые, в соответствии с этим, определяли свой образ действий. Немного найдется людей, у которых методы научного исследования так тесно сочетаются с практическим участием в пролетарской классовой борьбе, как у нашего друга.

Не найдется никого среди нас, кто, стремясь к личному влиянию—а это вынужден делать всякий практический политик, так как влияние его идей измеряется влиянием его личности,—в то же время, подобно Ф. Адлеру, считал бы собственную личность столь ничтожной по сравнению с великим делом, которому он служил. В этом он был настоящий ученый, всецело занятый исследованием общих принципов, управляющих миром.

Что пренебрежение к собственной личности дошло у Фрица Адлера до готовности сознательно и радостно пожертвовать ею, это, конечно, в том виде, как он сделал, является необычным и объясняется не нормальными требованиями теории и практики, а совершенно исключительными обстоятельствами и исключительными

свойствами характера. Но это не находится в противоречии к нормальной теории и практике Фрица Адлера, а свидетельствует только о максимальном их напряжении в эпоху, которая всякого толкает на ненормальные действия и ненормальные жертвы.

Ни один человек—а меньше всего страстный борец—не остается свободным от противоречий. Можно найти их и у Фрица Адлера. Но они у него реже всего встречаются там, где всего чаще наблюдаются у других людей—в отношении между теорией и практикой. Обе они у него вполне однородны и образуют единое целое.

Поэтому нельзя поддаваться тем ощущениям, которые вызвал поступок Фрица Адлера. Тем, кого он заставил глубже призадуматься, следует познакомиться с Фрицом Адлером, как мыслителем, уяснить себе его воззрения, ориентироваться в круге его идей.

Этой цели должен служить предлагаемый здесь сборник. Адлер до сих пор не писал книг. И про него можно сказать то, что говорит Энгельс о себе и Марксе относительно первого периода их социалистической деятельности: „Мы отнюдь не имели намерения нашептать в толстых книгах наши новые научные выводы исключительно „ученому миру“. Адлер стремился громко передать их пролетариату, там где рассчитывал, что его услышат скорее всего: в газетах и журналах. Там рассеяны его работы и, вследствие того, они недоступны для многих читателей в настоящее время Поэтому следует приветствовать, что они теперь собраны в отдельную книгу и тем самым открывают себе новый круг читателей. Практическая деятельность Адлера, взбудоражившая широкие круги, должна была пробудить в них или усилить интерес к теориям, которыми он руководствуется и которые отстаивает. Если, таким образом, то, что кажется пропагандой действия, станет пропагандой идеи, то результаты получатся более длительные и выходящие за пределы момента.

Берлин,
сентябрь 1917 г.

Отдел первый.

Статьи, написанные во время войны

(с октября 1914 года по октябрь 1916 г.).

„Volkstribune“ („Народная Трибуна“).
7 октября 1914 г.

Что такое интернационализм.

Неужели мы, действительно, забыли всё то, что сами проповедовали сепаратистам? Неужели наш интернационализм, действительно, опустился до уровня либеральной фразы об общем братстве народов, до уровня ни к чему не обязывающей болтовни насчет общих культурных идеалов?

Социал-демократический интернационализм питается из двух корней: демократии и социализма. В качестве демократов мы признаем равноправие и самоопределение наций. Из этих демократических принципов проистекает наша симпатия ко всякой борьбе против иноземного владычества, и эту борьбу мы признаем у других наций столь же правомерной, как у своей собственной.

Во всем, что мы требуем в качестве демократов, сепаратисты с нами совершенно соглашаются. И всё-таки между нами и ими оказалась глубокая пропасть. Эти демократические принципы составляли всё и вся в „интернационализме сепаратистов“. Между тем, для немецких товарищей в этом конфликте самым главным было социалистическо-пролетарское ядро интернационализма. Это даже было единственным, что они соглашались назвать „интернациональным“. И потому товарищ Отто Бауэр предложил тогда называть направление, которое ограничивается тем, что признает за всеми нациями одинаковое право на свободу и национальное развитие—не интернационализмом, а „паннационализмом“. И вот теперь мы с ужасом видим, что многие немецкие социал-демократы обнаруживают неясность мышления, весьма напоминающую сепаратизм. Ведь дошли даже до того, что стали усматривать сущность Интернационала в том, что пролетарии всех стран волею судеб одинаково вынуждены воевать друг против друга.

Мы признаем за всеми народами право обороняться против громил, врывающихся в их страну. Мы знаем, что капиталистический империализм и старание обогнать друг друга в вооружении поставили почти все государства под угрозу стать жертвой подобного нападения. Мы понимаем, что и рабочие в странах, которым угрожает эта опасность, берутся за оружие в силу примитивного чувства самосохранения. Можно даже пытаться оправдать это на основании демократических принципов. Но мы не можем допустить, чтобы эти соображения были признаны решающими для социал-демократов, которые сознательно стоят на почве классовой борьбы.

Пролетарско-социалистический интернационализм рассматривает все мировые события, в первую очередь, с точки зрения того, как повлияют они на борьбу, которую рабочий класс ведет в целях освобождения своего из-под ярма капитализма. Для такого истинно социалистического интернационализма общие интересы рабочего класса всех наций важнее общих интересов всех классов одной и той же нации. Это—наше старое убеждение, которое мы отстаивали, когда сепаратисты соскользнули с позиции классовой борьбы на позицию демократического национализма. И многим немецким социал-демократам было бы теперь полезно снова прочитать статью [1]), которая была напечатана в июньской книжке 1910 г. в „Kampf“ („Борьбе“) для того, чтобы объяснить сепаратистам сущность интернационализма:

Интернационализм означает подчинение всех обособленных национальных целей общему классовому интересу всего пролетариата. Интернационализм требует, чтобы всякая национальная борьба расценивалась с точки зрения общих интересов, которые объединяют пролетариев всех стран...

Поэтому и в настоящее время существенным признаком истинного интернационализма является подчинение всех обособленных требований национальной демократии общему интересу всего пролетарского движения, совершенно независимо от того, интересы какой именно нации в каждом случае оказываются затронутыми. Мы должны защищать и поддерживать каждое национальное требование, осуществление которого идет на пользу демократизации Европы. Но столь же решительно должны мы бороться со всяким национальным требованием, усиливающим общественную или политическую реакцию. Поэтому национальное равноправие и национальное самоуправление должны поддерживаться нами лишь постольку, поскольку это соответствует классовому интересу всего пролетариата. Сущность интернационального мышления заключается в том, чтобы рассматривать все общественные, политические и национальные явления не с точки зрения интересов какой-либо отдельной нации, а с точки зрения всего международного пролетариата, признавая преимущество общих классовых интересов перед всеми обособленными национальными интересами. Интернациональное мышление не исключает требований национальной демократии, но подчиняет их своему высшему принципу.

---

[1]) Она подписана псевдонимом Отто Бауэра—Генрих Вебер.
Прим. изд.

...Мы не должны забывать, что для интернациональных социал-демократов выше всех обособленных потребностей национальной демократии стоят общие потребности международного единения. Именно в этом и заключается сущность интернационализма: в таком принципиальном подчинении одних потребностей другим, а не в простом чувстве симпатии или в случайных денежных жертвах для надобностей рабочих другой национальности.

Бурный поток военных событий унес в национальный фарватер многих, относительно кого мы не допускали такой возможности. Тем выше должны мы ценить старания тех товарищей, которые попытались подойти к событиям с социалистическо-пролетарской, классовой точки зрения. Правда, им это не вполне удалось, что видно уже из того, что старое положение Маркса о борьбе против реакции на Востоке дало в различных странах совершенно различные выводы. Для германских и австрийских товарищей восточным варварством является царизм, бельгийцы же и французы видят восточных соседей прежде всего в Пруссии.

Мы не будем здесь обсуждать вопрос, как следует правильно оценивать влияние событий на развитие освободительной борьбы рабочего класса. Мы хотим здесь только констатировать, что исходной точкой всех рассуждений интернационального социал-демократа, само собою разумеется, должен быть классовый интерес пролетариата. Мы не собираемся также подвергать критике тактику социал-демократов в зарубежных странах. При тех чрезвычайно скудных известиях, которые до нас доходят, вряд ли возможно составить себе отчетливое, правильное представление. Лучше будем смотреть за тем, что делается у нас дома. Право, здесь будет достаточно работы. А главное, не будем забывать, что все наши мысли и чаяния еще не оказали никакого влияния на железную логику событий, и что, наоборот, в будущем, наши мысли и поступки будут определяться теми фактами, которые ныне создаются на полях сражений. Постараемся же, чтобы будущее застало нас тем, чем мы были всегда: интернациональными социал-демократами.

„Socialdemokratische Korrespondenz“ („Социал-демократическая корреспонденция)“. Октябрь 1914 г.

Наш учитель Карл Каутский.

К его 60-летию—16 октября 1914 года.

Бебель рассказывает в своих мемуарах, как он принялся за чтение брошюр Лассаля с тем, чтобы их опровергнуть и, в конце концов, подчинившись их убедительной силе, стал социал-демократом. Для него, как и для многих наших товарищей старшего поколения, Лассаль был учителем, который привел их в царство социализма. Младшее поколение училось социализму прежде всего у Карла Каутского. Его комментарии к Эрфуртской программе научили нас, как следует отвечать на бессодержательные аргументы и грубые измышления наших буржуазных противников. В его изложении экономического учения Карла Маркса мы впервые постигли основную причину бедствий капиталистического строя. Эта книга подготовила нас для дальнейшего изучения теорий эксплоатации. Каутский был нашим первым руководителем в изучении истории социализма. Он укрепил нашу веру,

показав, как глубоко заложена идея коммунизма, как близка она была уже великим философам древней Греции и какую существенную роль она сыграла при возникновении христианства. Он познакомил нас с великими предтечами современного социализма, в первую очередь, с Томасом Мором и его утопией. Он показал нам, на какой почве выросла борьба современной нам эпохи, когда изобразил сложные классовые противоречия в эпоху Великой Французской революции. Уроки прошлого послужили Каутскому, главным образом, для того, чтобы иметь возможность осветить проблему настоящего. Он мастер ясного изложения, он умеет найти самый существенный пункт в наиболее запутанных вопросах и выяснить его читателю при помощи краткой, наглядной антитезы.

Большую пользу принесли нам его работы о парламентаризме и непосредственном народном законодательстве, аграрном вопросе, торговой политике и проблемах милитаризма. Нет ни одного вопроса в теории и практике борющегося рабочего класса, для выяснения которого он не сделал чего-нибудь,—главным образом, благодаря своей работе в журнале „Neue Zeit“, который он основал и который редактировал в течение трех десятилетий. Его значение выходит далеко за пределы областей, где господствует немецкий язык. С одной стороны, он сам неутомимо и с неослабным интересом старался разобраться в проблемах пролетариата всех стран, входящих в Интернационал, а в то же время его книги и статьи переводились на все языки, и марксисты всех стран с благодарностью называют себя теперь его учениками. Ибо он старался сохранить и приумножить великое наследство, полученное от Карла Маркса и Фридриха Энгельса, и для этого отдал всю свою жизнь. Он справился с труднейшей задачей—изданием работ, оставшихся после нашего учителя, и ему удалось сделать доступной для нас заключительную часть великого труда, которая была задумана, как четвертый том „Капитала“: „Историю теорий прибавочной стоимости“.

Но не только в этих литературных работах он является наследником Маркса и Энгельса. Он был одним из немногих, которые, при всех обстоятельствах, не теряли веры во всемирно-историческую миссию пролетариата, проникнутого классовым сознанием. Его бранили, называя ортодоксом и буквоедом, но нет ничего смешнее этого близорукого обвинения, которое за словом не видит того мира, из которого оно вышло, ибо Карл Каутский почерпал свои убеждения из того мира, который был достаточно велик, чтобы заполнить все помыслы человеческой жизни.

Когда на рубеже столетия ревизионизм, ослепленный благоприятной экономической конъюнктурой, провозгласил свое учение о постепенном врастании в социализм, Карл Каутский упорно и на-

стойчиво, не взирая на насмешки и издевательства, твердил массам то, чему учили Маркс и Энгельс: что мир не идиллия, и что понадобится самая упорная и тяжелая борьба, чтобы привести пролетариат к победе. Тогда он показал нам истинный путь к власти и доказал, что все мирные мелодии ревизионизма могут быть лишь преходящим явлением, что задача пролетариата может быть осуществлена только при посредстве социальной революции. Но ею она уже будет осуществлена.

В настоящее время, когда земля содрогается от грома орудий, когда многие потеряли мужество и среди военных кликов забыли о том, что до сих пор составляло содержание их жизни, теперь мы с особой любовью и почтением взираем на нашего старого учителя. Ибо он остался твердым и непоколебимым. Карл Каутский переживает современные события мировой истории так сильно и непосредственно, как вряд ли кто-нибудь другой, но он не опускает знамени, которое нес всю свою жизнь. Он видит, как господа положения делают историю, но он знает, что этим еще не исчерпывается содержание истории, ибо в том и заключалась вся работа и задача его деятельности, чтобы вселить в нас убеждение, что пролетариат призван делать мировую историю наравне с теми силами, что господствуют ныне. Мог ли он растеряться от того, что задрожала земля, он, который всегда был глубоко убежден, что земля должна дрожать, когда рабочий класс будет выполнять свою задачу. И в настоящее время больше, чем за все знания, которые он сообщил нам, мы должны быть ему признательны за его веру во всемирно-историческую миссию рабочего класса. Эта вера делает его для нас примером. Как Маркса и Энгельса, Каутского интересует только один вопрос: как влияют события на борьбу, которую рабочий класс ведет для своего освобождения от цепей капитализма. И когда малодушные сердца и неясные головы смущаются от неистовых военных криков и, растерявшись, становятся глашатаями какого-нибудь „современного“ лозунга,—для Каутского существует только одна задача,—старая задача, за которую он держится, не взирая ни на что: объединение рабочих всех стран против их единственного врага, против опустошающего капитализма. И потому этот день рождения Карла Каутского, выпавший в такое время, когда между народами воздвигнуты окопы,—является днем упования Интернационала, ибо мы знаем наверняка, что и по ту сторону окопов рабочие чувствуют, что Карл Каутский неразрывно с ними связан в своих самых сокровенных мыслях, самых смелых чаяниях.

В дни, когда на земле проливается так много слез о жизни павших на полях сражений, мы должны снова и снова напоминать себе, что, несмотря на все муки, которые мы переживаем,

существует нечто высшее, нежели сохранение физического существования--сохранение моральной личности. И, как моральная личность, Карл Каутский в эти дни оказывает на нас действие, пожалуй, еще более сильное, нежели как мыслитель и ученый. Здесь он связан с великой традицией революционного Интернационала, борцы которого не только страдали в тяжкой повседневной борьбе, но были также готовы пожертвовать кровью своей для дела, которому отдали свою жизнь. Карл Каутский остался верен своему знамени. Он знает только одно знамя, но оно достаточно величественно и прекрасно, чтобы заполнить жизнь человека. Пожелаем же ему еще долго с полным запасом сил бороться под этим знаменем и неутомимо проповедовать пролетариату старое, но вечно новое учение: проникайтесь классовым сознанием, готовьтесь к выполнению нашей всемирной исторической задачи и будьте социал-демократами.

„Kampf“ („Борьба“). Январь 1915 г.

Социал-демократия в Германии и война.

Хотя война и чрезвычайно сильно взбудоражила все элементарно человеческие чувства и хотя непосредственная опасность, которую представляют вражеские войска, переживается очень остро, тем не менее, все-таки те, кто привык рассматривать события прежде всего в качестве социал-демократов, должны были с величайшим вниманием следить за проблемами партии, за ее нынешними решениями и грядущими перспективами.

Особенно сильное влияние оказала война на германскую социал-демократию. В ее рядах борются два настроения: удовлетворение и вера в будущее у одних, разочарование и тревога у других. В организации и во фракции рейхстага имеются два направления и они все резче проявляются в партийной печати. В личной форме они наиболее ярко выразились в индивидуальных актах Людвига Франка и Карла Либкнехта, которые оба одинаково решительно порвали со старыми партийными традициями.

Время, когда для партии станут возможны практические выводы, лежит еще в далеком тумане, но изо дня в день всё настойчивее сказывается потребность самоуяснения, потребность хотя бы психологически понять, что пережила партия за эти месяцы. Это стремление к самопознанию еще усиливается вследствие необходимости занять определенную позицию по отношению к весьма резко отрицательным отзывам, которые появились по поводу тактики германской социал-демократии в социалистических газетах других стран,

примыкающих к Интернационалу,—в особенности, нейтральных. Не взирая на все трудности, которые представляет сейчас публичное обсуждение этих вопросов, партийные газеты и журналы в Германии уже поместили на эти темы изрядное количество статей. Мы не будем с ними полемизировать, равно как и с отзывами иностранной печати, а только попытаемся здесь передать впечатления товарища, который хотя сам никогда не работал в германской партии, но всегда с живейшим участием следил за тем, что в ней совершалось. Может быть, именно благодаря тому, что мы осветим отношение заграничного товарища к германской социал-демократии, мы будем способствовать уяснению вопроса.

Германская социал-демократия была идеалом для всех социалистических партий Интернационала, которые выросли за три последних десятилетия. Даже в партиях, обладающих более старой традицией, как во французской, германский метод всё больше входил в почет. Это объяснялось не только внешним его успехом. Несомненно, колоссальный и безостановочный рост числа избирателей, подписчиков газет, членов профессиональных союзов, членов партии, колоссальное развитие материальных средств, которыми располагали все учреждения и предприятия—всё это импонировало. Но германская партия была примером для всех остальных еще в гораздо более глубоком смысле: в ней наиболее полно и беспримесно выражалась истинная сущность социал-демократии. То, что другим рисовалось лишь в виде идеала, было в ней живой жизнью. Она представляла собою грандиозное движение, которое в сознании своей мировой исторической миссии, ни перед чем не смущаясь, шествует неудержимо и победоносно, концентрируя все свои силы и мысли на единственной цели—освобождении рабочего класса. Не за то, что сделала германская социал-демократия для заграничных партий—хотя она и сделала очень много,—не за ее деятельное участие в создании интернациональной организации, а, прежде всего, за примерное ведение классовой борьбы в самой Германии—вот за что ее все признавали образцовой армией Интернационала.

Надо сначала понять, как дорога была германская социал-демократия заграничным товарищам, как она для каждого являлась предметом высшей гордости и источником веры в победу, и только тогда можно понять психологическое действие событий, развернувшихся со времени войны. Уже одно то обстоятельство, что германская социал-демократия должна остановиться, что уже не классовая борьба, а война господствует на мировой сцене, уже одно это, хотя теоретически и раньше никто не стал бы отрицать такой возможности,—уже одно это, внезапно ставши реальным фактом, произвело потрясающее действие. Можно было предвидеть, что германские пролетарии, в качестве солдат, выполнят свой

долг. Но что германский рабочий класс, как партия, внезапно заключит с господствующими классами формальное перемирие, что партия объединится с ними для общего действия—это было неожиданностью как для друзей, так и для противников. Нам нет надобности исследовать здесь, действительно ли, и в какой мере, этот шаг был неизбежен. Мы констатируем только его психологический эффект. У заграничных социалистов он был так же силен, как у германских, хотя почти во всех странах партия пролетариата или, по крайней мере, отдельные ее части пошли тем же путем. Но то обстоятельство, что это могло случиться также и в Германии, что и великая, непреклонная германская социал-демократия должна была склониться, что даже гордый передовой отряд Интернационала не ушел от общей судьбы,—это явилось для рабочих всего мира истинным experimentum crucis его силы и стало символом исторической ситуации.

Не тот факт, что пролетарии стоят друг против друга в окопах, а то, что они в каждой стране объединяются с господствующими классами, вот что ощущается, как крах социал-демократической идеологии, как поражение социализма. Не в войне народов, которую, при данных условиях, конечно, надо было признать как vis major (неопреодолимую силу), а в междуклассовом мире заключается центр всех современных проблем партии.

Неожиданно и внезапно солидарность классов стала фактом. Пред его лицом партия оказалась теоретически совершенно неподготовленной. Никогда такая возможность не подвергалась в Германии серьозному обсуждению. А между тем, социал-демократические политики и редакторы газет не могли стать на философско-созерцательную точку зрения того великого математика, который однажды сказал своим ученикам: „Я открыл новую теорему, не знаю только, как я ее буду доказывать“. Они были вынуждены говорить немедленно, хотя бурно возбужденная обстановка не давала ни времени, ни спокойствия для трезвого обсуждения вопроса. То, что тогда было сказано, в тот момент произвело чрезвычайно сильное действие, но не может претендовать на признание и впредь, без дополнительной поверки.

В партийной печати при оценке ситуации можно было различить три основных направления: первое считало классовую солидарность ошибкой и боролось против нее, второе отрицало солидарность и соглашалось признать лишь временный параллелизм классов, причем пыталось доказать, что партия заняла эту новую позицию в силу своих прежних принципов (борьба против царизма и т. д.). Третье направление приветствовало новую ситуацию с восторгом и просто-на-просто усвоивало буржуазную ориентацию, без всякого стеснения руководствуясь принципом „Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt“ („Германия превыше

всего на свете"), словно в партии никогда и не знали никакой иной точки зрения.

Последнее направление могло наиболее обстоятельно излагать свои взгляды и распространять их в самом широком объеме, а потому социалисты нейтральных стран считали эти взгляды характерными для всей партии. Это более всего способствовало тому, что положение германской социал-демократии представлялось многим не в виде трагического конфликта, а в виде совершенно непонятного отречения от социалистических идей, и, действительно, многие статьи заставляли думать, что классовая солидарность воспринимается не по нужде, не со скрежетом зубовным, а что, наоборот, солидарная деятельность приветствуется радостно, как начало новой эры. Дни величайшего унижения для гордой, сознававшей свою силу социал-демократии приветствовались, словно праздник, словно достижение давно желанной цели. И чувство поражения социал-демократии, которое испытывали многие товарищи, вызывалось не войной, даже не „бургфриденом" (гражданским перемирием), а, главным образом, тем, что всё это воспринималось с восторгом.

Уничтожение Интернационала радостно провозглашалось противниками и оплакивалось многими товарищами. Между тем, более тщательное исследование показывало, что удар нанесен не Интернационалу, а, главным образом, первенствующему положению, которое занимала в нем германская социал-демократия. Причины этого лежат не только в самой германской социал-демократии, а и в тех представлениях, которые о ней сложились. До сих пор недостаточно принимались в расчет исторические условия ее деятельности. Германская социал-демократия, несомненно, с начала 70-х годов была партией неуклонной классовой борьбы и не знала никаких других проблем, кроме этой. Всё живущее ныне поколение выросло уже в такой обстановке. Но нужно почитать мемуары Бебеля, чтобы понять, с какой напряженностью занимался он и его друзья в 60-х годах вопросом национального объединения Германии. Еще на лейпцигском процессе о государственной измене в 1872 г. Вильгельм Либкнехт в той знаменитой речи, где он назвал себя „солдатом революции", сказал: „Двоякого рода идеал рисовался мне с юных лет: свободная и единая Германия и освобождение рабочего народа, т.-е. уничтожение классового господства, что равносильно освобождению человечества. Ради этой двоякой цели я боролся по мере сил и буду продолжать бороться до последнего издыхания. Таков мой долг". Практическая неосуществимость великогерманской идеи, невозможность изменить границы новой империи и, главным образом, опьянение победой, охватившее господствующие классы, очень скоро отодвинули совсем на задний план один из идеалов Либкнехта, и массы, которые теперь привлекались к партии, не знали другой

цели, кроме освобождения рабочего класса. Уже в 1873 г. положение настолько определилось, что Гервег писал в своем известном мартовском стихотворении:

Achtzehnhundert siebzig und drei
Reich der Reichen, wie stehst du, Juchhei,
Aber wir Armen, verkauft, verraten,
Gedenken der Proletarier taten.
Achtzehnhundert siebzig und drei,
Noch sind nicht alle Märzen vorbei [1]).

С этих пор Германская империя была для социал-демократов „империей богачей", и все их мысли поглощались надеждой, что наступят „еще новые мартовские дни". В Германии уже больше ни разу не ставится немецкий национальный вопрос, а только вопросы классовой борьбы. Делалось это с чрезвычайной резкостью без всяких ограничений, что вызывалось, главным образом, политикой господствующих классов. Весь этот период, длившийся более четырех десятилетий, характеризуется двумя именами: Бисмарка и Вильгельма II. Бисмарк для социал-демократии означал закон о социалистах, Вильгельм II—это законопроект о перевороте (Umsturzvorlage) и все речи о разгроме „внутреннего врага", о необходимости „стрелять в родного отца и мать", о „скопище людей, недостойных называться немцами". Это самомнение человека, который смело называл себя „орудием Господа Бога".

Таким образом, партия, уже в силу внешних условий, всецело концентрировалась на классовой борьбе. Кроме этого нет ничего, о солидарной деятельности классов не говорится ни слова ни в программе, ни в прессе, ни в стихотворениях, ни в песнях, в которых непосредственно выражается то, что волнует чувства масс. Двоякая цель Либкнехта была забыта. В новой Германской империи знали только одну цель—освобождение рабочего народа. И всё, что хотя бы в отдаленной степени могло отвлечь от этой цели, и даже всё, что мешало признать эту цель в полном ее величии и всемогуществе, подавляющее большинство партии предавало анафеме. И постоянно над всеми противоположными тенденциями торжествовала „традиционная, увенчанная победами, основанная на классовой борьбе тактика партии", как говорилось в дрезденской резолюции.

Это исторически счастливое положение, в силу которого борьба социал-демократии в течение десятилетий стояла в центре событий, вызывало у многих товарищей в Германии и за-границей, а в особенности у тех, кто глубже был захвачен идеологией социализма—невольную переоценку и заставляло их думать, что блестящий

[1]) 1873 год, ура, империя богатых! Но мы, бедные, преданы и проданы, мы храним в памяти подвиги пролетариев. Еще не все мартовские дни прошли в 1873 г.

рост германской социал-демократии всецело вызван ее собственными силами. При этом совершенно упускалось из виду, какое влияние оказали специальные, благоприятно сложившиеся исторические условия в Германии. И когда война поставила партию перед совершенно новым положением, то наступило глубокое разочарование как раз среди тех товарищей, для которых германская социал-демократия воплощала собою высший идеал пролетарского движения, образцовую классовую партию.

Но еще более неожиданным, нежели уныние, охватившее одних, было удовлетворение и даже ликование, проявленное другими. Откуда явилось у них внезапно это настроение? Неужели они, действительно, за одну ночь обогатились новыми идеями, новыми чувствами, новыми целями? Если внимательно пересмотреть протоколы германских партийных съездов, то можно убедиться, что „промахи" встречаются не случайно и не как отдельные факты, а представляют собою в своей совокупности определенное развитие одной части партии. Если перечитать теперь обстоятельные дебаты эссенского партейтага 1907 г. по поводу известной речи Носке, в которой тот заявил, что, в случае войны, он сам возьмет ружье на плечо, то с удивлением убеждаешься, как много из тех настроений, которые нас поразили в августе, уже тогда наблюдались в известной части партии. Правда, могло казаться, что это направление исходит лишь из потребностей практической агитации, которой постоянно приходилось считаться с духом прусского милитаризма, внедряемого уже в школе в немецких рабочих. Речь Носке, как и всё настроение, выразителем которого он был, пытались объяснить исходом выборов в рейхстаг в 1907 г., когда социал-демократия была „вышиблена из седла". Многие тогда даже порицали германскую партию за то чрезмерное внимание, которое она уделяет случайным промахам. Но теперь становится ясно, что там происходит не бесполезный спор, а выяснение вопроса, который ныне затрагивает партию в ее принципиальных основах и который раньше, к сожалению, не обсуждался в достаточной мере.

Хотя это звучит неправдоподобно, но следует признать, что трудности, которые встретила на своем пути германская социал-демократия, в значительной мере проистекают от того, что партия теоретически была недостаточно вооружена. Она страдала этим в такой же мере, как социалистические партии других стран. Говорили, например, очень много об опасности империализма, и на съезде в Хемнице в 1912 году выслушали великолепный реферат товарища Гаазе. Но острый политический интерес агитации против войны ни разу не дал заняться вопросом, какую позицию займет социал-демократия, если война все-таки наступит. Правда, международный конгресс в Штутгарте отверг положительную формулировку утопических проектов Вальяна и

Жореса, но он не решился также последовать за неумолимой логикой Жюля Гэда, резолюция которого самым резким образом указывала предел возможностей пролетарских выступлений против войны в рамках капиталистического строя. Согласились на том, чтобы предоставить всем „неограниченные возможности". Это наиболее соответствовало точке зрения германской социал-демократии, ибо хотя ее делегация в Штутгарте, а также впоследствии, всегда противилась установлению общеобязательной тактики, но всё же ее большинство, представителем которого был Бебель, обычно связывало в своих представлениях мировую войну с началом социальной революции. И эта мысль в такой мере заслоняла для них всё остальное, что они никогда не попытались выяснить, как будет держать себя социал-демократия, если мировая война застигнет ее прежде, чем назреет момент для социальной революции. В том же направлении, как мы уже сказали, действовал актуальный тактический интерес, заключавшийся в том, чтобы запугать господствующие классы, которые тем сильнее испытывали страх перед социал-демократией в случае войны, чем меньше выяснялись „неограниченные возможности". Но эта политическая выгода в повседневной борьбе покупалась за счет принципиальной ясности в умах рабочего класса. У многих рабочих возникла даже туманная иллюзия, будто „неограниченные возможности" независимы от времени, так как социал-демократия в состоянии при всяких условиях помешать войне. Коротко говоря, многие фактически стояли на почве резолюции Вальяна-Жореса или, пожалуй, еще дальше уходили в область утопии. У многих из них, когда их разбудила суровая действительность августа 1914 г., обнаружилось то удивительное состояние умов, которое, по терминологии новой венской школы психиатров, можно было бы определить, как „воодушевление в пользу войны, вызванное чрезмерной компенсацией стремлений к восстанию". Но общая теоретическая растерянность охватила не только тех утопистов, которые считали возможным выступление пролетариата в случае войны при всех обстоятельствах. За то, что социал-демократия ни разу не дала себе строгого и ясного отчета в том, каково будет ее положение в случае возникновения войны—за это она жестоко поплатилась. Она оказалась неподготовленной в тот момент, когда все привычные устои зашатались. Вот почему случилось, что предмет гордости германской социал-демократии, ее принципиальная социалистическая тренировка, дала самые жалкие результаты при первом же испытании. Были подхвачены буржуазные лозунги, причем иногда даже не делалось попытки связать их с социалистическими принципами. Но социал-демократия может сохранить уважение противников и собственных сторонников лишь в том случае, если ей удастся представить свои действия, как результат своего

миросозерцания. Когда социал-демократы внезапно усваивают принцип „Германия превыше всего на свете“, то не нужно насмешек врагов для того, чтобы вскрыть здесь противоречие. Социал-демократия должна объяснить свое поведение и связать его со своей прежней точкой зрения, которую она всегда отстаивала, с точкой зрения, что „социализм превыше всего“.

* * *

Германская социал-демократия очень много говорила об империализме, но, когда она обсуждала свою тактику на случай войны, она, в сущности, никогда не имела в виду такой империалистической войны, какую мы сейчас переживаем. Можно сказать, что она всегда считалась с перспективами более наивных войн. Ее демократическая аргументация пасовала перед империалистической действительностью. То, что Карл Каутский уже предсказал в Эссене, что различие между войной наступательной и оборонительной нельзя будет провести, подтвердилось в действительности в гораздо большем объеме, нежели можно было предполагать. Правительства всех почти стран утверждали, что они являются жертвами нападения. Для этой мировой войны характерно, что в качестве цели мобилизации и войны указывалось на то, что сосед мобилизуется и угрожает войной. Призрак наступательной и оборонительной войны оказался несостоятельным, не только потому что его нельзя было уловить в каждом отдельном случае, но и потому, что он не мог, вообще, иметь решающего значения. Если воля зачинщика войны и являлась когда-нибудь причиной, то несомненно, что в войне империализма с нею можно считаться только, как с поводом. Причиной войны можно считать только условия самой системы, весь экономический быт современного капиталистического общества. Нарушение неустойчивого равновесия, в котором находится современный империалистический мир, могло последовать от действия, которое по своим намерениям и целям чрезвычайно ничтожно по сравнению с грандиозными силами, приводимыми им в движение. Мир империализма легче всего понять именно с точки зрения Маркса. Он представляет собою в размерах, доселе небывалых, машину с принудительным ходом, в которой, если только она приведена в движение, действие отдельных частей уже не зависит от их воли, а повинуется неотвратимой необходимости. И если германская социал-демократия ограничивалась тем, что ставила свою тактику в зависимость от способа возникновения войны, то тем самым она игнорировала ее причины и оказывалась виновной в недооценке войны.

Все социалистические соображения были направлены на цели войны, между тем, как самым существенным в той войне, ко-

торую мы теперь переживаем, является бытие войны. Решающие моменты лежат не в сфере политики, война переживается, как стихийное явление. В каждой стране население желает пользоваться защитой своей жизни, своей экономической организации, своих национальных прав; оно желает пользоваться этой защитой, хотя бы жизнь была жалкой, хозяйство эксплоататорским, государственность несовершенной, а нация несвободной. Оно не желает терять свою жизнь, не желает, чтобы страна превращалась в театр войны, не желает ущерба для экономических условий, не желает иноземного владычества, словом, не желает, чтобы условия существования ухудшались. Судьба населения, как такового, гражданского и призванного на войну,—вот интерес, которому подчинены массы, и этим определяются возможности для осуществления политических целей посредством войны.

Война есть продолжение политики только иными средствами. Но война не только продолжение политики господствующих классов, она делает их политику единодержавно господствующей. Всё, что можно поставить в упрек тактике социал-демократии, в последнем счете сводится к тому, что она не поняла, что, вообще, не может быть никакого продолжения ее политики. Разве что ее политика тоже станет войной, ее войной. Тот суровый факт, что во время войны слово принадлежит исключительно военной политике, этот факт не был достаточно осознан, и потому постоянно делались попытки экскурсий в область политики. Одни носили характер якобы социалистический, другие—откровенно буржуазный. Первые являются попытками с негодными средствами, вторые—попытками, негодными для социал-демократов. Этим только затушевывался и затемнялся тот простой факт, что пролетарии идут на войну, как солдаты, а не как социалисты.

У фабричных ворот толпятся безработные. Каждый прилагает все старания к тому, чтобы первым проникнуть в контору и, если можно, опередить конкурентов. Решится ли кто-нибудь обвинять этих рабочих в нарушении социалистической солидарности? Ведь у них имеется только выбор между животной борьбой за существование и христианским самоотречением, который приносит свой интерес в жертву чужому. И в таком же положении находятся солдаты на полях сражения перед лицом смерти и народы, которые вовлечены в войну и боятся опустошения своей страны. Им поставлено на выбор убивать или быть убитыми, нести опустошение, связанное с войной, в чужие страны, или претерпеть его у себя дома, т.-е. им поставлено на выбор либо животными средствами нанести поражение другим, или же, в христианском смирении, претерпеть его самим. Между тем, социализм—учение не животное и не христианское, а что-то иное. Он не учит перелагать страдания на других, но и не учит принимать их на себя. Он же-

лает, вообще, уничтожить страдания. И надо постоянно помнить и знать, что тот мир, в котором речь может идти только о способе распределения страданий, совсем не является миром социализма. Что люди стараются свалить друг на друга бедствия капитализма и ужасы войны — это мы вполне можем объяснить их волею к жизни, но мы не должны утверждать, что индивидуальное спасение отдельных личностей имеет что-либо общее с социалистическим избавлением всех. Когда читаешь военные обзоры социалистической печати, всегда хочется сказать: Да замолчите о социализме. Признайте, что пролетарии ведут эту войну, как солдаты, а не как социалисты, как граждане государства, которое существует, а не как граждане государства, которое создастся в будущем.

Наши великие учителя—Маркс, Энгельс и Лассаль, а также Бебель и Либкнехт—во время всех войн обсуждали, какой исход будет наиболее способствовать успехам рабочего класса. И в настоящее время каждый социал-демократ в отдельности может заниматься этим. Но все такие размышления могут относиться только к области надежд и дум. Они никогда не могут стать практической социалистической программой, ибо социалистическая программа возможна лишь в том случае, если она может стать программой Интернационала.

Несомненно, никогда не наблюдалось такого богатства политических лозунгов, как в этой войне. Но каждый мог рассчитывать на признание только в той стране, военным целям которой он отвечал. Социал-демократия тоже старалась прикрасить войну при помощи социалистических лозунгов, но это были только лозунги. Война, как таковая, гораздо сильнее врезалась в непосредственную жизнь. Осуществление однообразной политики Интернационала не удалось не только вследствие недостаточной предварительной подготовки. Оно должно было рушиться от столкновения с железными фактами самой войны. В Германии бросили лозунг „Борьба против царизма“, а из Франции в ответ раздался лозунг „Сокрушение прусского милитаризма“. В Германии стояли на той точке зрения, что страна с наиболее сильной социал-демократией не должна быть оставлена без защиты, а, между тем, в Бельгии и во Франции всё еще жива идея, выраженная в резолюции Вальяна-Жореса в 1907 г., что нация, независимость и самостоятельность которой находятся под угрозой, „имеет право на помощь со стороны рабочего класса всего мира“. Эти противоречия не доказывают, как думают иные, что рабочий класс каждой страны должен вести свою собственную внешнюю политику. Они доказывают лишь то, что, как бы планомерна ни была каждая из этих тенденций в отдельности, все-таки пролетариат не имеет права стремиться к

осуществлению какой-либо из них посредством войны. Ибо война сама по себе оказывает на каждую страну действие более непосредственное, нежели любой из этих политических интересов. И подобно тому, как рабочий класс не мог бы постановить добровольно подчиниться обнищанию, если даже и верно, что это будет способствовать развитию социализма, точно так же нельзя требовать от народа, чтобы он сознательно согласился претерпеть поражение в войне. Люди могут до крайнего напряжения бороться за достижение своей цели, но психологически немыслимо, чтобы массы „принимали на себя крест". Если признать этот факт, то для современных условий война, как метод действий пролетариата, совершенно исключается. Военная политика может быть только политикой господствующих классов.

Капиталистический строй не мог бы совершенно существовать, если бы он не подчинял своим целям самые непосредственные жизненные интересы пролетариев. Эту возможность он имеет, как во время войны, так и во время мира. Капиталисты могут эксплоатировать, потому что рабочие должны работать, чтобы существовать. Империалисты могут вести войны, потому что народы должны бороться, чтобы существовать. Продукт труда не принадлежит рабочим и продукт войны не принадлежит пролетариату. Такова уже судьба пролетариата, что свой труд и свою жизнь он вынужден отдавать на служение господствующему общественному строю. В мастерской и на поле сражения он отдает себя ради удовлетворения непосредственных физических потребностей. Свою социалистическую политику он будет делать после того, как фабричный гудок возвестит конец работы и когда колокола заблаговестят о конце войны. Бытие сегодняшнего дня делает пролетария орудием капиталистов. Для целей будущего он трудится только тогда, когда может следовать своему желанию работать на пользу социализма.

Рабочие находятся во власти конкуренции капитализма, во власти той мелкой и крупной борьбы, которая ведется на почве этой конкуренции. Путаница в головах возникает только тогда, когда они принимают капиталистические цели, преследуемые в такой конкуренции за свои собственные цели, когда они забывают, что они должны жертвовать своей рабочей силой, но не своими идеалами, своим телом, но не своим духом. Из внутреннего противоречия своего классового положения пролетариат, вообще, не может выйти, пока остается в капиталистическом строе, но все-таки он выполняет свою социалистическую задачу, если сознает это противоречие, если умеет отчетливо различать, когда он делает свою политику, политику социализма, и когда он вынужден действовать, подчиняясь чужой политике.

Капиталистическая конкуренция может даже улучшить условия жизни некоторых частей рабочего класса. Во имя своих собствен-

ных целей она очень часто улучшает гигиенические условия предприятия и, даже более того, капиталистический способ производства поднимает уровень образования среди рабочих. Точно также война может вести к осуществлению требований демократической политики, может объединять нации, давать отпор реакции и может даже осуществить кое-что из той мировой организации, которую рисует себе в будущем пролетариат. Но, подобно тому, как всё хорошее, что вытекает из капиталистической конкуренции, пролетариат не может считать успехом своей политики, точно также и благие последствия войны не являются результатом его действий. Пролетариат не может признать капиталистическую конкуренцию методом своей политики ни в малых делах, ни в больших.

Интернационал стоит перед тем фактом, что все народы, в силу необходимости, должны вооружаться, чтобы сохранить свое существование. Это не его воля и желание, это не средство и не цель его политики, это железная необходимость, которую Интернационал может преодолеть, только когда преодолеет самый капитализм. Интернационал должен признать за каждым народом право на самозащиту, точно так же, как он должен признать за каждым рабочим право отстаивать свой интерес на рабочем рынке. Но никогда он не может признать эту конкуренцию отдельных людей и народов составной частью своей политики. Война может иногда оказаться полезной для социализма и демократии, но Интернационал должен разлететься вдребезги, если социалистические партии попробуют делать на полях сражений завоевания в пользу социализма.

Ни хозяйственно-политические успехи своей страны, ни освобождение других государств, хотя это и может явиться результатом войны, нельзя называть задачей социализма. Социал-демократия должна допускать эти успехи, как результат господствующей системы, но и относительно их она должна заявлять, что война не ее метод.

Для Интернационала различие между обороной и завоеванием полно значения. Интернационал дает всем народам право защищать свое существование и не может никому позволить делать завоевания в пользу социализма посредством войны. Всякая мысль о социалистических завоеваниях оружием есть удар для Интернационала.

* * *

Социал-демократия не только должна была совершенно отчетливо выяснить, что в войне ведется не ее политика, а политика господствующего класса. Как партия, она обязана была также выяснить, что господствующие классы должны сами нести ответственность за последствия своей политики. Германская социал-демократия, так же

как и социал-демократия всех других стран, с полной ясностью констатировала, что на нее не падает ответственность за возникновение войны, что она не хотела этой войны и приложила все свои усилия, чтобы помешать ей. Но точно так же, как она отклонила от себя ответственность за войну, не должна она была брать на себя ответственность за поражение. Она должна была, прежде всего, воспользоваться старым правом оппозиционных партий и установить, на ком лежит ответственность. Она должна была исчерпывающе выяснить, что господствующие классы, которые делают эту политику, которые ее подготовили, начали и провели, должны нести полную ответственность за все ее последствия. Так как воспрепятствовать войне было не во власти социал-демократии, то она, разумеется, не должна была мешать набору солдат и взиманию налогов. Всё, что пролетариат обязан дать, военная политика могла беспрепятственно получать: тела рабочих и гроши их семей. Единственное, чего нельзя было давать, это—самой социалистической политики. Партия не должна была принимать на себя ответственность за последствия политики господствующих классов.

Но точно так же, как она не могла взять на себя ответственность за плохие последствия, ее не должны были ослеплять благоприятные возможности. Война со всеми ее хорошими и дурными сторонами должна была остаться тем, чем она, действительно, является—результатом политики господствующих классов. Пролетарии сознают, что война ведется за счет их благосостояния и крови. Они знают, на какие права они могут претендовать в силу исполнения своих обязанностей. Рабочий класс, как партия, не начал этой войны и не он ее вел. Ее результаты не являются результатами его политики. Партия отреклась бы от самой себя, если бы признала своей политикой—политику господствующих классов.

4-го августа фракция германского рейхстага должна была участвовать в голосовании военных кредитов. В парламентских голосованиях трудно проводить строго принципиальные разграничения. Как это часто бывает, и в этом случае в одном акте объединялся целый ряд волеизъявлений. „Да“ могло означать одобрение политики господствующих классов, „нет“ могло быть понято в смысле умаления военной сопротивляемости Германии. Социал-демократы не могли и не должны были принять ответственность за политику господствующих классов, а также и за неудачи этой политики. И в душе каждого социалиста боролись оба момента. Фракция попыталась оттенить в своей декларации различные соображения, которые имели для нее решающее значение. Но полного единодушия нельзя было добиться ни по вопросу о голосовании, ни по вопросу о декларации. Приблизительно седьмая часть фракции осталась при том мнении, что следует сказать „нет“, между тем, как значительное большинство

высказалось за „да". Но решающее значение для будущего, по нашему мнению, имеет не голосование, а мотивы, по которым отдельные члены фракции заняли ту или иную позицию. Тот, кто исходил из социал-демократической точки зрения, будет ценен для партии, если даже он пришел к неправильным выводам, но тот, кто думает, что мировая война должна принести с собою новую ориентацию для рабочего класса, кто сам отказывается от старой почвы классовой борьбы и желает сознательно делать политику господствующих классов, тот, разумеется, уже не стоит больше на партийной платформе.

Правда, мы полагаем, что у фракции была возможность высказаться гораздо более ясно о сущности этой войны. Она могла потребовать от правительства открытого и недвусмысленного ответа на следующие вопросы: „Готово ли правительство торжественно заявить, что и для него эта война есть только война оборонительная и что, даже в случае победы, оно откажется от завоевания всякой области, говорящей на чужом языке". Всякий знает, что германское правительство не сделало бы такого заявления и что оно не задумалось бы отказаться от голосов социал-демократов. Как и правительства других стран—оно является правительством капиталистического государства. Рабочий Интернационал может проводить различие между обороной и завоеванием. В капитализме оборонительная война неразрывно связана с завоевательной. Для побеждающей силы нет выбора—империализм требует своего. Война, начатая в качестве оборонительной, в момент победы неминуемо превращается в завоевательную.

* * *

Социал-демократия управляет делами пролетариата. Все заботы повседневного существования рабочих являются ее заботами. Она действует на пользу каждого в отдельности так же, как и на пользу всего класса, работает для их настоящего так же, какъ и для будущего. Тем, что социал демократия делает пролетариат духовно и физически способным к борьбе, она подготовляет завоевание политической власти пролетариатом. Идеал будущего опирается на интересы настоящего. Но хотя в общем это и верно, однако, может наступить такой случай, когда обе тенденции окажутся в противоречии друг другу, когда социал-демократия должна выбирать между настоящим и будущим, между интересами одной группы и интересами целого, когда она должна решать, следует ли ей покупать улучшение временных условий жизни за счет конечных целей.

Каждый рабочий в отдельности тоже может быть поставлен перед этой альтернативой. Много тысяч раз капитализм заставлял рабочих делать выбор между хлебом и убеждениями.

Германская социал-демократия стала могущественной и сильной, потому что она никогда не колебалась в таких случаях. Она и каждый из ее деятелей, который был ее достоин, были готовы пожертвовать для пролетариата всем, но только не своими идеалами. Этот конфликт затрагивает самые сокровенные жизненные интересы, но пролетариат может победить, только разрешив этот конфликт, как он всегда его разрешал: оставаясь верным социалистическим убеждениям.

Сегодня еще никто не может определенно сказать, пойдет ли германский рабочий класс в своем целом этим путем или части пролетариата станут опорой существующего строя, как радостно предсказывают враги. Сильнее всех упований и страхов будут факты, которые создаются на полях сражений. Но если даже рабочему классу суждено идти ложными и окольными путями, то капитализм сам позаботится о том, чтобы рабочие не забрели слишком далеко, чтобы пролетариат снова пришел к сознанию, что только классовая борьба и Интернационал могут быть его политическим методом. И если в то время, пока гремят пушки, социализм обречен на политику молчания, то всё же мы твердо надеемся, что при первой возможности подавляющее большинство германской социал-демократии обнаружит верность своим великим целям и заявит: „Мы остаемся тем, чем были“.

„Kampf“ („Борьба“). Февраль 1915 г.

Социал-демократия во Франции и война.

В августе воюющие государства были почти совершенно изолированы друг от друга, но и в последующие месяцы войны взаимная осведомленность о состоянии общественного мнения была сведена до крайнего минимума, ибо в каждом из воюющих государств могли появляться в печати только такие известия, которые отвечали его военным интересам. Народы были отделены друг от друга, словно они обитали на различных планетах. И в каждом народе военное настроение возникало в зависимости от иной точки зрения при восприятии событий. Французские рабочие так же, как и германские, были непоколебимо убеждены, что на них напали и что они ведут чисто-оборонительную войну. Будущий историк выполнит чрезвычайно интересную работу, когда будет сопоставлять, как в разных странах—почти строго параллельно—разная группировка и понимание фактов создавали совершенно одинаковую военную психологию. В то время, как в Германии всё общественное мнение в первые дни августа находилось под впечатлением известия о мо-

билизации России, во Франции эти факты не играли никакой роли. Наоборот, там уже 2-го августа все газеты находились под впечатлением известия о вступлении германцев в нейтральный Люксембург—факт, который в Германии стал известен лишь три дня спустя из речи имперского канцлера. Еще поразительнее параллелизм в распространявшихся в то время ложных слухах. В то время, как в Германии и Австрии газеты 3-го августа сообщали, что французские летчики сбрасывали бомбы над Нюрнбергом, во французских газетах точно такое же известие в тот же самый день было помещено относительно Люневиля, где бомбы сбрасывались якобы германскими летчиками. Оба известия подействовали крайне возбуждающе, но оба они впоследствии оказались ложными. Такое же сходство наблюдается и между известиями о тактике и судьбе социалистических партий по ту сторону границы. Во Франции распространился слух, что германское правительство закрыло все социал-демократические газеты и все социалистические союзы, и что рабочий класс занял резко враждебную позицию по отношению к войне. Наоборот, в Германии и Австрии—не говоря уже о надеждах на революцию в России—распространился 2-го августа слух, что убийство Жореса вызвало восстание парижского пролетариата и что убит Пуанкарэ. Сведения о Германии были так же неверны, как и сведения о Франции. Ни о какой оппозиции правительству вследствие убийства великого социалистического вождя не было и речи. Наоборот, министр-президент Вивиани вел под руку вдову покойного во время всей похоронной процессии и произнес первую надгробную речь. В то время, как в Германии и Австрии предполагали, что если убийца не был нанят французскими монархистами, то он, несомненно, является орудием русских зачинщиков войны,—во Франции, в действительности, убийство не вызвало оппозиции по отношению к военным интересам страны, но за то там был пущен в оборот совершенно нелепый намек, что устранение великого апостола мира было произведено по инициативе противников. Во Франции в печать попадали только такие факты и слухи и только в таком освещении, что не оставалось места иному впечатлению, как тому, что война навязана Франции Германией. Это впечатление еще чрезвычайно усилилось благодаря известиям о событиях в Бельгии.

Для того, чтобы произвести оценку политики рабочего класса каждой страны за этот критический период, нельзя исходить из перспективы, в которой рассматривались факты в других странах. Нельзя также исходить из фактов в том виде, в каком они предстанут впоследствии, после критического анализа. Надо брать их в освещении, в котором они представлялись вследствие изолированности каждой страны и вследствие ее военной политики. Только теперь, когда мы имеем перед собою номера „Humanité“ за всё

время войны, мы можем предпринять попытку изобразить развитие настроений и взглядов среди французских социалистов. Эта картина не будет законченной, так как, естественно, мы не можем быть осведомлены о многих внутренних делах партии, но одно уже несомненно и теперь: социал-демократия во Франции во время войны во всем, что она делала хорошего и дурного, была вполне точным отражением социал-демократии в Германии. Та же решительность в защите отечества, то же убеждение, что участие в войне предпринимается на пользу европейской демократии, та же готовность к жертвам, та же тактика, те же надежды и те же иллюзии. Германские и французские социалисты должны каждый упрек, который они делают друг другу, сделать самим себе. Метод самокритики является единственным, который устраняет опасность, что вместо возрождения жизнеспособности Интернационала в нем не будет посеян раздор. К счастью, процесс самоотрезвления уже замечается во Франции и там всё более усиливается оппозиция, особенно против тенденций, представляемых Вальяном, о которых мы еще будем говорить ниже. Будем говорить не для того, чтобы судить, а для того, чтобы научиться, ибо как раз одна из главнейших проблем, которые война поставила социализму, может быть изучена во Франции с такой наглядностью, как ни в какой другой стране.

* * *

16-го июля социалистический конгресс в Париже решал, какие предложения сделать Интернационалу относительно тактики в случае войны. Восемь дней спустя европейская война стала уже непосредственной опасностью, а еще через десять дней она была объявлена Франции. Нужно восстановить в своей памяти это нагромождение событий, чтобы понять все драматическое значение того, что совершалось в те дни. Правда, неверно, будто французская социал-демократия на упомянутом парижском конгрессе постановила объявить всеобщую забастовку в случае войны, но парижский конгресс был всецело проникнут идеей интернациональной солидарности рабочего класса, и всеобщая воля была направлена на борьбу с теми классами, интересы которых толкали к войне [1]).

[1]) Упрек, который постоянно делается по адресу наших французских товарищей — например, снова в статье Вольфганга Гейне в „Sozialistische Monatshefte“ 21 января 1915 г., — что французы очень много говорили о всеобщей забастовке, но даже и не подумали осуществить ее, основан на неточном знании фактов. Принятая парижским конгрессом резолюция Жореса-Вальяна ставила непременным условием для всеобщей забастовки, чтобы она была организована „одновременно и в международном масштабе“. Только в случае согласия других стран, французы обязаны были устроить забастовку. Марксистское меньшинство под предводительством Гэда и Компер-Мореля признавало, что новая резолюция

Дух международной солидарности пролетариата всё больше утверждался во Франции, несмотря на самые серьезные препятствия. Ему приходилось бороться не только с безумием солдатчины, жаждавшей реванша, и с шовинизмом монархически настроенных контр-революционеров; ему приходилось также считаться с очень сильными революционными традициями в своих собственных рядах, традициями, которые все связаны с патриотизмом.

Для французов история революции есть история Франции. В 1789 г. так же, как и в 1848 г., Франция является очагом, откуда распространяется огонь переворота. Но, еще более того, защита Франции против внешнего врага есть защита дела революции. В июле 1792 г. парламент единогласно выпустил воззвание: „Многочисленные войска приближаются к нашим границам. Все враги свободы вооружаются против нашей конституции. Граждане! Отечество в опасности!“

И тот же клич „Отечество в опасности!“ был провозглашен в сентябре 1870 г. Наполеон III свергнут. Провозглашена республика, и победоносные германские войска стоят перед Парижем. Тогда революционный социалист Бланки воскресил старый лозунг—„Отечество в опасности!“. Защита Парижа, защита страны против внешнего врага, была защитой только что завоеванной республики.

Таким образом, во Франции защита страны, совпадающая там с защитой нации, связана с самыми могучими революционными и пролетарскими традициями. Патриотизм оставался всегда живым элементом во французской социалистической партии, остается им до наших дней и не терпел ущерба даже от того, что республика всё чаще показывала свою капиталистическую наготу.

Правда, у Жореса, так же, как у других французских социалистов, в противовес прежним смутным иллюзиям, всё отчетливее складывалось убеждение, что защита страны, хотя и является безусловной необходимостью для пролетариата, но победные упования социализма следует возлагать не на войну, а на классовую борьбу, и что поэтому необходимо прилагать все усилия для сохранения мира.

Одна из важнейших основных идей мирной политики Жореса заключалась в том, чтобы построить всю систему организации армии исключительно для надобностей обороны и предупредить завоевательные войны посредством самой этой системы. В своем большом труде „Новая армия“ он следующим образом формулирует эту проблему: „Как довести до максимума возможности мира для Франции

редактирована более определенно, нежели прежние, но все-таки голосовало против нее, так как практическое ее осуществление может только вызвать поражение той страны, пролетариат которой лучше организован и более послушно исполняет требования Интернационала, причем выгадает страна, где социалистические организации наиболее слабы.

и для тех ненадежных стран, которые ее окружают? И если, несмотря на все усилия и старания сохранить мир, страна подвергнется нападению, то как создать наиболее благоприятные возможности для спасения и наилучшие средства для победы?“ И он постоянно подчеркивает, что „организация национальной обороны и организация международного мира находятся между собою в тесной связи“.

Организация обороны страны является для Жореса таким же важным условием для сохранения мира, как подготовка всеобщей международной забастовки. И на парижском конгрессе в июле он, в докладе своем о всеобщей забастовке в случае войны, тоже подчеркивал, что резолюции прежних конгрессов одинаково настаивают на борьбе против империализма и войны и на защите независимости каждой страны. Нам нет надобности разбираться здесь в вопросе, не возникают ли на практике значительные затруднения при переходе от всеобщей забастовки к защите независимости страны. Мы только констатируем, что во французской партии одинаковой силой обладали и параллельно существовали обе тенденции — борьба за сохранение мира всеми средствами и безусловное обращение всех сил на защиту страны, если не удастся воспрепятствовать войне.

Эти идеи господствовали в умах подавляющего большинства партии и тот, кто один только на Штутгартском конгрессе 1907 г. сознательно восстал против требования обороны страны, Гюстав Эрве, еще задолго до войны перешел на сторону большинства партии. Партия в такой мере признавала необходимость обороны страны против вражеского нашествия, что, когда вспыхнула война, она без всяких разговоров приняла патриотизм и социализм, как величины одинакового порядка. Постоянно во время войны повторялась фраза, которую сказал Вальян 2-го августа, что социалисты одинаково исполнят как свой патриотический, так и социалистический долг.

4-ое августа было для французских социалистов днем столь же великого исторического значения, как и для Германии. Утром — похороны Жореса, днем—военное заседание палаты.

3-го августа после полудня германский посол передал Франции объявление войны. Непосредственно в связи с сообщением об окончательном разрыве „Humanité“ писало 4-го августа: „Кредиты, требуемые правительством, будут вотированы единогласно“. Картину заседания, где эти кредиты были приняты без прений, „Humanité“ изображает 5-го августа в следующих словах:

Какое заседание! Старые журналисты, бывшие свидетелями парламентского заседания 15-го июля 1870 г., когда была объявлена война, говорят, что не может быть никакого сравнения между тем днем и сегодняшним...

Причина весьма проста. В 1870 г. войну вела империя ради своих династических интересов, теперь обороняется нация. Отсюда то единство, та

достойная, мужественная энергия, которая вызывает в памяти величественные сцены 1792 года.

Никто из присутствовавших на вчерашнем заседании, ни депутаты, ни журналисты, ни публика, не забудут его. На всю жизнь у них останется воспоминание об этом моменте исключительного подъема. Единодушное чествование памяти Жореса было прекрасной данью уважения великому гражданину, который так долго боролся в этом зале. Затем, после оглашения послания президента, речь Вивиани, восстановившего в памяти факты, указавшего, на ком лежит ответственность, и призывавшего весь мир в судьи. И, наконец, последняя часть заседания—заключительные слова министра-президента и президента палаты, которые высказывают уверенность в конечном торжестве правого дела.

Никогда еще не было более величественной манифестации национального единства в стране, которой угрожает враг. Этому Франция обязана республиканской форме правления, опирающейся на социализм.

В речи, посвященной памяти Жореса, которой открылось заседание и которую палата единогласно постановила расклеить в виде плакатов, председатель палаты Дешанель, упомянув, что о покойном скорбят одинаково и противники и друзья, добавил: „Но что я говорю. Разве теперь есть противники? Нет. Теперь имеются только французы!“.

4-го августа классовая солидарность во Франции провозглашалась в тех же формах, что и в Германии.

Во имя интересов страны и только ради этого последовало также вступление Жюля Гэда и Марселя Самба в министерство. О мотивах, побудивших к этому шагу, предпринятому в то время, когда германское наступление делало крупные успехи, и угроза всё ближе придвигалась к Парижу, говорит следующий манифест социалистической партии, напечатанный в „Humanité“ 28-го августа:

Товарищи! В результате совещания, созванного согласно статута, в результате решения, принятого по зрелом обсуждении, социалистическая партия уполномочила двух своих членов, наших друзей Жюля Гэда и Марселя Самба, вступить в новое министерство и тем сделала их своими делегатами в правительстве национальной обороны (défense nationale). Все представители социалистической фракции в парламенте, постоянной административной комиссии партии, административного совета „Humanité“ солидарны в готовности разделить великую ответственность, которую те товарищи согласились принять на себя.

Если бы речь шла только о преобразовании министерства, о том, чтобы включить в состав старого правительства несколько новых сил, несколько тех нетронутых сил, которыми так богата наша партия, словом, если бы речь шла об обычном участии в буржуазном правительстве, то никогда бы ни мы, ни наши друзья не дали бы своего согласия.

Но на этот раз дело шло о будущем нации, о жизни Франции, и для партии здесь не было сомнений.

Истина, которую предвидели и которую мы провозглашали, стала очевидностью. Наши армии временно отступили под напором превосходных сил противника, не будучи ослаблены, не утратив своей организованности и стойкости. Одна из наиболее богатых и трудолюбивых областей нашей страны находится под угрозой.

Национальное единство, которое воскресло в начале войны и тем укрепило сердца, должно теперь проявить всю свою силу.

Необходимо, чтобы вся нация поднялась на защиту своей территории и свободы с тем героическим пылом, который всегда загорался в нашей истории в подобные моменты.

Глава правительства признал, что ему необходимо содействие всех и особенно тех, кто в борьбе за освобождение пролетариата и человечества должен бояться ярма деспотизма. Необходимо, дабы увлечь нацию и повести ее на борьбу, которая неизбежно будет и должна быть ожесточенной. Он знал хорошо, что во все тяжелые моменты в 1793, как и 1870 г.г., нация возлагала свои надежды на этих людей, на социалистов и революционеров.

По собственному желанию, не дожидаясь никакой манифестации народной воли, он обратился к нашей партии, и наша партия ответила: „Мы здесь".

Таково настроение, которым воодушевлены наши друзья, вступая в состав правительства. При этом они ясно сознают, как огромна задача, стоящая перед ними.

Прежде всего они добьются, чтобы страна знала правду.

Они сохранят и усилят ее мужество, ее волю к победе тем, что дадут гарантию полной искренности со стороны правительства.

Они закончат призыв всех под знамена, они добьются того, что ни одна сила, ни одна полезная воля не останутся без применения.

Они пересмотрят запасы аммуниции, провианта и оружия в наших складах и постараются их увеличить.

С каждым днем они будут усиливать производство аммуниции и оружия и привлекут для этого все свободные силы.

Нужна воля, свободная от предрассудков, руководящаяся исключительно благом нации, нужна колоссальная организация, чтобы довести до максимума использование сил нации.

Наконец, и прежде всего, товарищи, присутствие наших друзей в правительстве будет для всех гарантией того, что республиканская демократия готова бороться до крайних пределов.

Как часто наш великий Жорес подчеркивал необходимость этой борьбы, даже если под натиском значительных сил французы сначала отступят. Он желал, чтобы эта борьба была подготовлена во всех деталях, и теперь наш долг во что бы то ни стало организовать упорное сопротивление, и мы тем более обязаны его выполнить, что от этого зависит общий успех союзников. К этому сопротивлению наши друзья призывают нас.

Сегодня, как и раньше, после первых испытаний, так же как и при воодушевлении, господствовавшем во время мобилизации, мы исполнены уверенности, что боремся не только за существование отечества и величие Франции, но также за свободу республики и цивилизации. Мы боремся за то, чтобы вывести мир из удушливой атмосферы империализма, освободить его от варварских войск и установить наконец мир, при котором бы одинаково уважались права всех граждан.

Эти свои принципы социалистические министры внесут в правительство. Ими они оживят его работу, они внесут эти принципы в героическую армию, в рядах которой в настоящее время сражается цвет нации. Своей упорной работой и горячим воодушевлением они в одинаковой мере обеспечат благо родины и прогресс человечества.

Социалистическая парламентская фракция.
Постоянная административная комиссия партии.
Административный совет „Humanité".

Но когда война действительно вспыхнула, патриотизм, ограничивающийся необходимостью обороны страны, оказался недостаточным. Как ни сильно стремление к защите своей страны, но военное

настроение нуждается в более сильных возбудительных средствах. Глубокий анализ психологического состояния в начале войны дает нам Жорес в введении к своей „Новой Армии“ [1]), где он полемизирует с одним из главнейших военных теоретиков Франции, генералом Ланглуа.

Жорес говорит:

При всей необходимости и святости отечества, генералу Ланглуа всё же недостаточно простой, если можно так выразиться, неуклюжей идеи отечества. Для того, чтобы воспламенить сердца и сделать их в борьбе мощными, как стремительный поток, для того, чтобы люди отдали все свои силы, для того, чтобы они с подъемом одолели врага, недостаточно одной их принадлежности к определенной исторической единице, недостаточно опираться на общее, хотя бы славное, прошлое. Пример, приводимый генералом Ланглуа, показывает, что для пробуждения дремлющей энергии необходимо чрезвычайное напряжение. Когда солдаты защищают свое отечество, традиционное отечество, они должны быть проникнуты сознанием, что являются орудием для осуществления широких планов, для создания великого будущего, которое принесет могущество или царство справедливости. Нужно опьянение славой или властью, свободой или фанатизмом, для того, чтобы вырвать их из повседневной обстановки и передвинуть к их выгоде нормальное равновесие вещей.

Таким образом отечество, в том виде, как оно создано историей, является лишь рамкой и фундаментом, но не есть еще та сила, которая воодушевляет на победу. Это кирпич для очага, это охапка дров для жертвенного костра, но это еще не пламя.

Жорес надеялся, что победа социализма, торжество труда над собственностью и мирной политики над захватными идеями, дадут Франции ту великую идею, которая необходима в войне.

Торжества социализма не было. Пролетариат не был господствующим классом, но военная политика требовала возбуждающих средств, и мы видим, как у социалистов трезвая мысль о необходимости защиты отечества всё более отходит на задний план, и уступает место иллюзии, будто война помогает делу демократии и социализма. Уже на собрании 2-го августа Вальян заявил, что социалисты в ответ на нападение врага исполнят свой долг „п р е д о т е ч е с т в о м, р е с п у б л и к о й и р е в о л ю ц и е й“. Революционная традиция снова была воскрешена, и так как нельзя было бы воспользоваться ею, как идеей, то ее отдали, заставили служить войне в качестве политической ф р а з ы.

Но хотя путаница в головах отдельных рабочих была сильна уже в начале войны, всё же, однако, слова Вальяна, сказанные в том собрании, не нашли отклика и большинство социалистических лидеров—в первую очередь центральный орган партии „Humanité“—в течение первого месяца войны понимали ее, прежде всего, как о б о р о н и т е л ь н у ю в о й н у, ведущуюся за независимость Франции. Поворот наступил только в начале сентября, когда пра-

[1]) „Die neue Armee“, немецкое издание, стр. 9.

вительство переехало в Бордо и вместе с ним туда переехало правление фракции и редакция „Humanité“. Вальян стал руководителем центрального органа партии, и чем больше выдвигался вперед этот ученик Бланки, тем сильнее давали себя знать иллюзии, будто Франция воюет в интересах европейской демократии.

Эта завоевательная война демократии, как ее постоянно проповедывал в „Humanité“ Вальян, кажется нам весьма поучительной. Французы, по словам Вальяна, ведут эту войну против „империалистической Германии“, причем слово „империализм“ понимается не в экономическом смысле, а в политическом, и характеризует собою правительственную систему в Германии. Французы желают освободить весь мир и в частности германский рабочий класс от оплота всей реакции, от прусского милитаризма, прусского юнкерства и прусского гнета. Победа Франции есть победа демократии над реакцией. За то Вальян помалкивает насчет России и отнюдь не признает необходимости победоносной войны демократии против царизма, которую проповедывала германская социал-демократия.

Несколько недель под-ряд Вальян почти ежедневно писал статьи, которые заканчивались приблизительно как нижеследующая, написанная 8-го октября:

Никогда еще мир не знал жертв, более героических и величественных, чем те, которые приносят наши герои на фронте. Но и никогда успех не мог быть значительнее. Ибо если они спасут отечество, то это означает одновременно свободу народов, избавленных от империализма, означает свободу, опирающуюся на несокрушимый фундамент самодержавной демократии.

Мы снова переживаем эпоху революционных войн, но при условиях, несравненно более благоприятных, ибо все французы, граждане и солдаты, тесно объединены сознанием, что они борются за самое благородное дело, ради какого когда-либо люди брались за оружие. Они борются за высшие интересы человечества, которые оскверняют посягающие на них жестокие варвары—враги.

Стремление победить германский империализм дает им такое же мужество и вселяет в них такое же воодушевление, какое наблюдалось у их предков в дни революции, под Вальми и при взятии Бастилии. Ибо цели и результаты одни и те же—уничтожение тирании, торжество народной свободы.

И так как мы знаем, что защита страны совмещает с надеждами на будущее то, что необходимо для современности, так как мы уверены, что от этой обороны зависит благосостояние и будущее развитие республики и социализма... то мы прилагаем все силы к тому, чтобы оборона была победоносной.

Окончательное ниспровержение германского империализма, о котором постоянно говорит Вальян, должно принести Европе мир и свободу. Оно не только должно освободить Эльзас-Лотарингию, но также и Польшу, не только привести ко всеобщему разоружению, но также и стать основным условием для создания Соединенных Штатов Европы.

Кто знает Вальяна, тот знает также, что каждое его слово вытекает у него из глубочайшего внутреннего убеждения, но именно поэтому так поучительно знакомиться с его иллюзиями.

Вальян сравнивает войну, которую ведет теперь Франция, с революционными войнами 1793 года, когда войска республики несли на восток буржуазные завоевания 1789 года. Вальян только не замечает, что в 1793 году буржуазия во Франции стала господствующим классом после победоносной революции. Между тем, как о господстве пролетариата во Франции нет и помину [1]).

Конечно, не исключена возможность, что если пролетариат где-нибудь захватит власть, то повторится картина 1792 года и победоносный социализм будет вынужден защищать себя посредством войн с капиталистической реакцией в соседних вражеских странах. Но кто же может рассматривать вступление Гэда и Самба в министерство, как победу социализма. Из манифеста партии явствует, что они считали нужным помочь отечеству в беде и вступили в министерство национальной обороны, а Вальян неожиданно превращает это министерство, в котором, только в числе прочих, имеются два министра-социалиста,—в социалистическое министерство, и тем открывает двери всяким иллюзиям. Ошибка становится сразу ясной, если припомнить, что военная политика может быть только политикой господствующих классов, что нельзя осчастливить мир социализмом, не имея его у себя в собственной стране.

Французские товарищи забыли то, что говорил Жорес: „Опыт

---

[1]) В конце декабря бюро Вольфа разослало сообщение, в котором передавалось, будто французская социалистическая парламентская фракция заявила в своем манифесте от 25-го декабря: „Франция борется за возвращение Эльзас-Лотарингии к своему истинному отечеству“.—Здесь текст манифеста излишне „подчеркнут“. В действительности там было сказано: „Nous luttons pour que les provinces annexées, il y a quarante-quatre ans, contre leur volonté, reviennent librement à leur patrie d'élection. Nous luttons pour que le droit des peuples à disposer d'eux-mêmes soit cette fois reconnu de tous“. (Мы боремся за то, чтобы провинции, аннексированные 44 года тому назад против своей воли, добровольно отошли к отечеству, которое они выберут. Мы боремся за то, чтобы на сей раз право народов распоряжаться своей судьбой было признано всеми).

Эти слова, если понимать их без всякой предвзятости, вполне соответствуют точке зрения, которую Самба занял уже в заседании 2-го августа 1914 г. и которую постоянно отстаивал Вальян в „Humanité“, когда, например, писал: „Действительно, мы желаем предоставить Эльзас-Лотарингии, освобожденной от германского ига, полное распоряжение своими судьбами, и отнюдь не собираемся повторять на изнанку произвольные аннексии, которыми была преступно искалечена Франция в 1870 году. Аннексии и насильственные завоевания являются постоянным источником международных конфликтов и роста империализма и милитаризма“. Таким образом толкование, которое было придано манифесту 25-го декабря, будто французские социалисты поддались психозу реванша, по счастью, не оправдывается.

показал, что свободе приносят больше вреда, чем пользы, когда пытаются нести ее в другие страны с оружием в руках [1]).“

Но допустим, что прусский милитаризм действительно является главным оплотом европейской реакции, и что Франция действительно ведет завоевательную войну в интересах демократии. Полезно ли даже в таком случае для социализма, чтобы французские социал-демократы вели эту войну, как свою войну. Точнее выражаясь, допустимо ли с точки зрения Интернационала, чтобы французские товарищи на собственный риск и страх начали войну против прусского милитаризма, и чтобы они содействовали этой завоевательной войне, не заручившись согласием Интернационала, чтобы они организовали войну, которая с точки зрения Интернационала должна рассматриваться как „партизанская“ война.

Разумеется, принципиально не исключена возможность, что война будет признана средством, пригодным для достижения целей пролетарской политики. Старый Интернационал допускал это, но необходимым условием для того, чтобы социалисты вели военную политику, является признание такой политики со стороны Интернационала [2]).

Надо полагать, что никто в мире, даже во Франции, не решится утверждать, что в новом Интернационале кто-либо когда-либо был уполномочен вести завоевательную войну в интересах демократии. Угнетающее сознание, овладевшее во время этой войны некоторыми частями пролетариата, сознание, что социалисты всех стран не могут объединиться в общей воле, в значительной мере проистекает от того, что социалистические партии в отдельных странах претендуют на право по собственному почину принимать участие в завоевательных войнах на пользу европейской демократии. Так как эти завоевательные войны ставили себе целью не только разные, но даже несовместимые цели, то они должны были повлечь за собою крушение Интернационала.

Для того, чтобы Интернационал был возможен, он прежде всего должен себе уяснить, возможны ли в его рамках завоевательные войны в пользу демократии и какие именно. Старый Интернационал включал в свою программу войну с Россией, заявляя, что это—„часть общей борьбы за эмансипацию рабочего класса [3]).“

---

[1]) *Жорес*, „Новая Армия“, нем. изд., стр. 10.

[2]) Ср. статью *Генриха Вебера* „Война и социализм“, „Kampf“, год 6-ой, стр. 97 и сл.

[3]) Так было написано в приветственном адресе (1864 г.). Впоследствии эта фраза не повторялась, и, наоборот, международный конгресс в Лозанне (1867 г.) постановил принять участие в лиге мира, а Брюссельский конгресс (1868 г.) заявил в своей резолюции против войны, что последняя только усиливает деспотизм и душит свободу, а потому рекомендовал в случае возникновения войны ответить забастовкой.

Новый Интернационал не выработал программы на случай войны и вряд ли будет в состоянии выработать положительную программу. В эпоху первого Интернационала демократии приходилось считаться только с завоевательной войной и по отношению к ней западные народы,—а только среди них пролетариат и играл существенную роль,—могли объединиться на общем военном лозунге.

В новом Интернационале положение иное. Уже в 1870 г. Энгельс стал на ту точку зрения, что для немцев дело идет „о борьбе за национальное существование [1])". И ту же точку зрения высказал он в 1891 году относительно будущей войны, которую придется вести Германии [2]). И, подобно Энгельсу, Бебель в Германии и Жорес во Франции отстаивали необходимость оборонительной войны. Но если допустимость оборонительной войны выдвигается на первый план,—а это одинаково решительно делали теперь во время войны, как в Германии, так и во Франции,—то уже вряд-ли Интернационал сумеет столковаться насчет завоевательной войны в интересах демократии [3]).

Дело в том, что, какими бы благими намерениями ни руководствовались французские социалисты в победе над прусским милитаризмом, германский пролетариат не может желать победы в такой освободительной войне. Ведь она оказалась бы в противоречии к признанной им необходимостью защиты национального существования. Как бы ни стремились германские социал-демократы к преобразованию прусской военной системы, всё же достижение этой цели таким путем, посредством войны они допустить не могут [4]).

Но, точно так же, как Германия, Франция в свою очередь на-

---

[1]) „Переписка между Марксом и Энгельсом", немецк. издание, том IV, стр. 139.

[2]) *Фридрих Энгельс*, статья „Социализм в Германии", „Neue Zeit", год 10-ый, том I-ый, стр. 585 и 586.

[3]) Мы здесь не говорим о тактике поляков и других наций, которые сами находятся под иностранным господством. Это вопрос особый. „Освободительная война" представляет собою сложный синтез. Она в одно и то же время является завоевательной войной для демократии и оборонительной войной против угнетателей в собственной стране. Ее можно даже, как это и сделал Бернштейн для балканской войны, легко истолковать, как революцию.

[4]) Эту точку зрения отстаивал и Бебель в „Социал-Демократе" в 1880 г. Он писал: „Социал-демократии будет весьма не сладко, если она окажется вынужденной в случае борьбы за неприкосновенность германской территории одновременно как бы защищать отечественную систему управления и вместе с нею своих смертельных врагов. Но от последних она не избавится при помощи иноземного победителя, а может это сделать только своими силами и пользуясь излишествами господствующей системы, которая в конце концов вызовет против себя возмущение масс" (Цитировано в „Воспоминаниях" Бебеля, немецк. издание, т. III, стр. 141). Правда, можно привести слова Бебеля, где он высказывается в обратном смысле, но тогда он говорит только об объективных результатах событий, а не о той позиции, которую партия займет во время войны. Так, например, в томе I своих „Воспо-

ставает на праве неприкосновенности национального существования. Война ясно показала, что Франция одна была бы не в состоянии избавиться от поражения. Союз с русским царем был может быть чрезвычайно неприятен всем свободолюбивым элементам Франции, но борьбу за европейскую демократию и против царизма они могут теперь вести, только рискуя своим национальным существованием. Если же они руководящим принципом ставят оборону страны, то они вынуждены отказаться от войны с царем.

И подобно тому, как германские социал-демократы имеют право, во имя международной солидарности, требовать от французских социалистов, чтобы они не предпринимали самостоятельной войны против прусского милитаризма, точно с таким же основанием социалисты Франции могут поставить аналогичное требование германским товарищам. Международная солидарность может быть сохранена лишь в том случае, если ни одна социалистическая партия не выставит самостоятельно в качестве военного лозунга „демократическую освободительную войну".

Может быть когда-нибудь Интернационал сумеет включить в свою программу такую демократическую завоевательную войну. Тогда, но и только тогда, возможно будет вести такую войну, без того, чтобы она становилась партизанской и являлась покушением на международную солидарность.

Рост сил пролетариата способствовал тому, что всё больше выдвигался на первый план принцип обеспечения национального существования. Этим создавалось противоречие, которого не знал старый Интернационал: противоречие между правом на оборону

минаний" (стр. 160) он говорит по поводу войны 1866 года: „Я полагаю, что для народа, который находится в несвободном состоянии, поражение на войне скорее полезно, чем вредно, для внутреннего развития. Победы делают враждебное народу правительство высокомерным и заносчивым, — поражения принуждают его сблизиться с народом и завоевать народные симпатии. Так было в 1806 — 1807 г.г. в Пруссии, в 1866 г. в Австрии, в 1870 г. во Франции, так было и после поражения России в войне с Японией в 1904 г. Русская революция не наступила бы без этого поражения, а в случае победы царизма, она бы стала невозможной на долгие годы. И хотя эта революция подавлена, но всё же старой России уже больше нет, так же, как не было и старой Пруссии 1847 года после 1849 г. Наоборот, история показывает, что, когда прусский народ после колоссальных жертв жизнью и имуществом ниспроверг иноземное владычество Наполеона, и вывел династию из затруднительного положения, последняя забыла все хорошие обещания, которые в час опасности дала народу. Потребовался 1848 год, наступивший после продолжительной реакции, для того, чтобы народ завоевал то, чего ему не давали в течение десятилетий. А как отклонял Бисмарк впоследствии в северном германском рейхстаге все сколько-нибудь либеральные требования! Он выступал в качестве диктатора. Допустим, что Пруссия потерпела бы поражение в 1866 году, тогда министерство Бисмарка и владычество юнкеров, которые еще по сие время давят Германию, исчезли бы, как дым.

страны — каковое признается Интернационалом в равной мере за всеми народами и завоевательными войнами, предпринимаемыми в интересах демократии.

Преодоление этого противоречия, которое в полном объеме проявилось в тактике французских социал-демократов, является, по нашему мнению, необходимым предварительным условием для восстановления Интернационала. Только будущее покажет, может ли это противоречие быть преодолено иначе, как посредством отказа от всяких „демократических завоевательных войн".

До 1870 г. центром рабочего движения была Франция. Потом центр, как правильно предсказал Маркс, переместился в Германию. В 1891 году Энгельс [1]) с основанием мог сказать, что германская социал-демократия „завоевала себе такое место, какого не занимала ни одна социалистическая партия в мире" и что „в интересах европейской революции" ей следует сохранить свою позицию, даже против внешнего врага. Французские социалисты и по сие время еще проникнуты сознанием, что преимущество, которое Франция получила в Европе, благодаря буржуазной революции, сохранилось за нею в прежнем объеме. Германские социалисты полагают, что ситуация не изменилась с начала 90-ых годов. Но Интернационал колоссально разросся во всех своих частях, так что сейчас можно применить к социалистам всех стран слова Энгельса, сказанные им в 1894 году тем русским социалистам, которые полагали, что им можно прямо перепрыгнуть от крестьянского коммунизма к социализму: „С такими людьми мы не спорим, если вы... считаете свой народ избранным народом социальной революции. Но у нас нет надобности разделять ваши иллюзии. Время избранных народов прошло навсегда [2])".

„Kampf" („Борьба"). Апрель 1915 г.

Интернационал действия.

В противовес чванливому национализму, который стремится к узкому самодовлеющему быту во всех сферах хозяйственной и умственной жизни, Карл Реннер на целом ряде примеров показал на страницах нашего журнала [3]) международную связанность всего культурного мира. Он говорит: „Если без шор присмотреться к жизненным явлениям, то приходишь к выводу: национальный элемент существует, живет и действует в нас, но существует и дей-

[1]) *Энгельс,* „Социализм в Германии", „Neue Zeit", год X, т. I, стр. 585 и 586.
[2]) *Энгельс,* послесловие к ст. „Soziales aus Russland" из сборника „Internationales aus dem Volksstaat", стр. 71.
[3]) *Карл Реннер,* „Война и Интернационал", „Kampf" 1915 г., кн. 2-ая.

ствует также интернациональный элемент и он является в наших социальных отношениях наиболее сильным и решающим элементом. Мы назовем его „фактическим Интернационалом“.

Для этого „фактического Интернационала“ в настоящее время либо совсем не существует правовых норм, либо же они чрезвычайно примитивны. Но тенденции развития всего нашего общества направлены в эту сторону, а отсюда, как убедительно доказывает Реннер, вытекает уже не в виде благого пожелания, а как необходимая цель, — организация мира. „Интернационал охватит весь род людской“, как поется в нашем гимне, где прославляется эта великая конечная цель.

Но при всей необходимости выяснять проблемы будущего мы не должны из-за них забывать проблемы настоящего. Именно они составляют сейчас предмет дискуссии в социалистических партиях. Интернациональность культуры признают все социалисты. Для этого даже не нужно быть социалистом, достаточно просто быть европейцем. Точно также не будет значительных разногласий между социалистами относительно тенденции, ведущей к „государственно-правовой организации всего мира“ или к „фактическому Интернационалу“, как выражается Реннер. Проблема, перед которой война поставила рабочий класс, заключается совсем не в „фактическом Интернационале“, как в совокупности целого ряда явлений, а в той организации пролетариата, которую мы, в силу ее своеобразия, выделяем из совокупности интернациональных явлений и называем „Интернационалом действия“. Не будущие формы, общественной организации, а нынешние формы пролетарской борьбы, не союз народов, который будет создан, а существующий союз рабочего класса, не цель, а путь к ней — вот, что является самым жгучим вопросом для социализма. Насчет будущего, когда „создастся Интернационал человечества“, никто не беспокоится. Мы теперь заботимся об исполнении нашего современного требования: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“.

Интернационал, который мы стремимся осуществить в будущем, есть союз наций. Действующий „Интернационал“ нашего времени может быть только союзом рабочего класса. Если мы будем это строго различать, то мы не станем возлагать на наши международные рабочие конгрессы задачи будущего всемирного парламента наций и не будем искать оснований для этих конгрессов, в совокупности всех фактов интернационализма. Мы будем считать достаточным самый главный из них—классовое положение пролетариата.

„Борьба против эксплоатации должна быть международной так же, как международна сама эксплоатация“ — говорится в нашей программе. Общая судьба—капиталистическая эксплоатация—вот что заставляет рабочих всех стран объединиться и выступить в качестве класса. Интернационализм, таким образом, вполне имма-

нентен классовому характеру пролетариата; он связан с его существом.

Рабочий класс представляет собою международное явление, т.-е. явление, охватывающее все страны. Но сознание этого интернационализма, которое является только одной из сторон классового сознания, нельзя предполагать, как нечто наперед уже данное. То же самое надо сказать и об интернациональной классовой деятельности. Как всякое мышление и деятельность в интернациональном масштабе, эти явления представляют собою продукт развития, возникающий в результате международного общения и взаимного приспособления народов друг к другу.

В настоящее время развивается международная идеология, охватывающая всё более широкие круги. Примером могут служить буржуазные общества мира. Но политический Интернационал не может быть „совокупностью всех людей, мыслящих интернационально[1])". Если он желает обладать способностью к действию, он должен ограничиться совокупностью всех рабочих, классовый интерес которых дает надежный базис для возведения на нем действительно интернациональной политики.

Политика рабочего класса становится интернациональной политикой уже благодаря тому, что она мерилом для всего берет классовый интерес пролетариата и рассматривает все явления в первую очередь с точки зрения того, как они влияют на борьбу рабочего класса за свое освобождение из-под ига капитализма. Для этого истинно-социалистического интернационализма общность судеб рабочего класса всех наций важнее, нежели общность судеб различных классов одной нации. Такова точка зрения, которая была всегда господствующей в рядах сознательного пролетариата со времени Коммунистического Манифеста, та точка зрения, из которой наши великие борцы и учители — Маркс и Энгельс — исходили при оценке всех международных событий. Она особенно отчетливо формулирована в заслуживающей и поныне внимания статье Отто Бауэра, где он старался выяснить чешским сепаратистам „сущность интернационализма".

Тем, что мы, по выражению Коммунистического Манифеста, „всегда отстаиваем интересы всего движения в его целом", мы делаем действительно международную политику. Всякое нарушение интернационализма должно в конечном счете вести к нарушению классовых интересов всего пролетариата, должно причинять вред его борьбе за освобождение.

Теоретическое отношение к интернационализму в последнем счете определяет конкретное отношение ко всем вопросам мировой поли-

[1]) См. *Реннер*, цитированная статья.

тики. Если довольствоваться туманным культурным интернационализмом, как это делают буржуазные пацифисты, то можно одновременно вотировать кредиты на вооружение нынешним военным государствам, можно работать рука об руку с представителями власти, представляться монархам и принимать манифест о мире из рук Николая Кровавого. Но для презрительных насмешек, которыми в былые годы социал-демократия осыпала буржуазное пасифистское движение, у нас теперь уже нет оснований.

Ибо не будем обманываться. Интернационализм уже пожинает то, что посеял шовинизм. Лондонская конференция является предостережением для пролетариата, показывающим, насколько он уклонился от прежнего направления своей политики. В германской и австрийской рабочей печати с основанием отметили решения, принятые в Лондоне, как признак возвращения к здравому смыслу. Но разве не позор, что резолюции, в которых изложены элементарные и основные принципы социалистической политики, резолюции, клеймящие войну и протестующие против царского террора, уже не являются чем-то обычным. И разве не позорен еще более самый факт этой конференции. Свирепые немецкие националисты придумали ругательство: „социалисты Согласия“. Но то, что должно было быть ругательством, стало действительностью. Мы видели, как социалисты в Лондоне группируются в соответствии с группировкою господствующих классов. Мы сами, к счастью, избегли подражания плохому лондонскому примеру и не устроили конференции „социалистов центральных держав“, где могли собраться германцы, австрийцы и турки.

Лондонская конференция, как нельзя убедительнее, показывает значение Интернационала. Ибо как бы ни стараться признать, что французы, англичане и русские [1]), которые были там представлены, пытались говорить, как социалисты, все-таки решающего слова они сказать не могли. Не потому, что сепаратная конференция воюющих государств вообще не может этого сделать, а потому, что существуют такие требования, как, напр., требования мира, которые могут быть предъявляемы только сообща, и осуществить их способна только одна организация—Интернационал.

Этим мы отнюдь не хотим сказать, что социалистические партии всех воюющих стран действительно сделали всё, что было в их силах, для осуществления того постановления международного конгресса, которое было принято в Штутгарте и подтверждено в Копенгагене и Базеле. Оно гласит: „Если же все-таки вспыхнет война, то необходимо стремиться к скорейшему окончанию ее и при-

---

[1]) Из русских на конференции были представлены только соц.-революционеры, между тем как все соц.-демократические фракции протестовали против конференции.

ложить все старания к тому, чтобы использовать вызванный войной экономический и политический кризис для возбуждения народа и тем ускорить устранение капиталистического классового господства".

Мы не хотим затушевывать упущения отдельных партий, а хотим только выяснить, какие значительные функции мог бы выполнить Интернационал.

В настоящее время Интернационал бессилен. С чувством глубокого стыда переживаем мы такое состояние, когда представителям пролетариата всех стран ни разу даже не удалось собраться на общее совещание. Мы, конечно, вполне понимаем, сколько этому способствовало разложение, внесенное в Интернационал некоторыми „социалистами". Мы прекрасно знаем, что у нашей социал-демократии есть свои Гайндманы, а у „социалистов Согласия"—свои Лейтнеры. Но мы понимаем также, что в вопросе о дееспособности Интернационала заключается проблема, более глубокая, нежели эксцессы отдельных лиц, заразившихся шовинизмом.

Социал-демократические партии не могли продолжать свою мирную политику, потому что они сделали войну партийным делом, и притом не только войну, направленную на защиту независимости и самоопределения народов, но войну вообще, не взирая на скрытые и явные цели, которые господствующие классы связали с нею. Политика пролетариата оказалась всецело на буксире у политики господствующих классов.

Враги рабочего класса, если они не считали нужным для своих целей обвинять Интернационал в организации государственной измены, часто пытались за последние годы относиться к нему пренебрежительно, указывать на его незначительность и проводить параллель между ним и интернациональными затеями буржуазных обществ. Тон этот усвоен теперь в некоторых кругах, именующих себя социалистическими. Но вряд ли когда в другое время жизнь показывала более убедительно, какое реальное политическое значение имеет Интернационал. Если в начале деятельности нового Интернационала на первом плане стояло соглашение по вопросам охраны труда, если в то время Интернационал являлся опорой для партий, которые еще только начинали свою деятельность, и которые почерпали силу в сознании, что у них есть братья во всех странах света, если тогда Интернационал был сотрудником в работе, которая в конце концов могла быть сделана в каждой стране и без него, хотя бы и с меньшим успехом, то за время войны обострение международных конфликтов всё более показывало, что Интернационал является единственным возможным органом политики пролетарского мира. Рабочий класс мог взывать к миру в противовес агитации милитаристов, не подвергая себя в то же время самому грубому заподазриванию, только потому, что всегда мог сказать в ответ: „По ту сторону границы рабочий класс ставит то же самое требование".

В начале войны во многих странах считали возможным вести политику, не опираясь на Интернационал, не считаясь с обязанностями, которые он возлагает на каждую из своих секций. Теперь мы видим уже оборотную сторону медали: учреждение, которое одно только могло решительно и убедительно сказать, что думают и чего хотят все народы, до сих пор еще не вернуло себе способности к действию. Но из переживаемой ситуации пролетарии всех стран извлекут тот урок, что для них недостаточно интернационального культурного сознания и интернационального правопорядка в будущем, а что им в качестве органа пролетарской классовой политики сейчас же, немедленно, нужен действующий Интернационал.

„Volkstribune“ („Народная Трибуна“). 30 июня 1915 г.

Цель и польза социал-демократии.

В начале 90-х годов в наших организациях доклады, читавшиеся о профессиональных союзах, кооперативах и т. д., очень часто ставили себе темой выяснение их „цели и пользы“. Эти, давно минувшие времена, когда еще более были спорны самые элементарные основные понятия, невольно приходят теперь на память, когда следишь за полемикой в „Народной Трибуне“ и такого же рода дискуссиями [1]), которые с чрезвычайной страстностью ведутся в настоящее время в Германии. И часто начинает казаться, что товарищи в своей аргументации порою забывают, в чем собственно заключается цель и польза социал-демократии. Можно, разумеется, обсуждать с различных точек зрения много чрезвычайно интересных тем, но если обсуждение стремится иметь какой-нибудь смысл, то необходимо исходить из определенной точки зрения, каковая для нас может быть только социал-демократической. Вместо этого мы

---

[1]) В венской „Народной Трибуне“, начиная с 17 марта 1915 г., печаталась дискуссия по партийным вопросам, вызванным войной. Поводом для нее послужили пять статей Роберта Данеберга, озаглавленные „Критические заметки“. Эти статьи являлись после двух статей Фридриха Адлера, напечатанных в „Kampf“ (и перепечатанных здесь нами), первою попыткой отстоять в немецко-австрийской социал-демократической печати точку зрения меньшинства. Начавшаяся в связи с этим дискуссия продолжалась в 20 номерах журнала и в ней приняли участие Фридрих Аустерлиц, Энгельберт Пернерсторфер, Виктор Адлер, Вильгельм Элленбоген, Леопольд Винарский, Карл Лейтнер, Адельгейда Попп, Тереза Шлезингер и др. (Замечу мимоходом, что это была единственная дискуссия такого рода в партийной печати). В эту дискуссию вошла и печатаемая здесь ст. Фр. Адлера. Издание „Критических заметок“ отдельной брошюрой не было в свое время запрещено властями. Издатель.

аргументируем, совершенно не считаясь с позицией другого. Один товарищ строит свои доводы таким образом, словно он находится в ставке генерального штаба, другой всецело подчиняется ходу правительственных мыслей, один берет исходной точкой только пангерманские интересы, другой—историческую миссию Австрии. Мы не можем никому запретить мыслить таким образом, но мы не позволим отнять у себя право рассматривать мир и впредь с той точки зрения, с какой мы его рассматривали до войны,—с точки зрения социал-демократии.

Если бы из обсуждения исключить всё, что было сказано с чужой точки зрения, то проблемы стали бы значительно яснее. Они уяснились бы еще более, если бы мы вспомнили об основном учении Маркса, что мы не можем понять историю, если будем ограничиваться общими фразами о судьбах и целях народов вместо того, чтобы уяснить себе роль и задачи отдельных классов общества.

Всё, что сказали нам за время войны Пернерсторфер и Лейтнер, было сказано всецело и исключительно с точки зрения немецкого народа. Они выступили с весьма интересными и убедительными статьями и речами, но мы должны сказать, что законные представители этой точки зрения, Бетман-Гольвег и германский император, делают эту работу, пожалуй, еще лучше. В качестве социал-демократов мы должны рассуждать с точки зрения рабочего класса. Мы и во время войны не можем занять иную позицию, кроме той, которую когтями и зубами защищали в мирное время,—позицию интересов всего пролетариата. И великие события мировой войны мы можем постичь лишь в еще более грандиозной всемирно-исторической перспективе подъема пролетариата на вершину социалистического общественного строя. Конечно, война не является самым подходящим моментом для осуществления социалистических целей, но еще менее является она поводом для отказа от них или для оттеснения их на задний план.

Мы прекрасно знаем, что для большинства людей в настоящее время существуют другие дела, более важные, чем социализм. Мы со скорбью должны были убедиться, что и в наших рядах для многих другие проблемы не менее важны, чем освобождение рабочего народа из цепей капитализма. Но мы не робеем, и теперь, как и год тому назад, будем твердить, что для нас дело социализма выше всего остального в мире, и что борьба, которая являлась и остается задачей нашей жизни, несравнима ни с какою другой задачею. Уже скоро исполнится 70 лет той травле, которая ведется против идей, впервые нашедших себе выражение в Коммунистическом Манифесте. И если теперь к этой травле присоединяются люди, называющие себя социал-демократами, и унижают и оскорбляют тех, кто сохранил и продолжает защищать старые убеждения,

то мы этим смущаться не будем. Мы останемся при том победном лозунге, который до сих пор был основой всей нашей деятельности— „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“.

„Против призрака коммунизма“, говорит Манифест, „ополчились все силы старой Европы, папа и царь, Меттерних и Гизо, французские радикалы и немецкие полицейские“. Дело, которое защищали Маркс и Энгельс, при самых тяжелых условиях, против целого мира врагов, пустило корни в сердцах и умах пролетариев всех стран— не взирая ни на что. Оно и в будущем будет одерживать одну победу за другой, несмотря на насмешки и презрение, которым Карл Лейтнер обливает Интернационал (см. в особенности его статьи в „Sozialistische Monatshefte“), несмотря на яростные проклятия, которые Пернерсторфер бросает по адресу старого интернационализма. Дело, которое мы защищаем, дело международной социал-демократии, слишком мощно доказало свою жизнеспособность и способность сопротивления, так что нам не приходится бояться, что ей могут надолго повредить подобные нападки.

Если откинуть точки зрения, контрабандой привезенные к нам из буржуазного лагеря, то останется существенный спорный вопрос относительно нашей тактики. Это звучит очень заманчиво, когда нас уверяют, что пред нами теперь задача не только бороться против германского империализма, как мы делали в мирное время, но что теперь мы имеем возможность бороться также и против империализма английского. Что в настоящее время мы не только боремся, как раньше, с реакцией у себя дома, но также можем разбить на голову оплот всей реакции—царизм. Борьба против империализма, борьба против царизма, борьба против кровавых врагов рабочего класса,— какие заманчивые перспективы для каждого социал-демократа! О том, что мы собираемся вести эту борьбу, не может быть никаких разногласий. Спорным является только, каким способом лучше всего ее вести. Надо ли сохранить те тактические приемы, которые мы считали не внушающими сомнений до войны, или же война заставляет нас применить новую тактику. Это следует решать не в порыве страстей, а с холодным, спокойным рассудком. Прежде всего не следует—подобно некоторым товарищам—изображать новую тактику, как нечто разумеющееся само собою. Необходимо прежде всего дать себе ясный отчет в том, что речь идет о вступлении на новый путь.

Позиция, которую мы занимали до войны, ясно очерчена в статье тов. Отто Бауэра, напечатанной в декабрьской книжке „Kampf'a“ за 1908 г. Там говорится:

„Социал-демократия находится в противоречии к империалистическим тенденциям всех государств... Но уже десятки лет считается бесспорным правилом нашей тактики вести борьбу против нарушителей мира во всех странах таким образом, чтобы социал-демо-

краты всюду направляли свои нападки против нарушителей мира в своей стране и в своей нации".

И Бауэр убедительно поясняет нам, на примере Австрии, почему надо держаться именно такой тактики.

Нам, австрийцам, необходимость такой тактики давно уже известна по опыту внутренней национальной борьбы в нашей стране. Нам представляется естественным, что только немецкие рабочие могут одолеть немецкий шовинизм и только чешские — чешский. Если бы, например, чешская социал-демократическая газета поставила себе задачей борьбу с немецким шовинизмом, то это не ударило бы по национализму немецких буржуазных партий, ибо против этого национализма могут успешно бороться только немцы и только в пределах немецкого народа. Немецкие националисты не потеряли бы ни одного избирателя, но за то усилился бы чешский шовинизм, который почерпает свою главную силу в изображении националистических тенденций, господствующих среди немцев. Этим, в свою очередь, была бы затруднена борьба немецких товарищей против немецких шовинистов. Поэтому нам представляется естественным, чтобы социал-демократы каждой национальности действовали на пользу национального мира не посредством нападок на националистов других народов, а посредством борьбы против шовинистов в своей собственной нации.

Но то, что верно для внутренней национальной борьбы в Австрии, применимо также к великой борьбе государства и наций на мировой арене.

„Бесспорные правила нашей тактики", о которых говорит здесь Отто Бауэр, имеют славное прошлое. Они нашли классическое выражение в том призыве, с которым Фрейлигрaт обратился к революционерам северной Германии, когда они в ноябре 1848 года говорили о необходимости придти на выручку осажденной Вене.

Räum' auf im eigenen Hause! Räum' auf und halte Stich— Den Jellachich zu jagen, werf deinen Jellachich [1]).

Из этого принципа разделения труда в Интернационале исходила наша тактика до войны, и благодаря ей мы одерживали одну победу за другой. Нельзя сказать того о новой тактике, которая была принята без ясного отчета в том, что сейчас происходит. Новая тактика явилась продуктом психоза, господствовавшего в первые месяцы войны, и она причинила нам много вреда.

Для того, чтобы отказаться от старой тактики, нужно было бы представить нам более убедительные доводы, нежели те, которые были указаны до сих пор. Товарищи, которые отстаивали и применяли во время войны новую тактику, слишком игнорировали то обстоятельство, что заманчивая борьба против чужого империализма, которую они вели, поставила их на один фронт с империалистами их отечества, и что заманчивая борьба против чужой реакции делает их союзниками реакционеров в своей стране. Борьба против классовых противников за границей, конечно, весьма заманчива,

[1]) Вычисти мусор у себя в доме и справься сначала со своими непорядками! Чтобы прогнать Елачича, выгони сначала своего собственного Елачича!

но она предполагает мир с классовыми противниками у себя дома.

Таким образом возникает для каждого социал-демократа серьезный вопрос. Действительно ли целесообразно отказываться во время войны от тех принципов, на которых основывалась наша тактика в мирное время. Не будет ли правильнее сохранить фронты классовой борьбы, которые существовали в мирное время и должны будут снова существовать после войны, сохранить их теперь без изменений, хотя борьба в военное время, по необходимости, несколько ограничена. Перед нами вопрос: возместит ли сколько-нибудь успех в борьбе с иностранным капитализмом и деспотизмом тот вред, который причиняют нам ложные представления о классовой солидарности.

Армии осуществляют свою задачу против внешнего врага, не нуждаясь в содействии политических партий. Они делают это со всей силой, которая нужна им для достижения их цели. Пролетарии во всех странах выполняют свой долг в качестве солдат, но совершенно иной вопрос, который постоянно смешивается с предыдущим, должна ли социал-демократия, как партия, оказывать военные услуги. Тот, кто заявляет, подобно германскому императору: не существует больше никаких партий — тот никогда не предъявит подобного требования к социал-демократии. Это только результат чрезмерного усердия некоторых товарищей, которые, не участвуя в войне в качестве солдат, вообразили, что необходимо отдать на служение войне то оружие партии, в виде организаций и прессы, которое предназначено для ее специальных целей. Пусть эти товарищи воодушевлены самыми благими намерениями, но армия несомненно в их помощи не нуждается, и потому социал-демократия может остаться при своей старой тактике и сохранить организацию и печать для целей классовой борьбы в мирное время.

* * *

Во время войны, особенно в начале ее, обратило на себя внимание еще другое явление, от которого мы страдаем еще и посейчас: взаимная борьба между социалистами различных стран.

Кто будет отрицать, что социалисты во Франции, Бельгии, Англии и России сделали ошибки, вредящие общим интересам пролетариата. Кто будет отрицать, что тактика, ими усвоенная, способствовала крушению Интернационала и ослабила влияние рабочего класса. Но в критике ошибок, допущенных социалистами в различных странах, и подавно следует применять слова Фрейлиграта „почисти сначала у себя дома“. Мы критикуем свою собственную партию и предоставляем критику чужих ошибок товарищам в дру-

гих странах не потому, что мы переоцениваем французов или ненавидим немцев, а потому, что критика немецких социалистов французскими и французских—немецкими неизбежно отравляет отношения между братскими партиями в Интернационале, что и наблюдается сейчас. Даненберга неправильно поняли, когда на основании его „Критических заметок“ приписали ему намерения оправдать или прикрасить ошибки заграничных социалистов. Он стремился только призвать товарищей к самопознанию, указать им единственно социал-демократический путь—самокритику.

Выступления, наблюдающиеся за последнее время во Франции, вроде, например, резолюции, вынесенной организацией департамента Верхней Виенны, показывают, что и там начинается самокритика, т.-е. единственно плодотворная критика. И постепенно наши товарищи тоже поймут, что те, кто не склонны принимать за чистую социал-демократическую монету все заявления нашей прессы во время войны, руководствуются только интересами партии. Только это одно и должно постоянно заставлять нас размышлять, действительно ли наши действия находятся в соответствии с теми великими задачами, которые мы себе поставили.

Мы должны признаться, что наша критика не имела того непосредственного практического успеха, на который мы рассчитывали. Наша критика была слишком слаба. Яд, посеянный теми, кто внесли войну в ряды Интернационала, оказался слишком силен. Интернационал нем и бессилен, и пролетариат с каждым днем всё больше ощущает отсутствие органа, который мог бы выразить его затаенные стремления и желания.

Едва ли Интернационал во время этой войны еще получит возможность заговорить о мире. Таким образом перед социал-демократами всех стран встает новый вопрос: так как Интернационал бездействует, то кто должен первым заговорить о мире. И снова элементарным требованием пролетарской солидарности является, чтобы тот пролетариат обратился прежде других к своему правительству, чья страна окажется победительницей. Если враг стоит в стране, то рабочему классу могут сказать, что его требование мира будет свидетельствовать о слабости отечества. В стране, которая освободилась от вражеского нашествия, там, где армия оказалась победоносной, стремление к миру, воодушевляющее пролетариат всех стран, не может быть истолковано таким образом.

Но и это простое соображение относительно социал-демократической тактики в настоящее время еще не всеми признано. Однако, последние прения в прусском ландтаге и декларация правления германской партии, от 23 июня, показывают, что в конце концов всё же понимание истинной цели и пользы социал-демократии с непреодолимой силой пролагает себе путь.

„Kampf“ („Борьба“). Сентябрь 1915 г.

Эволюция во внешней политике французских социалистов.

Чем больше вникаешь в проблему роста и крушения второго Интернационала, тем сильнее становится впечатление, что международные отношения между социал-демократическими партиями различных стран далеко не были достаточно тесными, и что наблюдалось даже прямо поразительное отсутствие осведомленности друг о друге. Правда, всегда говорили, что английские социалисты знают о делах на континенте так же мало, как и все прочие англичане. Но немцы искони гордились тем, что они лучшие знатоки иностранного социалистического движения. И, относительно говоря, они были, конечно, правы. Но как ничтожно абсолютное значение их сведений, становится ясным, когда пытаешься представить себе психологию французского социализма перед войной. Всё, что мы о ней знали, исчерпывалось по преимуществу лозунгом „всеобщая забастовка в случае войны“. Из того, что говорилось и писалось по вопросам внешней политики, нам в сущности было известно только то, что исходило от Жореса.

Когда мы теперь знакомимся с отношением французских социалистов к внешней политике за последние годы перед войной, мы видим, что ни в одной стране опасность войны и необходимость попытаться предотвратить ее не стояла до такой степени в центре в социалистической дискуссии, как во Франции. Конечно, в Германии лучше разбирались в империалистических тенденциях нашего времени, лучше, чем где бы то ни было, понимали, как эти тенденции с каждым годом усиливают опасность войны, и потому сосредоточивали все свои старания на внутренне-политической борьбе против вооружений и против империализма в своей собственной стране. Наоборот, интересы французских социалистов были прикованы, главным образом, к вопросу группировки европейских государств—и в первую очередь—к вопросу об отношениях между Францией и Германией.

Разумеется, это было иллюзией, когда некоторые из французских социалистов думали, что сближение между Францией и Германией, само по себе, в состоянии сделать войну вообще невозможной. Разумеется, в этом заключалась недооценка империалистических сил, которые повышали опасность войны, а также незнакомство с проблемами национальностей, пробуждавшихся на Востоке. Но несомненно, что опасности, угрожающие европейской демократии, были

бы значительно слабее, если бы в империалистической войне Франция оказалась на стороне Германии. И даже более того: для Франции устранение возможности войны с Германией означало фактически почти совершенное исключение возможности какой бы то ни было войны. Если, таким образом, более внимательное отношение французов к проблеме о союзах следует, отчасти, объяснять их специфическим свойством ограничиваться кругом своих непосредственных интересов, то всё же настойчивость, с которой во Франции, перед войной, разрабатывался этот вопрос, представляет значительный интерес и проливает свет на позицию социализма во внешней политике.

Политическая заслуга французских социалистов заключается в последовательной борьбе с идеей реванша. Эта борьба против националистической травли и патриотической фразы велась в течение десятилетий со всё возрастающим успехом и увенчалась открытым заявлением о примирении с фактом аннексии Эльзас-Лотарингии. Теперь, когда всем социалистическим добродетелям угрожает опасность погибнуть в пучине войны, когда даже отдельные французские социалисты забывают об этой крупнейшей своей заслуге, напомнить о ней представляется нам особенно важным.

Значительность этого факта можно измерить, только поняв полную психологическую переоценку, которая должна была совершиться в головах социалистов в связи с вопросом об аннексии Эльзас-Лотарингии. От единодушного и решительного осуждения этой аннексии, как немецкими, так и французскими социалистами, а также генеральным советом Интернационала, до признания совершившегося факта,—признания, легшего в основу дальнейшей социалистической работы, — путь был далекий и тяжелый. То, что здесь произошло, можно сравнить только с ужасными муками приспособления, которые были причинены как самой Эльзас-Лотарингии, так и Германии, включением новой завоеванной области. Французские социалисты, подобно германским, примирились с этой аннексией в процессе исторического развития. Чтобы вполне понять, какой тут произошел поворот, нужно припомнить, с каким настроением встретили социалисты эту аннексию во время войны и как относились к ней в первые годы после войны. Протест против аннексии явился связующим звеном между социал-демократическими депутатами в германском рейхстаге. В начале войны только Либкнехт и Бебель воздержались от голосования, а Швейцер и его сторонники голосовали за кредиты. Но в ноябрьской сессии 1870 г. оба направления объединились в отказе принять „законопроект о новых средствах для ведения войны“. Предложение, внесенное тогда Бебелем и Либкнехтом, заканчивалось словами:

Рейхстаг постановляет: отклонить кредиты, требуемые для войны, и предлагает союзному канцлеру приложить старания, чтобы немедленно был

заключен мир с французской республикой без какой бы то ни было аннексии французской территории [1]).

Речь, произнесенная Бебелем [2]), доказывала, что „только требование аннексии делает невозможным заключение мира". А Либкнехт с такою же определенностью заявлял [3]):

Заем, которого от нас требуют, предназначается для осуществления аннексии. Это явствует из текста тронной речи. Аннексия принесет нам не мир, а войну. После заключения мира, она будет таить в себе постоянную опасность новой войны и тем укрепит в Германии военную диктатуру... По этим причинам я, разумеется, против военного займа и потому внес, вместе с моим другом Бебелем, предложение отвергнуть его.

Эта позиция была решительным образом занята социал-демократией, как только выяснилось, что целью войны является аннексия, и что оборонительная война явно стала наступательной. Поворот резко выявился благодаря провозглашению республики во Франции. После 2 сентября 1870 г., после битвы при Седане и взятии в плен Наполеона, бонапартизм, деспотия на западном берегу Рейна — были сокрушены. А тот, кого в начале войны считали нападающей стороной, был окончательно разбит и устранен. И тогда немедленно германская социал-демократия возвысила свой голос и уже 5 сентября 1870 г. манифест Брауншвейгского комитета социал-демократической рабочей партии заявлял:

Сторонникам аннексии мы не позволим продолжать их игру и от имени германской социал-демократической рабочей партии мы заявляем здесь протест против аннексии Эльзас-Лотарингии. В этом мы солидарны со всеми германскими рабочими. Германские рабочие в интересах Франции и Германии, в интересах мира и свободы, в интересах западной цивилизации и в целях ее защиты от казацкого варварства не потерпят аннексии Эльзас-Лотарингии [4]).

Манифест заканчивается призывом: „Необходимо, чтобы партия повсюду организовала народные манифестации против аннексии Эльзаса и Лотарингии и за заключение почетного мира с французской республикой".

Карл Маркс сразу ясно понял историческую ситуацию, и ему принадлежит инициатива и основные идеи манифеста, опубликованного Брауншвейгским комитетом. Уже через неделю после Седанского сражения в Лондоне появился знаменитый второй адрес генерального совета о франко-германской войне [5]). Там блестяще изоб-

---

[1]) *Бебель*, „Из моей жизни", немецкое изд., т. II, стр. 194.

[2]) *Бебель*, там же, стр. 193.

[3]) *Бебель*, там же, стр. 195.

[4]) Отчет о процессе по обвинению в государственной измене Либкнехта, Бебеля и Гепнера, разбиравшемся перед судом присяжных в Лейпциге с 11 по 26 марта 1872 года (Берлинское издание 1911 г., стр. 417 и 418).

[5]) Перепечатано в „Гражданской войне во Франции". Адрес генерального совета международной ассоциации рабочих с предисловием Фридриха Энгельса. 3-е немецкое издание. Берлин 1891 г.

ражена историческая ситуация и в буквально пророческих словах указывается, какие последствия будет иметь аннексия Эльзаса и Лотарингии. Там говорится:

Неужели немецкие националисты думают, что свобода и мир будут обеспечены Германии в том случае, если она толкнет Францию в объятия России. Когда военная удача, высокомерие, вызванное успехом, и династические интриги толкают Германию к тому, чтобы похитить у Франции часть ее территории, то остаются только два пути: либо Германия должна, не считаясь ни с какими последствиями, открыто стать рабом, трудящимся ради возвеличения России, либо же, после небольшой передышки, она должна снова готовиться к „оборонительной" войне. Не к какой-нибудь „локализированной" войне новейшего образца, а к расовой войне против соединенных славянских и романских народов.

Опасность, которую создаст аннексия Эльзас-Лотарингии, была ясно сознана Марксом и Энгельсом уже вскоре после начала войны. Энгельс уже 15 августа 1870 года писал Марксу, что одной из задач германских социалистов является противодействие „всякой аннексии Эльзас-Лотарингии, так как у Бисмарка проскальзывает намерение присоединить эти области к Баварии и Бадену". А Маркс в своем ответе от 17 августа писал: „Эльзас-Лотарингские вожделения, повидимому, господствуют в двух кругах,—среди прусской камарильи и южно-германских пивных патриотов. Это было бы величайшим несчастием для Европы и в особенности для Германии [1])".

Когда аннексионные вожделения проявились с достаточной ясностью, Энгельс сделал в письме к Марксу от 12 сентября 1870 года следующее предложение:

Так как, повидимому, что-нибудь всё-таки будет аннексировано то я считаю своевременным подумать, в какой форме могли бы германские и французские рабочие вступить в соглашение о том, чтобы считать такую аннексию недействительной и подлежащей пересмотру, как только к тому представится возможность [2]).

На позиции борьбы с аннексией, которую Маркс и Энгельс сразу признали единственно возможной для рабочего класса, партия оставалась до конца войны и неуклонно держалась ее и после войны. В апрельской сессии 1871 года в рейхстаге, незадолго до заключения мира, Бебель снова выступил с предостережением и заявил: „Ни одно правительство во Франции, каково бы оно ни было, не сможет забыть о потере Эльзас-Лотарингии. Франция будет искать себе союзников, а Россия в будущем займет, вероятно, иное отношение к этому вопросу... Несомненно, что в будущем нам придется иметь более значительный военный бюджет, чем это нужно было бы при благоразумном соглашении с Францией и отказе от аннексии". Точно так же говорил Бебель в заседании рейхстага от 25 мая 1871 года, когда обсуждалось, после заключения мира,

[1]) „Переписка Маркса с Энгельсом", немецкое изд., т. IV, стр. 320 и 323.
[2]) Там же, т. IV, стр. 336.

„присоединение Эльзас-Лотарингии к империи". „Снова—рассказывает он об этом в своих мемуарах [1])—я изобразил весь ход войны и напомнил, что король прусский уверял, что это война оборонительная. Между тем аннексия противоречит такому уверению".

Бебель облек свой протест в следующие сильные слова:

Я с своей точки зрения категорически протестую против аннексии Эльзас-Лотарингии. Я считаю ее преступлением в отношении международного права. Для меня это позорное пятно в истории Германии.

Это резко отрицательное отношение к аннексии со стороны немецких социалистов, доходившее до намерения „аннулировать ее при удобном случае", дает возможность представить себе, как должны были отнестись к аннексии французские рабочие, те пролетарии, которые в дни коммуны желали до последнего момента защищать независимость своей страны.

Только приняв во внимание историческую ситуацию французского пролетариата, можно оценить всё значение того, что французские социалисты сделали в борьбе с идеей реванша.

* * *

Социалисты всех стран должны были решительно выступать против аннексии, пока существовала хотя бы отдаленная возможность воспрепятствовать ей. Они должны были постоянно снова и снова указывать, на ком лежит ответственность за этот роковой для Европы шаг, но вместе с тем социал-демократы имели решимость и мужество заявить о необходимости, насколько будет возможно, воспрепятствовать тому, чтобы на почве уже однажды содеянного зла выросло еще новое. Поэтому социалисты Германии и Франции должны были в конце концов примириться с аннексией. Ибо завоеванная страна, которая постепенно устроилась в рамках Германской империи и приспособилась к новым экономическим условиям, испытала бы только новое бедствие, если бы ее опять насильственно подчинили другой власти. Социалисты обладали достаточным пониманием и мужеством, чтобы признать, что вопрос, какому государству должна принадлежать данная область, не есть вопрос „вечного права", а разрешается в зависимости от исторических условий.

Неоднократно германские социал-демократы формулировали свое отношение к совершившемуся факту. Так, например, Игнац Ауэр в заседании рейхстага 19-го февраля 1891 года:

Аннексия Эльзас-Лотарингии есть совершившийся факт. И здесь в палате мы делали вполне определенные заявления, что в настоящее время мы признаем создавшееся правовое положение.

Вполне понятно, что французские социалисты должны были преодолеть гораздо более серьезные сопротивления, пока сумели

[1]) *Бебель*, „Из моей жизни", т. II, стр. 220.

публично заявить о своем примирении с совершившимся фактом. Если вспомнить, сколько клеветы и преследований обрушилось на германских социалистов, когда они заявили протест против аннексии, то можно себе представить, насколько труднее была позиция социалистов в побежденной стране, в стране, от которой отделили часть ее территории. Но социализм во Франции оправдал свое назначение и выполнил свою историческую миссию, несмотря на самые ужасные трудности. Сначала он противодействовал националистической травле, стараясь вытеснить идеи реванша посредством социальных проблем и заставив буржуазную республику заняться вопросом о классовой борьбе. Потом, когда время постепенно залечило раны, когда умы отрезвились, французский социализм мог перейти в наступление и провозгласить внешнюю политику мира. А это означало политику отказа от всяких обратных аннексий.

В этот фазис развития французские социалисты вступили за последнее десятилетие, и всякий беспристрастный наблюдатель должен будет с величайшим уважением отнестись к тому, что они сделали. Смелость и решительность, проявленная Жоресом в эльзас-лотарингском вопросе, достаточно известны. Он открыто заявил:

Годы, которые прошли со времени поражения, значительно усложнили и запутали вопрос, и если бы мы пожелали получить удовлетворение за содеянное насилие, то нам пришлось бы учинить новое насилие. Война, в целях возмездия и восстановления прежнего, даже в случае победоносного исхода, не положит конца периоду кровавых столкновений, взаимных насилий, которые уже в течение столетий терзают Францию и Германию... Бывают перемирия слишком продолжительные, так что в конце концов почти угасает сама мысль о возобновлении войны [1]).

Стремление Жореса ограничить военные силы надобностями национальной обороны и создать возможно более благоприятные условия для мира заставляло его определенно поставить вопрос об отказе от обратного завоевания Эльзас-Лотарингии. Но он не был одинок в своих взглядах. Эта проблема стояла за последние годы в центре всей социалистической дискуссии во Франции. Книги Гюстава Эрве [2]) и Марселя Самба [3]), в которых этот вопрос изложен наиболее ясно, остались, однако, до сих пор мало замеченными в Германии, хотя первая из них имеется даже в переводе.

---

[1]) *Жорес*, „Новая армия", нем. перевод, стр. 10.

[2]) *Гюстав Эрве*, „Эльзас-Лотарингия и германо-французское соглашение". Немецкий перевод Германа Фернау.

Фернау, хороший знаток Франции, автор книги „Французская демократия", предпослал своему удачному переводу заметку о Гюставе Эрве. В ней, как и в предисловии автора, развитие взглядов Эрве рисуется более последовательным, нежели это можно было предположить, судя по отдельным сенсационным заявлениям Эрве.

[3]) *Marcel Sembat*, Faites un Roi, si non faites la Paix, Paris, 278 стр.

Книга Эрве, по его собственному заявлению, является лишь логическим продолжением той борьбы, которую он всю свою жизнь вел против милитаризма и войны. На международном конгрессе в Базеле в 1912 г. он убедился, что „германская социал-демократия не взяла на себя перед французской социал-демократией никакого обязательства попытаться в свою очередь поднять восстание в случае мобилизации". А так как, „разумеется, ни одному французскому социалисту не приходило в голову насильственно мешать французской мобилизации, если германские социалисты со своей стороны не обяжутся сделать то же самое, чтобы помешать войне", то он стал искать других средств. Такое средство он видит в германо-французском соглашении, которое, однако, возможно лишь после того, как в дружеской форме будет разрешен эльзас-лотарингский вопрос. Этот вопрос он называет „краеугольным камнем европейского мира [1])".

Эрве вполне уясняет себе, что „эльзас-лотарингский вопрос неразрешим в плоскости права". Благополучный исход конфликта из-за Марокко указывает, по его мнению, что и „эльзасский вопрос можно разрешить только в форме делового соглашения".

Необходимо покончить с эльзас-лотарингским „делом" так же, как покончили с вопросом о Марокко. Не военные громы, не средневековые рыцари, не юристы, зубами уцепившиеся в свои тезисы, не формалисты, а купцы, деловые люди, люди XX века, должны разрешить этот вопрос. Слово принадлежит деловому миру в Париже и Берлине.

Для заключения такой сделки Г. Эрве вносит ряд предложений, которые могут содействовать соглашению между Францией и Германией. Предложения эти начинаются с „минимального решения", по которому Эльзас-Лотарингия получает республиканское самоуправление, но остается в составе Германского союза, и кончаются „максимальным решением", по которому аннексированные провинции возвращаются Франции взамен весьма высокого вознаграждения африканскими территориями и денежной суммой. Кроме того, Эрве указывает на „среднее решение", как на самое надежное, по которому Эльзас-Лотарингия должна стать независимым нейтральным государством, так что „на всем протяжении своей границы Франция и Германия будут отделены друг от друга рядом нейтральных государств: Бельгией, Люксембургом, Эльзас-Лотарингией и Швейцарией [2])".

Таковы предложения, которые несомненно были продиктованы благими намерениями, хотя теперь нам и кажется утопичным, что кто-то мог серьезно надеяться, что германское правительство на это согласится. При всем том книга Эрве заслуживает внимания не

[1]) Нем. перевод книги Эрве, стр. X.
[2]) *Эрве*, стр. 118.

только потому, что дает обзор эльзас-лотарингской проблемы во всем ее развитии, и приводит в подлинном тексте ряд интересных исторических документов, но еще и потому, что она с чрезвычайной убедительностью показывает, что представляет собою аннексия и какие воистину непреодолимые психологические трудности создает она для всех народов, которые имеют к ней отношение.

Еще более интересна книга Марселя Самба „Faites un roi, si non faites la paix“ (Возьмите себе короля, или заключите мир!) — одна из самых своеобразных во всей социалистической литературе. Она полна остроумия и иронии, брызжет умом, в занимательной форме разбирает глубочайшие вопросы политики, причем шутливый тон не мешает выявить всю серьезность этих вопросов.

Для Самба политическая проблема Франции сводится к альтернативе—мир или война. Он требует, чтобы было принято, наконец, определенное решение со всеми последствиями, которые с этим связаны. Если остаются верны идее реванша, т.-е. в последнем счете хотят войны, то нужно создать все условия, благоприятствующие войне, и установить конституцию, пригодную для наступательной войны и наиболее гарантирующую успех. „Если вы стремитесь к войне, вы должны стремиться к монархии“. Тогда Франция должна восстановить королевскую власть, ибо республика в состоянии отразить вражеское нашествие, но никогда не способна действовать в качестве нападающей стороны. И наоборот, если французы желают сохранить республику, то они—по мнению Самба—должны стремиться к миру, должны прежде всего отказаться от политики реванша и окончательно примириться с Германией.

С огромной силой убеждения и чрезвычайным обилием доказательств Самба отстаивает вторую альтернативу, т.-е. республику и мир. Из множества проблем внешней политики, которые он рассматривает, для нас особый интерес представляет его отношение к германо-французскому соглашению. Он решительно высказывается против предложения Эрве.

Дорогой Эрве,—пишет Самба,—постарайтесь хорошенько усвоить, что для немцев, для всех немцев—всё равно, социалисты они или не социалисты—не существует в настоящее время эльзас-лотарингского вопроса... Для немцев не существует эльзас-лотарингского вопроса во внешней политике. Для них это вопрос внутренней политики.

А отсюда Самба строго последовательно приходит к выводу:

Надо бояться, как огня, требовать от Германии того, чего она не может нам дать. Она не может нам дать Эльзас-Лотарингии, не может дать ни кусочка, не может дать ни целиком, ни частями, в обмен на колонии, хотя бы мы, с своей стороны, отдали все наши колонии. Не может также согласиться на нейтрализацию Эльзас-Лотарингии. Я даже не думаю,—и указал почему,—чтобы Германия согласилась обсуждать вопрос об автономии Эльзас-Лотарингии, в виде предварительного условия сближения. Хотя в результате сближения такая автономия несомненно и будет дана.

Не будем требовать невозможного, и тогда благоразумие поможет нам получить всё достижимое.

Единственным результатом франко-германского соглашения для Франции должно быть окончательное упрочение европейского мира, благодаря чему она гарантирует себе на будущее в консолидированной западной Европе условия свободного развития и законного влияния [1]).

Самба имел мужество открыто заявить, что эльзас-лотарингский вопрос отжил свое время. За воплями боли, за потрясающими жалобами первых лет последовали вздохи, а сорок лет спустя и они стали умолкать. „Почему,—спрашивает Самба,—встречаются французы,—и я принадлежу к их числу,—которые порою могут даже подсмеиваться, когда слышат эти вздохи? Потому что время утекло, потому что прошло 42 года".

* * *

Книга Самба является самым наглядным выражением той последовательности и решительности, с которой французские социалисты вели свою внешнюю политику в смысле борьбы с идеями реванша. И эта политика, в конце концов, имела успех. Правда, путь был тяжел, и цель могла быть достигнута во Франции лишь тогда, когда Эльзас-Лотарингия сама, наконец, примирилась с аннексией.

Десятки лет аннексированные области управлялись на основании параграфа о диктатуре, и только через 40 лет, в 1911 году, Эльзас-Лотарингия получила, наконец, собственный ландтаг. Понадобилось 40 лет, чтобы сломить сопротивление в аннексированных областях и чтобы настало время, когда все партии в Эльзасе начали примиряться с новым порядком. Из жителей Эльзас-Лотарингии 164 тысячи воспользовались правом сохранить старое подданство. Десятки тысяч эльзасцев эмигрировали из своего отечества, десятки лет не переставала бушевать политическая борьба „протестантов", и германскому правительству, которое одновременно действовало при помощи угрозы и ласки, приходилось напрягать все усилия, чтобы укрепить за собою страну. Потоки золота лились из Германии в аннексированные области, в Страсбурге на государственный счет строились великолепные здания, а непокорные элементы подвергались всевозможным преследованиям. Наконец, через 40 лет аннексированные области получили ландтаг и тем самым—равноправие.

И только тогда население аннексированных областей позволило своим политическим представителям, и притом представителям всех партий, публично и открыто заявить о примирении с новым порядком. Начало положила социалистическая фракция эльзас-лотарингского ландтага в той замечательной декларации, которая в марте

---

[1]) *М. Самба,* стр. 212 и 213.

1913 года была адресована пролетариату Франции, и где ясно формулировалась следующая точка зрения:

Мы посылаем это заявление парижскому пролетариату потому, что Эльзас-Лотарингия и ее аннексия в 1871 году сыграла исключительную роль и явилась главным источником той атмосферы конфликтов, которая в течение 40 лет господствует между Германией и Францией и причиняет вред обеим странам, а также Эльзас-Лотарингии, являющейся источником постоянной опасности для мира.

В настоящее время требуется дать простой и ясный ответ на вопрос, который доминирует над всем остальным: хотят ли эльзас-лотарингцы войны?

И от имени эльзас-лотарингских рабочих, желания и мысли которых нам прекрасно известны, мы отвечаем: нет, нет и трижды нет.

Мы знаем, что даже в среде эльзас-лотарингской буржуазии лишь весьма немногие дадут иной ответ.

Мы знаем также, что когда мы на своих собраниях и конференциях ставили вопрос: хотите ли вы, эльзас-лотарингцы, чтобы ваша маленькая страна перестала принадлежать Германской империи, если для осуществления этой перемены нужна война,—то в ответ нам кричали: не надо войны, ни в каком случае не надо войны...

И подобно тому, как мы ожидаем, что германское правительство, наконец, поймет нас и предоставит нам автономию, точно также мы требуем от Франции, чтобы она проявила достаточно любви к Эльзас-Лотарингии и предпочла признать ее провинцией другого государства, чем снова разрывать ее на части и покрывать трупами.

Что заявление социал-демократов отвечало настроению всех партий Эльзас-Лотарингии, видно было из резолюции, принятой 6 мая 1913 г. нижней палатой ландтага, избранной на основании всеобщего избирательного права. Резолюция гласит:

Палата предлагает наместнику инструировать представителей Эльзас-Лотарингии в союзном совете в том смысле, чтобы они энергично боролись против идеи войны между Германией и Францией и чтобы они побудили союзный совет изыскать пути и средства для сближения между Францией и Германией, каковое сближение даст возможность положить конец соперничеству в вооружениях.

После того, как Эльзас-Лотарингия стала на этот путь, во Франции тоже энергично начинает прокладывать себе дорогу идея соглашения с Германией.

Через несколько дней после принятия приведенной выше резолюции, 11 мая 1913 г., собралась Бернская примирительная конференция. Участие в ней 150 членов французского парламента (в том числе около 100 буржуазных радикалов и приблизительно 50 социалистов) показало, какое влияние приобрела политика, которую первоначально решались проводить только социалисты. Социалистические фракции германского рейхстага и французской палаты депутатов внесли на конференции общую декларацию, гласившую:

После того, как вызванная империализмом вражда между Англией и Германией, по счастью, пошла на убыль, сближение между Германией и Францией, к которому горячо стремятся социалисты, является

самым действительным средством для предупреждения европейской войны и для того, чтобы, объединив Германию, Францию и Англию в длительном мире, создать условия, благоприятные для развития человеческого прогресса.

Для франко-германского сближения неоценимую помощь оказала Эльзас-Лотарингия, воспротивившаяся войне из-за нее и заявившая твердое свое решение стать при помощи автономной конституции живым связующим звеном между обеими великими нациями.

То, что социалистические фракции заявили в своей декларации, было включено также в резолюцию, которая была принята всей конференцией и гласила:

Конференция принимает на себя обязательство неутомимо содействовать тому, чтобы рассеивать недоразумения и предупреждать конфликты. Она приносит сердечную благодарность народному представительству Эльзас-Лотарингии, которое своим благородным заявлением облегчило сближение обеих стран для деятельной работы на благо цивилизации.

После десятилетий тяжелой борьбы главное препятствие для германско-французскаго сближения было, наконец, оттеснено на задний план, и аннексия Эльзас-Лотарингии была признана совершившимся фактом. Но, несмотря на благоприятные признаки, сопровождавшие политику соглашения, мы и теперь еще не знаем, действительно ли, как многие надеялись перед мировой войной, в течение нескольких лет могла создаться новая ориентация в международных отношениях Европы.

Ибо аннексия естественно привела к тому, что Маркс уже совершенно ясно предвидел в сентябре 1870 года. Она толкнула Францию в объятия России.

Французские социалисты никогда не закрывали глаз на свойства и опасность союза с Россией. Г. Эрве говорит:

Разумеется, не симпатия к царизму толкнула французскую буржуазию в объятия тех, кого республиканцы тогда называли „вешателями всея России".

И напрасно будем мы говорить буржуазии, что союз с Россией почти неминуемо ведет к войне с Германией, что если буржуазия не желает воевать во имя реванша, то она будет воевать ради славы и ради прекрасных глаз русского панславизма. Буржуазия не хочет ничего слышать. Из двух зол она выбирает меньшее, и это меньшее есть союз с Россией [1]).

Через 40 лет психологические последствия аннексии были изжиты в аннексированной области и уже почти изживались во Франции. Но политические последствия аннексии, союз Франции с Россией, сохраняли свою силу и трудно решить, в состоянии ли были французы, даже при самом искреннем желании, устранить эти печальные последствия. Ибо, если Франция и заключила тот союз только для того, чтобы улучшить свое военное положение на случай войны с Германией, то всё же с течением времени финансовая основа этого союза, экономически связавшая

[1]) *Г. Эрве*, стр. 26 и 27.

Францию с Россией, стала решающим фактом. Франция приобрела союзника, который теперь не выпускал ее из своих объятий, или, по крайней мере, не выпускал из своих рук те деньги, отказаться от которых, разумеется, не в состоянии никакие капиталисты, в том числе и французские.

Правда, французские социалисты на этот вопрос смотрели весьма оптимистически. Эрве, как Самба, полагал, что можно будет порвать союз с Россией, как только окончательно будет достигнуто соглашение с Германией. Эрве говорил, что принятие какого-нибудь его предложения даст возможность „освободить Францию от казацкого союза, к которому она будет прикована до тех пор, пока не разрешится эльзас-лотарингский вопрос".

А Самба смотрел еще оптимистичнее на будущее, в случае удачи германско-французского сближения:

> Франции не пришлось бы жертвовать дружбой с Россией, но ясно, что союз с Россией утратил бы смысл своего существования. Россия, повторяю, легко бы с этим примирилась. Правда, многие славянофилы были бы в отчаянии, что нельзя больше рассчитывать на помощь Франции против немцев, но официальная правящая Россия связана с Германией узами тесной дружбы... Она поэтому не будет особенно горевать, ибо, в сущности говоря, в Петербурге, так же, как и в Париже, сознают, что союз исчерпал свою ценность.

Предсказанная Марксом великая война, которую „германцам придется вести против соединенных славян и романских народов", стала фактом и приняла размеры более грандиозные, чем можно было думать. Вся Европа брошена в плавильный котел, и всё, что трудом десятилетий создала социалистическая политика, рискует утратить свои формы. Уничтожены все успехи в борьбе против политики реванша во Франции. Разрушено строившееся соглашение, а эльзас-лотарингский вопрос приобрел новую силу. Мертвые пробуждаются. То, что казалось погребенным и забытым, восстает к новой жизни. Националистические крикуны требуют „во имя права" возвращения похищенных провинций, и даже наиболее благоразумные социал-демократы заявляют, что вопрос этот снова поставлен на очередь, что война снова привела всё в движение, и что теперь Эльзас-Лотарингия должна решить свою судьбу.

Социалистическая политика, остающаяся верной своим принципам, знает теперь так же, как знала в мирное время, что вопрос этот не может быть разрешен, согласно „требований права", что нельзя говорить об искуплении „исторической несправедливости" и что руководствоваться следует исключительно потребностями живых людей. А потому для социалистов отпадают прежде всего наивные предложения, сделанные некоторыми французами во время войны,— привлечь к участию в решении вопроса бывшее население Эльзас-Лотарингии, т.-е. допустить к голосованию тех, кто после 1870 года эмигрировали во Францию, и не допустить иммигрантов из Германии.

Решительный отказ от всяких „исторических притязаний“ устраняет недоразумения в спорах между германскими и французскими социалистами по вопросу о народном голосовании относительно Эльзас-Лотарингии. Французские социалисты только в том случае могут упрекать немецких, если они встанут на точку зрения „исторических притязаний“, т.-е. откажутся от позиции, которую занимали до войны и которую так резко формулировал Самба, сказавший: „С течением времени насилия становятся совершившимся фактом“.

Кроме того рассуждения французских социалистов затемняются еще тем, что они не различают между демократическим методом разрешения международных вопросов, который будет применяться пролетариатом со временем, когда он овладеет властью, и демократическими требованиями, которые он может предъявлять к войне в настоящее время.

Социал-демократия стремится к самоопределению наций в пределах демократических соединенных штатов Европы. Размежевание в пределах этих штатов будет происходить не по решению отдельной нации или населения отдельной области, а по общему решению всех народов и на основании принципа равноправности наций.

Если социализм достигнет этой цели, то все вопросы, касающиеся карты Европы, а следовательно, и Эльзас-Лотарингии, будут пересмотрены заново и разрешены в демократическом духе. Тогда каждый из этих вопросов будет интернационален.

Идеи, относящиеся к этому будущему, переносятся французскими социалистами без всякого критического анализа в условия настоящего времени. При этом упускают из виду, что социалисты всех стран могут вырабатывать сообща планы, как они со временем организуют Европу, но в настоящее время, когда решает война, вопрос о судьбе завоеванной области является всецело вопросом внутренней политики. Если случится то, что кажется невероятным, если победит Франция,—вопрос о том, будет ли допущена Эльзас-Лотарингия к распоряжению своими судьбами или ее аннексируют, не спрашивая о ее согласии, будет зависеть всецело от соотношения сил партий во Франции, а отнюдь не в Германии. Если же победит Германия, то для Эльзас-Лотарингии остается status quo ante, т.-е. вопрос о ней будет такой же проблемой внутренней политики, как и до войны, и при заключении мира вопрос этот вряд ли будет играть какую-нибудь роль.

А потому, хотя французы и правы и хотя они исполняют свой демократический долг, когда требуют, чтобы в случае победы Франции Эльзас-Лотарингия путем голосования решила свою судьбу, но всё же они обнаруживают недостаточное понимание проблемы, когда игнорируют условность этого требования и ожи-

дают от германских социал-демократов, чтобы те тоже усвоили его, но уже совершенно в другом смысле.

Так как во Франции в настоящее время эльзас-лотарингский вопрос понимается так же, как у нас польский, т.-е. как „освобождение“, то французские социалисты выполняют свой долг в борьбе с аннексиями, когда они на случай освобождения требуют народного голосования местного населения.

В противовес старой политической доктрине, для которой люди только цифры и которая все свои стремления направляет на то, чтобы иметь возможно больше подданных и возможно больше территории, демократия выставляет требование не допускать новых насильственных аннексий, а, в случае освобождения, предоставлять народам самим решать свою судьбу.

Решение международных вопросов согласно принципам права в настоящее время еще невозможно, и сила оружия решает, кто должен распоряжаться. При таких условиях демократия вынуждена ограничиться требованием, чтобы населению спорной области была предоставлена возможность заявить свое „вето“. Такое „вето“ разумеется не является правом, которое население в состоянии добыть собственными силами. Его может обеспечить только влияние демократических элементов в победившей стране. Руководящим принципом пролетариата в вопросе об изменении государственных границ, как и всегда, является политика мира, а политика мира, как правильно указал Самба, исходит из признания status quo. Он говорит:

Мы не признаем никакого права войны. Но верно, что, с течением времени, насилие становится совершившимся фактом, и это не зависит от наших желаний и нашего согласия.

Мы ненавидим войну и стремимся к миру. Но стремление к миру имеет смысл только при том условии, если мы признаем status quo, т.-е. совершившийся факт.

Вот чем объясняется, почему интернационалисты, противники войны, не так нелогичны, как это можно сказать.

Можно издеваться над социал-демократами, что они настолько консервативны, что кладут в основу своей внешней политики status quo. Они хотят переделать весь мир, и они достигнут этого, но только не посредством войны. По отношению к ней они действительно консервативны и согласны на изменение status quo ante лишь в тех случаях, когда это не грозит новыми военными осложнениями.

Если французские социалисты примут это в соображение, то они поймут, что германские социалисты не могут вести другой политики, кроме той, которую сами французы вели до войны. Германским социалистам надо теперь говорить не об эльзас-лотарингском вопросе. Они исполняют свой долг, если направляют все силы на борьбу против новых насильственных аннексий.

Из письма об эльзас-лотарингском вопросе.

Примечание издателя.

Предыдущая статья должна была появиться в сентябре 1915 г. в „Kampf'e", но была целиком зачеркнута цензурой. Два года спустя она была напечатана в Цюрихском „Международном обозрении" („Internationale Rundschau") 10 августа 1917 г. и в сентябрьской книжке „Kampf'a". В дополнение к статье в „Kampf'e" была напечатана еще выдержка из письма, написанного Фридрихом Адлером 17 сентября 1915 года, т.-е. через год после написания самой статьи, товарищу, призванному на военную службу.

...Тогда я хотел писать против аннексий вообще, и форма была очень убедительная. Я в этом потом удостоверился на опыте более чем 20-ти собраний, где я использовал этот материал. В то время Эльзас был вопросом второстепенным, ибо военное положение давало французам мало надежды на „освобождение". В сущности, там, где стояло: „Эльзас-Лотарингия", надо было читать: „Польша". Я пытался показать, что если уж вести освободительные войны, то нужно, по крайней мере, признавать за освобождаемыми право на самоопределение и требовать всенародного голосования среди поляков. Но есть господа, которые не в состоянии понять, как может кто-нибудь не испытывать блаженства от того, что ему разрешается стать австрийским гражданином. Словом, то же самое непонимание, что и у французов. Одинаковая „освободительная" психология с той и с другой стороны.

Год тому назад я мог ограничиться альтернативой: победа или поражение. А о третьей ужасной возможности—войне до истощения—я вообще не говорил. Между тем тут-то и начинается вся сложность вопроса, ибо он приобретает здесь практическое значение... У меня всегда было такое впечатление, что для некоторых товарищей в эльзасском вопросе играют роль правовые соображения... Но здесь я решительно иду вместе с Эрве: эльзас-лотарингский вопрос, как правовой вопрос, неразрешим. Вообще социалистическую политику нельзя вести в формах карающей юстиции. Главное—это предупредить новое преступление. Загладить (не „искупить"!) старые преступления—мысль очень хорошая, но нельзя осуществление ее ставить непременным условием мира. Иначе сразу попадаешь в фарватер сторонников войны. Я по-прежнему настаиваю на status quo ante, как исходной точке мирных переговоров. Демократический прогресс (право самоопределения и т. д.) должен указывать направление, в котором следует вести переговоры, но нельзя, ради достижения этой цели, затягивать войну хотя бы на один день. Там, где улучшение невозможно, остается status quo ante. С этой позиции меня не столкнут пустой болтовней... будто, отстаивая status quo, я восстанавливаю самый реакционный принцип Меттерниха, а именно, принцип легитимизма 1815 года. Те, кто так говорят, забывают, что,

вместо легитимизма королей, теперь мы имеем легитимизм народов, и его защита есть не реакционное дело, а демократическое, и оно является нашей подлинной задачей.

К чему надо стремиться при демократическом разрешении эльзасского вопроса, если его придется разрешать на практике, это сказать чрезвычайно трудно. Аргумент экономического врастания в Германию, который раньше казался мне столь решающим, сильно поколебался для меня вскоре после того, как я написал статью. Дело в том, что Адольф Браун, во время моего пребывания в Нюренберге, в октябре прошлого года, сообщил мне, что переговоры между союзными правительствами относительно раздела Эльзаса—между Пруссией, Баварией и Баденом (Страсбург становится имперским городом)—носят серьезный характер. Если Германия сама придает такое значение „ирредента", что для одоления ее помышляет даже о разделе, тогда тут есть о чем задуматься. Замечательно, что Адольф Мюллер и компания руками и ногами отбиваются от проекта увеличения Баварии за счет Эльзаса. Это, пожалуй, единственная аннексия, которая вызывает у них серьезные возражения: чтобы Бавария вместе с аннексией обеспечила себе вечное господство партии центра—это их все-таки не устраивает.

Таким образом вопрос, как быть с Эльзас-Лотарингией, снова встал для всех на очередь. Интернациональная идея требует, чтобы французы не настаивали на возврате Эльзас-Лотарингии, а немцы не рассматривали ее, как свою собственность. В задачи социалистов не входят ни завоевание, ни оборона Эльзаса. Это вообще чрезвычайно сложная ситуация. Ее можно сравнить со спором разведенных супругов относительно ребенка. Обе стороны могут утверждать, что ребенок—их кровь, обе могут рассказывать, сколько они сделали для ребенка и насколько ребенку будет лучше у одного и хуже у другого, и какую привязанность ребенок к ним проявлял. Такого ребенка можно увезти от одного родителя и потом снова похитить и привезти обратно. Но на чьей стороне тут „право"? У кого из родителей должен остаться ребенок? Возможен такой случай, что не найдется объективного критерия, что все аргументы окажутся равноценными, и тогда остается только один выход—спросить самого ребенка. Не потому, что его желание вытекает из глубокой мудрости, и не потому, что оно одно может иметь решающее значение, хотя это, конечно, такой фактор, с которым надо считаться. Нет, просто потому, что в таком состоянии равновесия—решение, сообразное с волей ребенка, есть единственно возможный выход. И вот такой выход из затруднительного положения я усматриваю в народном голосовании. Тот довод, что окружающие тоже заинтересованы (как, например, указывает Брентано в своей статье в „Berliner Tageblatt"), несомненно не лишен основания, хотя им и злоупотребляют в целях насильственной политики.

Французы всё еще рассматривают мир, как совокупность изолированных общин, из которых каждая обладает правом свободного заключения и расторжения договоров. Но если это когда-нибудь и было правильно, то в настоящее время общество до такой степени экономически обобществлено, что было бы примитивной наивностью настаивать на самостоятельном решении каждой группы, как на ее неотъемлемом праве. Социализм требует, чтобы высшей инстанцией признавалось человечество, а не его отдельные атомы. Но так как, к сожалению, человечество не организовано, а, наоборот, расколото войною на враждебные лагери, относящиеся друг к другу с недоверием почти патологическим, то возможно, что атом или группа станут решающей инстанцией.

Постараюсь предупредить возможное недоразумение.

Во избежание недоразумений, должен сказать, что я, конечно, считаю опрос групп (наций) основным демократическим условием, но безапелляционное решение каждой группой своей судьбы не может быть нашим принципом. В лучшем случае, это придется рассматривать, как выход из того, в конец запутанного, положения, которое создалось вследствие аннексионистской политики Бисмарка. В этом отношении Маркс действительно был провидцем. Предсказание о последствиях аннексии Эльзаса, сделанное им в адресе Интернационала 9 сентября 1870 года, оправдалось полностью: многолетняя покорность германской политики по отношению к царизму, русско-французский союз и, наконец, мировая война.

Я не отрицаю, что вся Германия и вся Франция, наконец, даже весь мир, как это показывает война, заинтересованы в судьбе Эльзаса. Но можно допустить, что если война окончится в ничью, то не останется другого исхода, как разрешить вопрос о некоторых спорных территориях посредством голосования местного населения.

Разумеется, в случае действительной победы одной стороны, вопрос встанет иначе. Тут народное голосование будет уже не средством компромисса, а формой, в которую выльется принципиальное противодействие насильственным аннексиям, то противодействие, которое обязана оказать демократия победившей стране. Я поэтому считаю и теперь правильной точку зрения моей прошлогодней статьи, что там, „где решает война, вопрос о судьбе завоеванной территории становится вопросом всецело внутренней политики“, т.-е. решение его определяется соотношением сил между демократами и аннексионистами в стране, оказавшейся победительницей. Только я теперь не думаю, что война будет решать, и полагаю, что придется „порешить с войной“, а тут народное голосование может оказаться подходящим выходом. Вопрос о том, кто будет в праве участвовать в голосовании, вызовет, конечно, и здесь споры, но с этим, при желании, можно справиться.

Я убежден, что если понадобится, то Аустерлиц в одну неделю придумает самую великолепную систему голосования. Разумеется, требования, заявляемые некоторыми французами, чтобы к голосованию было допущено прежнее население—противоречит духу социализма, ибо оно становится на точку зрения исторических прав. Но, с другой стороны, надо понять, что и у французов есть основания не соглашаться, чтобы каждый прусский жандарм, откомандированный на месяц-другой в Эльзас, и каждый берлинский коммивояжер, случайно объезжающий Эльзас, получили право голоса. Но какой-нибудь средний путь можно будет найти, если только захотят. Можно, например, установить, что всякий, кто прожил в Эльзасе 10 лет, хотя бы и не под-ряд, пользуется правом голоса. Это был бы ценз оседлости, которым могли бы воспользоваться и эмигранты, и в данном случае такой ценз был бы справедлив. Разумеется, руководить подобным голосованием может только представитель нейтральной страны. Наконец, если уже давать волю атому, то можно допустить и такую комбинацию, чтобы каждая национально-однородная часть решала за себя: французская Лотарингия особо, Эльзас особо. Тогда бы обнаружился тот курьез, что немцы в Эльзасе в силу демократической идеологии, больше франкофилы, нежели французы в Лотарингии, которая, повидимому, экономически тесно связана с Германией.

„Neue Zeit“ („Новое Время“). 3 сентября 1915 г.

На перепутьи между Кольбом и Бебелем.

Как и всегда, когда партия переживает тяжелую внутреннюю борьбу, теперь тоже иногда выражают сожаление, что у нас вообще происходят дискуссии по спорным вопросам, а некоторые даже обвиняют спорящих в посягательстве на единство партии.

Такая тревога не лишена основания,—она вытекает из существа всей нашей партийной работы, которая возможна лишь в форме совместной деятельности.

Мы достигаем успехов, как партия, лишь постольку, поскольку в состоянии выступать объединенно, но эта основная необходимость не позволяет еще упускать из виду, какие условия необходимы для возможности совместной деятельности.

Мы достигаем успехов лишь постольку, поскольку сплоченно выступаем против наших противников. Но уяснение целей и путей партии совершается только в беспрерывной внутренней борьбе. Партия—не церковь, которая всю жизнь руководит своими прихожанами, при помощи готовых, раз навсегда установленных, догма-

тов. Тысячи и миллионы умов, объединенных в партии, работают и должны работать для того, чтобы в каждой вновь возникающей ситуации снова находить наиболее полезный для партии путь. Из-за мелких организационных вопросов ведется борьба в каждом союзе. И если временно рутина и авторитет приобретают господство, это всегда—признак застоя и упадка. Внутренняя борьба—борьба за наилучший способ выполнения партийных задач—является существенной и характерной чертой социал-демократического движения.

Эта борьба может обостриться до того, что будет поставлен вопрос, допустимо ли пребывание в партии всех, кто хочет в ней числиться. Такой вопрос о размерах партии приходится обсуждать ежедневно, когда мы выносим постановления о принятии в партию новых членов. Более резкую форму принимает он в тех случаях, когда мы должны лишить члена партии права принадлежать к ней и в будущем. И, наконец, вопрос этот становится опасным для партии, когда разногласия отдельных групп уже столь значительны, что совместная работа представляется невозможной. Партия не есть нечто раз навсегда готовое, застывшее. Она является союзом, в который постоянно входят новые члены и где с некоторыми приходится иногда расставаться, так как объединение целесообразно лишь постольку, поскольку выполняется задача партии. Умаление размера партии бывает тяжким ущербом, и оно допустимо только в случае крайней необходимости, когда опасность угрожает выполнению задач партии.

Таким образом, мы видим, что два существенных интереса партии могут быть и часто бывают между собою в конфликте: интерес сохранения партийной организации и интерес сохранения характерных свойств партии. Когда всё внимание уделяется только одному из них, а другой игнорируется, то последствия могут получиться самые печальные.

С полным основанием постоянно указывают в настоящее время, как вредно будет для партии нарушение партийного единства. Но нельзя злоупотреблять этим аргументом и совершенно игнорировать вопрос о внутреннем содержании партии. Наоборот, именно в настоящее время необходимо особенно с этим считаться. Август Бебель всегда нас учил, что недостаточно привлечь к партии значительное число членов. И в самой резкой форме он много раз публично заявлял, что предпочитает партию менее многочисленную, лишь бы рост ее не совершался за счет принципов. Бебель по гроб своей жизни был глубоко убежден, что сохранение характерных свойств социал-демократии должно быть руководящим принципом всего нашего движения.

Часто пытаются вообще отрицать за партией право на обладание характерными свойствами. Говорят: мы уже не секта, а

партия. Эта часто повторяющаяся аргументация не выдерживает критики, ибо сущность различия между сектой и партией заключается в качестве их членов. В секте каждый член всецело проникнут принципами и задачами, изложенными в программе. Чем больше становится партия, тем больше полусоциалистов и социалистов в дробях разных степеней оказываются в ее рядах. Один несогласен с этой частью программы, другой—с другой. Это вполне естественно по мере того, как движение растет вширь. Но отсюда еще не следует, что партия должна считаться с этими элементами и может отказаться от какой-нибудь части своей программы. Наоборот: тем, что эти люди, не будучи вполне солидарны с партией, вступили в ее ряды, они показали, что часть программы, которую они одобряют, настолько для них важна, что они согласны примириться с осуществлением другой части. А следовательно, эти члены ни в каком случае не могут возражать против того, что партия, подобно секте, имеет определенные характерные свойства. Даже самая большая партия действует для осуществления всей своей программы, одобренной большинством членов. Разница только в том, что не все „члены партии обладают свойствами полных социалистов, или, если угодно, сектантов".

В Германии и Австрии всегда гордились тем, что сочетали оба принципа: с одной стороны, организационное объединение возможно большей части рабочего класса, а с другой стороны, социалистическую определенность целей. Достигалось это разделением движения на две части: профессиональную и политическую. Профессиональное движение всегда вполне сознательно стремилось организовать возможно большие части рабочего класса, не считаясь с тем, насколько они усвоили идеи социализма. За то в политической партии придавали значение возможно более отчетливому выявлению социалистических свойств. Партия, разумеется, отстаивала все современные интересы рабочего класса и в политической области, но за всем этим она никогда не забывала, что настоящей ее целью является полное устранение капиталистического строя.

Бессовестные члены партии уже много лет пытаются устранить это основное свойство германской социал-демократии. Ее хотят превратить в „трудовую партию" (Labour party) по английскому образцу. Хотят, чтобы она отказалась от своей великой исторической задачи, от социалистических конечных целей и ограничилась в области политики защитой ближайших современных интересов рабочего класса. Она должна выполнять в парламенте ту же работу, что делают профессиональные союзы по отношению к предпринимателям в отдельных отраслях труда, — и не больше. Брошюра Кольба „Социал-демократия на распутьи" имеет ту заслугу, что с логической ясностью указывает этот путь, который он настойчиво

рекомендует уже больше, чем в течение 15 лет. Еще на Нюренберг-ском партейтаге в 1908 году Бебель сказал по адресу Кольба: если дело заходит так далеко, как в Бадене, где говорят, что вся партийная тактика полна невозможных противоречий, то я скажу, что те, кто требует от нас резкого изменения тактики, перестают быть социал-демократами, а партия, которая одобрит их предложение, перестает быть социал-демократической и должна называться социал-реформерской рабочей партией.

Слова Бебеля имеют в настоящее время бо́льшее практическое значение, чем когда-либо. То, что раньше было у Кольба игрой теоретической мысли, то стало теперь практической опасностью. В противовес этому необходимо ясно усвоить, что признание основной идеи Кольба есть отказ от социал-демократии в ее прежнем значении. Кольб желает, чтобы партия носила другой характер. Это, разумеется, возможно только посредством раскола в партии—и Кольб это прекрасно понимает. Старые основные положения социал демократии так крепко держатся, по крайней мере среди части товарищей, что не может быть и речи о том, чтобы они согласились перейти в германскую „трудовую партию“. Правда, Кольб полагает, что старые социал-демократические принципы имеются только у нескольких „беспочвенных академиков“, у „далеких от мира действительности теоретиков и литераторов“, словом у людей, которых принято награждать разными приятными эпитетами. Но, как бы то ни было, будет ли число отщепенцев значительно или незначительно, во всяком случае, Кольб вполне ясно понимает, что партийный раскол неминуем, если его „социалистическо-демократическая партия реформ“ станет действительностью.

Движение, которое ценит свои характерные черты, и на них строит солидарность действий, вынуждено резко очертить свои границы. И сколько бы мы ни возражали против желания Кольба лишить социал-демократию тех свойств, которые были в ней представлены Августом Бебелем, мы все-таки должны признать, что он вполне готов сделать все выводы, чтобы опустить социал-демократию до уровня „трудовой партии“.

Для Кольба главное,—и в этом мы с ним вполне согласны,—характерные свойства движения. Он готов отказаться от членов партии, если это нужно для того, чтобы придать движению единство. Мы, со своей стороны, понимаем необходимость таких тяжких жертв, когда это нужно для сохранения характерных свойств движения. И, наконец, Кольб не так уж не прав, когда он думает, что для создания новой партии нужно прежде всего освободиться от „беспочвенных, академических элементов“. Те, кого Кольб имеет в виду, действительно не годятся для „трудовой партии“. На этом не мешает остановиться. Начиная с Маркса и Лассаля в партии у

нас всегда были люди, которые были настолько „беспочвенны“, что входили в движение, так сказать с крыши,— не в силу экономических интересов, а во имя идеалов. Для этих людей умаление целей социализма ставит немедленно вопрос, могут ли они оставаться в движении. Ибо, если рабочий возвышается до социалистических идеалов, стоя на почве своих непосредственных экономических интересов, охраняемых его организацией, то интеллигент опирается только на идейную „надстройку“. И потому уже 4 августа, которое Кольб называет поворотным пунктом для германской социал-демократии, поставило вопрос, можем ли мы впредь оставаться социалистами в прежнем смысле этого слова. Для „беспочвенных“ людей этот день явился буквально угрозой их умственному и моральному существованию, как социалистов. И не удивительно, если именно среди них возбуждение достигло наибольшей степени. Эти „беспочвенные интеллигенты“—в партии еще есть и другие, для которых экономические корни являются решающими, но о них здесь говорить не стоит—эти беспочвенные интеллигенты являются в партии как бы манометром ее социалистических устремлений. Организованный в партии пролетариат, если применить то же образное выражение, занимает по отношению к таким интеллигентам положение, которое машина занимает по отношению к своему манометру. Глуп тот, кто думает, что машина существует ради манометра, а не наоборот. Но не менее глуп тот, кто полагает, что можно, не обращая внимания на манометр, не считаться с его показаниями и что вообще следует удалить его. Партия, конечно, может сейчас без большого для себя вреда отказаться от услуг нескольких десятков „беспочвенных людей“. Но если тем самым она откажется от того, что привлекло к ней эти элементы, если она перестанет обладать для них притягательною силою, то это будет признаком того, что *движение в целом утратило свои идеалы*, отказалось от самого себя.

„Трудовой партии“, о которой мечтает Кольб, нечего бояться этих „беспочвенных людей“. Она никогда не будет обладать для них той притягательной силой, которой обладала социал-демократия. Кольбовская „трудовая партия“ и не нуждается в этом: она так хорошо будет принята повсюду, что всегда найдет достаточно интеллигентных сил из буржуазии для выполнения бюрократических и литературных работ.

Но дело не в нескольких „беспочвенных людях“. К счастью — и это с каждым днем обнаруживается всё яснее — вопрос о том, остаться ли германским рабочим социал-демократами в прежнем смысле, живейшим образом интересует *массы*. И всё яснее становится, что главным образом только часть вожаков утратила понимание великих задач социализма, тогда как значительное большинство отнюдь не склонно удовольствоваться „трудовой пар-

тией", а исполнено решимости выше всего ставить социалистические цели.

Впрочем, мы бы недооценили Кольба, предполагая, что он намерен остановиться на „трудовой партии". Для него она только первый шаг для выхода на волю и для полного развития нозой политики. По его мнению, социал-демократия должна выйти за пределы простой рабочей партии и стать народной партией в лучшем смысле этого слова (стр. 24). Тогда пролетарские классовые интересы будут поглощены „общими народными интересами". Это несомненно самая выгодная позиция для партии, которая ставит себе задачей поймать возможно больше избирателей, а не воспитать возможно больше социал-демократов. Кольб видит основную задачу социал-демократии в „преодолении революционной идеологии" (стр. 18). Он достигнет своей цели, когда передовые борцы социал-демократии превратятся в политиканствующих деятелей рабочего класса.

Конфликт не нов. Обе тенденции всегда были на-лицо. Так, например, уже в 1882 году Бебель писал Ауэру:

Я, признаться, тоже того мнения, что если есть какая-нибудь возможность, то следует попытаться устроить в этом году более многочисленный съезд. Не для того, чтоб предупредить раскол, ибо он всё равно наступит, при дальнейшем ходе вещей. Для меня не подлежит сомнению, что часть наших вождей уже давно устала от борьбы, что часть эта еще раньше против своей воли была заведена дальше, нежели она была склонна идти по своей натуре и в силу своих воззрений. Теперь они только внешне связаны с нами, либо потому, что они сами не уясняют себе разницы во взглядах, или потому, что считают, что не могут рассчитывать на сочувствие масс и рискуют лишиться нынешнего своего положения. Разногласия заключаются не в том, наступит ли через 5 лет революция или нет. Об этом можно спорить, но это не повод для раскола и было, по крайней мере, величайшей нелепостью считать это таким поводом. Разногласия заключаются в общем понимании движения, как движения классового, которое преследует и должно преследовать великие цели, направленные на преобразование мира, а потому не может вступить в компромисс с господствующим обществом. Если оно это сделает, оно просто погибнет или же возродится в новом виде, освободившись от своих нынешних вождей.

Полемизировать против отдельных положений Кольба мне представляется совершенно излишним. Здесь спор идет не о частностях, и надо быть благодарным Кольбу, потому что брошюра его, как уже указал Гильфердинг, действительно является чрезвычайно полезной надписью, указывающей дорогу на распутье. Нам предстоит выбирать между Кольбом и Бебелем, между „партией реформы" и социал-демократией. Третьего пути не дано...

* * *

С такими людьми, как Кольб, которые вполне сознательно хотят построить партию на новом основании, не трудно договориться до конца. Значительно труднее полемика с теми товарищами, которые утверждают, что они стоят на прежней позиции и, несмотря на это, за время войны, приходят к совершенно иным выводам, нежели те, которые раньше казались допустимыми в партии. Как трудно дается социалистическая ясность, сколько умственного труда надо потратить для того, чтобы уловить существо дела, в этом мы убеждаемся, когда следим за дискуссиями тех товарищей, которые с гордостью считают себя сторонниками марксистского метода. Самодовольное невежество, быть может, с усмешкой скажет: и чего хотят от нас эти теоретики, которые сами не могут столковаться. А доброжелательно настроенные практические деятели, быть может, подадут благой совет: пусть теоретики помирятся. Но наука никогда не претендовала на то, чтобы хранить в киотах чистую истину в виде готовых догматов. Для нее именно характерно, что она может добиться ясности только посредством упорной борьбы, а потому разногласия в лагере марксистов, порою столь же резкие, как разногласия с тенденциями других, враждебных нам, партий, чрезвычайно поучительны для каждого, кто хочет глубже заняться этим вопросом.

Резкое разногласие во всех выводах относительно ближайшей тактики партии, существующее между Генрихом Куновым и Карлом Реннером, с одной стороны, и Карлом Каутским и его ближайшими учениками, с другой, показывает, какую работу нужно еще сделать в области научной дискуссии для того, чтобы всесторонне выяснить спорные вопросы. Здесь мы отметим только возражения, вызываемые выводами, к которым пришел в результате своих работ Карл Реннер. Мы хотим этим показать, как серьезно следует продумывать проблемы для того, чтобы действительно уяснить себе задачи нашей партии.

Опираясь на работы Бауэра и Гильфердинга, Реннер в своих статьях блестяще показал, какие силы вызвали эту войну. Он изобразил, как империалистические тенденции в крупных европейских государствах бешеным темпом взвинтили опасность войны. И как, с другой стороны, пробуждение неисторических национальностей всё настойчивее требовало преобразования государственного строя на Востоке. Как стремление к национальному государству становится всё упорнее на Востоке, в то время как на Западе ход развития выходит уже за пределы такого государства. И анализируя силы, вызвавшие войну, Реннер показывает в последней статье, что длительный мир осуществим только посредством создания соединенных штатов Европы, посредством установления правового строя, обязательного для всех. В исходной точке, от которой отправляется Реннер, и в конечной цели, к которой он при-

ходит, мы с ним вполне согласны. Но в промежутке зияет противоречие, касающееся всего, что надо делать сегодня, и это противоречие надо разрешить, ибо только теоретическое уяснение может сказать нам, что мы должны считать своей партийной задачей.

Разногласие в последнем счете возникло вследствие того, что Реннер очень силен в применении марксистского научного метода, но в настоящее время для него гораздо важнее другие вопросы, чем применение марксистского метода на практике. Захваченный перспективами войны, он недооценивает историческую роль классовой борьбы пролетариата. Мы, разумеется, не собираемся отрицать, что Реннер в своих статьях, при каждом удобном случае, раскланивается перед задачами и методами рабочего класса. Но если мы хотим ясно дать себе отчет, откуда берутся его взгляды, то мы должны констатировать, что он рассматривает все проблемы вне связи со всемирной исторической ролью пролетариата. Он аргументирует так, как будто бы для рабочего класса существуют лишь возможности в пределах, доступных для какой-нибудь „трудовой партии“, и совершенно игнорирует тот путь истории, на необходимость которого обычно указывал до сих пор марксизм.

Реннер прежде всего австриец. Он не принадлежит к числу тех людей, которые, „возвышаясь над узкими интересами своей страны, служат исключительно общим интересам, как в свое время Маркс и Энгельс“. Мы нарочно берем эту характеристику, которую Реннер применил к вождям последнего Интернационала, потому что она как нельзя лучше приложима к нему самому. И если мы попытаемся выяснить источник разногласий между марксистами, то мы должны будем констатировать, что Каутский и его ученики всячески стараются работать в том же духе, „как в свое время Маркс и Энгельс“.

Австрийская проблема была предметом главного внимания в теоретических работах Реннера. Мы принадлежим к числу искренних поклонников его трудов и понимаем, как важно, что система национальной автономии не только дает разрешение проблем для государства, которое в процессе исторического развития сохранило разноязычное население, но что она приобретет еще большее значение, когда национальные государства будут объединяться в мировую организацию. Но сколько бы мы ни ценили теоретические заслуги Реннера, мы всё-таки не можем сделать эту точку зрения единственной, а должны считаться с общим комплексом задач и методов пролетариата.

В чем мы расходимся с Реннером, отчетливо показывает заключительная часть его последней статьи. Он говорит:

> Итак, к Интернационалу ведут два пути: путь завоевания и подчинения и путь соглашения и федерации.

Таким образом здесь стоят друг против друга два мировоззрения, две политических системы. В теории они непримиримы. Но то, что человеческий интерес и человеческое мышление разлагает во враждебные понятия, то объединяется в историческом процессе. Исторический акт всегда един, как бы различны ни были вызвавшие его мотивы. Если война стала реальным фактом и миллионы людей наступают в одном направлении, то пускай одни воюют из честолюбия или ради мести, другие с сознательной целью что-нибудь завоевать: империалисты, чтобы установить мировое господство своей нации; социалисты, чтобы приблизиться к союзу свободных народов—всё равно, все эти люди стоят на одном фронте. Но каждый будет стремиться к тому, чтобы наложить на общие действия отпечаток своей воли и направить события к своей цели. А потому для грядущего развития более чем вероятно, что мировой Интернационал будет осуществлен на половину насилием, а на половину соглашением.

Путь соглашения это наш путь. Там, где мы имеем свободу решать по нашему закону, мы должны идти этим путем и только этим. Но пока еще сила в руках других людей, и они предписывают свой закон истории, а в том числе и нам! А закон этот, как выражается Толстой, есть „закон насилия, а не закон любви". Не мы избираем такой путь. Но мы должны признать, что и он является путем истории, хотя он и окроплен кровью и слезами. А так как пролетариат не может уклониться от истории, то ему приходится идти этим путем с грустным сердцем, но с ясным умом, чтобы не упустить перекрестка, где начнется его собственный путь.

Реннер торжественно нас уверяет, что „война есть путь истории". В этом никто никогда не сомневался, в том числе и мы—марксисты. Далее он совершенно правильно указывает, что если бы у пролетариата была власть в руках, то он стал бы разрешать государственные проблемы путем соглашения. И, назвав этот путь нашим путем и даже „законом нашего бытия", он, затем, просто уклоняется от разрешения главной проблемы. Ибо она заключается не в том, как мы поступим, когда получим власть, а в том, как следует нам поступать, чтобы получить эту власть. И вот относительно пути к власти нельзя говорить, что „закон нашего бытия" есть соглашение. Ибо он—борьба во всех видах и всеми средствами. Противоречие заключается не между „законом насилия" и между „законом любви", ибо, для выполнения своей исторической задачи, пролетариат не может пренебрегать ни одним из этих путей. Если Реннер выясняет значение войны, как исторического явления, в противовес наивному пацифизму, то этим он еще не опроверг те воззрения, которые были характерны для марксизма, по крайней мере, до сих пор. Ибо не то существенно, что путь войны „окроплен кровью и слезами", а то, что у Реннера совершенно затушевывается, что наш путь, т.-е. путь истории, есть путь классовой борьбы. Альтернатива заключается не в выборе между насилием и соглашением. Действительной проблемой для пролетариата является, как согласовать его позицию в войне с позицией в классовой борьбе. И когда Реннер говорит нам: „Два пути ве-

дут к Интернационалу (он имеет в виду соединенные штаты Европы)—путь завоевания и подчинения и путь соглашения и федерации", то мы должны ему сказать, что ни один из этих путей не годится для пролетариата в настоящее время. Ибо один из них есть путь будущего и откроется после победы пролетариата, а другой есть путь господствующих классов. Путь рабочего класса—единственный путь, по которому он может идти в настоящее время—это путь классовой борьбы во всех видах и всеми средствами.

Война народов есть путь истории, но мы не должны забывать, что „история всех обществ была до сих пор историей классовой борьбы". И если мы не будем забывать этого, то и во время войны мы будем ориентироваться сообразно фронтам классовой борьбы и отвергать те учения, которые почерпают надежду из того факта, что „все находятся на одном фронте", все, т.-е. и националисты, и империалисты, и... социалисты. Хватаешься за голову, но ничего не поделаешь. То, что мы с сожалением констатировали у Вальяна и Эрве, как самое скверное проявление психоза войны, то мы находим теперь у нашего друга Реннера: социалисты, по его мнению, находятся на фронте с целью „приблизиться к союзу свободных народов".

Если теперь когда-нибудь фабрикант захочет отечески поговорить со своими рабочими, то, по аналогии со словами Реннера, он может сказать: „Ведь все мы работаем в одном и том же деле". Но рабочие высмеют его, потому что они знают, что продукт труда, который добывается ими на фабрике, следует отличать от того, который они надеются добыть своим трудом посредством классовой борьбы. Точно также всякий поймет, что военная работа на фронте, хотя и делается всеми классами общества, но успех ее ведет только к одной цели. Военная работа тоже не может одновременно служить Богу и Мамоне. А потому, когда Реннер говорит о работе на военном фронте, что там социалисты и империалисты будут „каждый стремиться к тому, чтобы наложить на действия печать своей воли и направить события в сторону своих целей"—то это иллюзия. Работа на фронте может совершаться только общими усилиями, и пролетариат должен ее делать, сохраняя сознание, что он не является руководящим, господствующим классом в государстве.

Как уже однажды указывалось [1]), Реннер знает только Интернационал будущего, но не Интернационал настоящего, только Интернационал, как цель, но не как метод. Но в своей статье об условиях и задачах интернациональной деятельности он указывает момент, когда Интернационал фактически станет активной си-

[1]) См. выше статью „Активный Интернационал".

лой во внешней политике и в вопросах войны. Это тот момент, „когда социал-демократические партии всех больших стран войдут в состав их правительств“. Можно ли сомневаться, что Маркс и Энгельс именно так понимали условия интернациональной деятельности [1]).

Реннер в своих работах проделывает последовательно и логично интересный идеологический эксперимент. Каков будет мир, чего следует ожидать, чем надо заниматься, если исключить возможность внушительного вмешательства рабочего класса в исторический процесс. Реннер делает детальнейшие практические выводы из этой теоретической предпосылки, которая разумеется во всех вопросах, точно так же, как и в вопросах о целях войны и окончании войны, находится в противоречии тому, что всегда признавалось и признается содержанием социалистической политики. Об этом еще придется поговорить подробнее.

Мы, конечно, не сомневаемся, что, когда Реннер выйдет из волшебного круга военных перспектив, он снова сумеет нарисовать нам со всей пластичностью, которая отличает его конструкции, картину мира, где не будет места абстракции, служащей ныне основой для его идеологического эксперимента, и где пролетариат предстанет пред нами снова в своем мировом величии, в своей всемирно-исторической роли.

Но в настоящее время Реннер принадлежит к числу тех, которые считаются с плодами войны, а не с ее последствиями. Это сказывается и в том толковании, которое он придает словам Отто Бауэра, что „война есть орудие исторического прогресса [2])“. Ибо исторический прогресс заключается не в тех успехах, которые нам принесет война, а в тех возможностях борьбы, которые она откроет перед пролетариатом. Реннер надеется, что непосредственным последствием войны будет шаг к лучшей организации мира, Кольб рассчитывает на успехи во внутренней политике, на то, что благодарность господствующих классов выразится в виде „политической весны“ в Германии. Марксисты были до сих пор убеждены, что историческое величие войны будет иметь последствием подъем на ту же степень величия борьбы пролетариата за свое освобождение. Марксисты никогда не пытались „уклониться от истории“, но они всегда старались делать историю так, как этого требует метод пролетариата.

---

[1]) „Kampf“ 1915 г., кн. 6.

[2]) Что Бауэр понимает эти слова совершенно иначе, чем они истолкованы, это с несомненностью вытекает из всех его работ. Он неоднократно очень отчетливо формулировал свои взгляды, как, например, в заключительных строках статьи „Социал-демократия и империализм“ в т. IV Kampf'a“, стр. 251.

„Neue Zeit“ („Новое Время“). 19 ноября 1915 г.

Политическое ремесло или всемирно-историческое движение.

Господин Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге: „Мы, немцы, отучились быть сантиментальными“. В какой мере он прав, видно из того, что новая ориентация душевных настроений коснулась даже товарища Гениша, который торжественно отрекается от сантиментальности и всячески предает анафеме „сантиментальную ориентацию нашей политики [1])“. Для него грустно и смешно... что „наши самые патентованные марксисты на сей раз оказались в лагере сантиментальных идеологов“. „То, что теперь, во время войны, часто выдается за социалистическое миросозерцание“, по его мнению, является „возвращением к чисто идеологическому сантиментальному мировоззрению, ничего общего не имеющему с марксистской теорией“. Высказывая такое мнение, Гениш становится на ту же позицию, что и Кольб, который тоже спрашивает: „Как можно с точки зрения историко-экономического миропонимания отстаивать по отношению к такому грандиозному историческому событию, как эта мировая война, такую безумную идеологию, какую преподносят нам марксисты [2])?“

Война открыла столь неожиданные перспективы, что не приходится удивляться, если Кольб выступает вместе с Генишем в качестве защитников марксизма против „сантиментальной идеологии безумных марксистов“. С Кольбом спорить приятно. Он открыто говорит о том, что другие только собираются сделать. Он обладает всеми преимуществами подлинного enfant terrible оппортунизма, а потому, не стесняясь, признает: „Бебель при оценке спорных вопросов исходил из тех же ошибочных предпосылок, на которые опираются и марксисты“.

Гениш значительно менее откровенен. Это и понятно, ибо в то время, как для Кольба „великое и решающее значение вотирования военных кредитов на войну заключается в том, что тем самым порвали с „принципами“ непримиримости и отрицания современного государства, искажавшими политику социал-демократии“, Гениш находится в положении гораздо более затруднительном, так как ему необходимо изображать нынешнюю политику, как последовательное продолжение прежней радикальной политики. Понятно, что при этом дело не обходится без некоторых логических

[1]) См. статью Гениша в „Hamburger Echo“ от 18 сентября 1915 г. „Политика интересов и политика мировоззрения“.

[2]) „Neue Zeit“ 1915/16 г., № 2. статья В. Кольба: „Секта или партия“.

прыжков, и мы будем уже настолько сантиментальны, что простим Генишу, если он в своем затруднительном положении передергивает цитаты. Правда, при этом он проявляет полное отсутствие сантиментальности. Он решается, например, утверждать:

И вот Адлер решительно и ясно ставит вопрос: либо партия социалистических идеалов, либо представительство интересов рабочего класса. Это и есть „распутье", — распутье „между Кольбом и Бебелем".

Каждый, кто прочтет мою статью в „Neue Zeit" [1]), увидит, что такого вопроса я там „решительно и ясно" не ставил и вообще не говорил ничего подобного.

В статье моей напрасно было бы искать противопоставления „партии социалистических идеалов" — „представительству интересов рабочего класса". Я только старался психологически объяснить разницу между интеллигентом, которого влекут к партии социалистические идеалы, и рабочим, который часто только в рядах партии „дорастает до социалистических идеалов". Но так как этот психологический анализ не дает поводов для полемики Генишу, то он, конечно, не стесняется „переделать" психологическое исследование — в программное.

Не о партии, которая имеет социалистические идеалы и в то же время не является представительницей интересов рабочих, говорил только Гениш, а не я, а потому можно спокойно предоставить ему удовольствие одерживать победу над выдуманным им чучелом и убедительно нам доказывать, что такая партия страдала бы внутренним противоречием.

Неужели необходимо постоянно повторять одни и те же аргументы? Неужели Гениш не понимает, что может существовать противоречие между интересами рабочего класса в настоящем и в будущем? В виду его искажений я ограничусь тем, что приведу здесь написанное мною уже однажды по этому вопросу [2]):

Социал-демократия управляет делами пролетариата. Все заботы повседневного существования рабочих являются ее заботами. Она действует на пользу каждого в отдельности так же, как и на пользу всего класса, работает для настоящего так же, как и для будущего. Тем, что социал-демократия делает пролетариат духовно и физически способным к борьбе, она подготовляет завоевание им политической власти. Идеал будущего опирается на интересы настоящего. Но хотя в общем это и верно, однако, может наступить такой случай, когда обе тенденции окажутся в противоречии друг к другу и когда социал-демократия должна будет выбирать между настоящим и будущим, между интересами одной группы и интересами целого. Тогда она должна будет решать, следует ли ей покупать улучшение временных условий жизни за счет конечных целей. Каждый рабочий в отдельности

[1]) См. выше.
[2]) См. выше, статью „Социал-демократия в Германии и война".

может быть поставлен перед этой альтернативой. Много тысяч раз капитализм заставлял рабочих делать выбор между хлебом и своими убеждениями. Германская социал-демократия стала могущественной и сильной, потому что никогда не колебалась в таких случаях. Она и каждый из ее деятелей, который был ее достоин, готовы были пожертвовать для пролетариата всем, но только не своими идеалами. Этот конфликт затрагивает самые сокровенные жизненные интересы, но пролетариат может победить, только разрешив этот конфликт, как он всегда его разрешал, оставаясь верным своим социалистическим убеждениям.

Все старания Гениша направлены на то, чтобы проскользнуть мимо проблемы. Кольб же, наоборот, старается определенно ставить свои вопросы, и это делает его писания столь поучительными и отрадными. Кольб постоянно возвращается к различию между сектой и партией и в последней своей статье снова заявляет: „Акт 4-го августа был последним решительным шагом социал-демократии на пути ее развития от секты к партии".

В первой моей статье, направленной против Кольба, я пытался указать, что различие между понятиями секты и партии зависит от качества партийных членов, а не от того, о чем говорит Кольб. Но если Кольб применяет неправильные термины, то однако он несомненно имеет в виду реальное противоречие, и мы попытаемся выяснить, в чем оно заключается.

Кольбу не нравятся в секте те ее атрибуты, которые вытекают из (правильного или неправильного—это другой вопрос) сознания всемирной исторической миссии. Вследствие этого, секта считает свое существование и свою задачу важнее всего на свете. Это может также наблюдаться и у партий. Например, социал-демократия до сих пор—при всем своем росте—всегда сохраняла сознание своей великой миссии и следовательно была, с точки зрения Кольба,—сектой. Кольб же предпочитает партию в буржуазном смысле. Попросту говоря, он желает низвести социал-демократию до уровня буржуазной партии.

Мы не хотели бы быть неправильно понятыми. Мы были и остаемся сторонниками парламентского метода. Мы считаем его необходимым орудием в борьбе за эмансипацию пролетариата. Мы стоим за парламентскую работу и за всякую мелкую работу, которая способствует нашему движению. Но мы всегда считали себя неизмеримо выше тех буржуазных политиков, которым парламентская кутерьма заполняла всю жизнь и служила удовлетворением их честолюбия. Мы пренебрежительно смотрели на ту бюрократию, которая считала свое ремесло самоцелью. Но, несмотря на это, мы были готовы делать всякую бюрократическую работу . . . . . .

. . . . . .

потому, что мы сознавали, что всё, что делаем, делается для великой цели, для всемирно-исторического движения, равного которому мы не знаем.

Кольб думает иначе. Он хорошо себя чувствует в парламентском лягушечьем пруду. Буржуазные партии для него *такие же партии*, какой он хотел бы видеть социал-демократию. Разумеется, и у него есть свои „великие цели“. Он утверждает даже, что это те самые цели, которые изложены в социал-демократической программе. Но разве национал-либералы тоже не имели всегда великие цели? Разве они и теперь еще не сторонники всего „прекрасного, истинного и доброго“?

Всё дело в различии темпераментов. Кольб с таким же спокойствием, как и национал-либералы, относится к тому, что его цели будут осуществлены в бескопечно далеком будущем. Для него достаточно, что когда-нибудь всё это наступит, и он доволен собой и окружающим миром. Иначе обстоит дело для тех, кто конечную цель считал не только эффектным заключением для речей, а кто всю свою работу подчинял этому принципу. Возможно, что Кольб прав и что история докажет, что рабочему классу не нужны революционные головы и что он сумеет достичь лишь того, что достижимо посредством обыденной работы парламентского бюрократического аппарата, но если так, то нам надо признать, что социал-демократия перестала быть всемирным историческим движением. Ибо альтернатива гласит не „секта или партия“, а—*„всемирно-историческое движение или политическое ремесло“*.

Решающим вопросом является, в конечном счете, вопрос осуществления, где главная задача социал-демократии—*впереди* ждет еще своего осуществления или уже позади и *выполнена*. Для Кольба великий поворот заключается в том, что рабочий класс *стал классом буржуазного общества*. Не будем разбирать здесь, насколько это верно. Нам важно, что он ничего другого не желает, кроме как устроиться по-домашнему в этом буржуазном обществе и быть в хороших отношениях со всеми прочими факторами власти. Как далеко он идет, видно из его открытого признания: „Монархия в политике не может игнорировать массы, а массы не могут игнорировать монархию“.

Для социал-демократии, в которой живы были идеи Маркса, дело обстояло иначе. Для нее задача была впереди, и завоевание права гражданства в современном обществе являлось для нее не целью, а лишь средством. Рабочий класс не должен был искать себе отечества в буржуазном обществе. Он должен был его разрушить.

Может быть, это невозможно. Может быть, нам придется надолго считаться с существованием капиталистического общества. Вот проблема, пред которой мы стоим, и полезно будет пристально к ней присмотреться вместо того, чтобы бесшумно прокрадываться мимо нее, как это предпочитают делать Гениш и Ленч.

Двадцатипятилетний Маркс в том классическом сочинении, в котором впервые он осознал значение мировой миссии пролетариата

и в котором набросал основные контуры работы всей своей жизни, ставит вопрос:

Где же положительная возможность освобождения Германии.

И отвечает:

В создании класса, закованного в крепкие цепи, класса буржуазного общества, который в то же время не является классом буржуазного общества, сословия, которое растворит в себе все сословия, круга людей, который обладает универсальными свойствами благодаря своим универсальным страданиям, и не претендует ни на какие специальные права, потому что страдает не от специального бесправия, а от бесправия вообще, который может претендовать не на исторический, а только на человеческий титул, который не находится в одностороннем противоречии к результатам германской государственности, а во всестороннем противоречии к его предпосылкам. Этот круг людей не может освободиться, не освобождаясь от всех остальных кругов общества, чем он в то же время освобождает их самих,—словом, это тот круг людей, где человеческая личность совершенно задавлена и который может воспрянуть только благодаря полному возрождению человека. Это состояние разложения общества, выраженное в отдельном сословии, является пролетариатом [1]).

И если теперь, 70 лет спустя, мы снова спросим: где же лежит положительная возможность освобождения Германии, то Кольб нам ответит, что „класса, закованного в крепкие цепи“, более не существует, что пролетариат „стал классом буржуазного общества, что он уже не находится во всестороннем противоречии к предпосылкам германской государственности, он лишился своего универсального характера и может преуспевать, не освобождаясь от прочих кругов общества“ и не „освобождая тем самым их самих“.

И логический ответ на вопрос Маркса в настоящее время гласил бы: „Нет возможности для освобождения Германии“.

Это, правда, мало тревожит Кольба. Он доволен той Германией, которая существует. К нему применимы слова Маркса, что он „преодолел рабство, основанное на традиции, потому что заменил его рабством, основанном на убеждении“.

Мы не можем здесь исследовать, какие силы всё снова и снова поддерживают в пролетариате сознание его задачи. Мы признаем, что политика, которая ведется социал-демократией в настоящее время, ведется в духе Кольба, а не в духе всемирно-исторической борьбы рабочего класса за эмансипацию. Но мы не стыдимся признаться, что мы, действительно, настроены так „сантиментально“ и „сумасбродно“, что для нас партия—не ремесло, что она ценна для нас благодаря своей работе, направленной на осуществление той идеологии, которая с необходимостью вырастает в рабочем классе на почве жестоких фактов капиталистической системы. „Не ради-

[1]) *Карл Маркс*, „К критике гегелевской философии права“, „Literarischer Nachlass“, т. I, стр. 384.

кальная революция является утопической мечтой для Германии, не всеобщее освобождение человечества, а, наоборот, частичное, только политическое освобождение". Еще утопичнее мысль одолеть классовые противоречия посредством мелких политических уловок и приспособления к существующей системе.

„Kampf" („Борьба"). Январь 1916 г.

Грехи меньшинства или грехи большинства.

В первые месяцы войны буржуазия была опьянена ощущением внутреннего подъема. Она испытала новое, незнакомое ей дотоле чувство, она постигла смысл и радость подчинения отдельной личности общему интересу, она сильно и мощно переживала в чувствах и мыслях сознание солидарности.

В нормальное время у буржуа круг, по отношению к которому он чувствует, испытывает чувство солидарности, чрезвычайно ограничен. Обычно круг этот не идет дальше семьи, а очень часто солидарность вообще отсутствует, и свое „я" ставится выше всего. Сначала надо позаботиться о себе, потом идет семья, затем друзья и, наконец, община, государство, а по большим праздникам даже и человечество. Подлинной сущностью этого несоциально настроенного мышления является то, что в первую очередь устремление направляется в сторону достижимого, в наиболее узком кругу. Считается совершенно естественным, что всё, что лежит за пределами этого круга, должно довольствоваться тем, что останется.

Вполне понятен подъем, который испытывается при перемене точки зрения, при переходе к социальному мышлению. Внезапно центром оказывается не собственная личность, или семья, а на первый план выдвигается вопрос о потребностях широкого общественного союза. Способ мышления получается совершенно обратный прежнему. Мысль и забота идут не от личности к целому, а, наоборот, от целого к личности. В рамках солидарной общественности, ступень за ступенью, умещаются более мелкие круги в тех условиях, которые им предоставлены более широкими кругами. Целому принадлежит уже не то, что остается, а, наоборот, каждая часть получает то, что ей может предоставить целое. Частичный интерес подчиняется общему интересу.

На практике мышление обыкновенно пробегает путь между обществом и личностью в обоих направлениях, туда и назад, прежде, чем приходит к окончательному результату. Процесс мышления по природе своей диалектичен, но логическая схема, которую мы вскрыли, для того, чтобы выяснить существо солидарности, всё-таки ясно показывает, что, в противоположность эгоцентрическому мышле-

нию, мышление социальное считается главным образом всегда с большим кругом, а не с его центром.

Солидарный общественный союз значительно больше, нежели сумма интересов входящих в него отдельных личностей. Количество переходит здесь в качество. Общность интересов отдельных лиц заменяется здесь их заинтересованностью в обществе, как таковом.

Этот решительный поворот в мышлении впервые пережит нынешним поколением буржуазии. Она восприняла его, как сознание солидарности населения страны, как патриотизм. Для пролетариата чувство солидарности не могло являться чем-то новым, неожиданным и подавляющим. В пролетариате чувство солидарности является живой силой и всё, что к чему стремится социалистическая просветительная деятельность, сводится в последнем счете к тому, чтобы научить рабочих мыслить социально, пробудить в них понимание интересов целого, интересов солидарной общественности.

Непроницательные противники рабочего движения всегда выступали с упреком, что социалистическая агитация заключается в возбуждении эгоистических интересов пролетариев. Если Лассаль и основательно протестовал против „проклятого отсутствия потребностей", то всё же центром социалистической работы является не возбуждение претензий отдельных лиц; ибо это, слава Богу, достигается автоматически, без всякой агитации. Она заключается в том, чтобы заставить понимать судьбу всего класса. Просветительная работа, от первых проблесков сознания солидарности в отношении к товарищам по работе на фабрике, переходит к профессиональному союзу, и затем, охватывая всё более широкие круги, доходит до великой идеи солидарности пролетариев всех стран, как высшей формы нашего боевого товарищества, и отсюда ведет к цели, которую мы себе ставим,—к солидарности человечества.

Рабочий приходит к сознанию солидарности, потому что понимает, что он лучше всего может оградить свои индивидуальные интересы в качестве члена общественного союза, организации. Но социально мыслить он научается лишь тогда, когда простая общность интересов заменяется у него сознанием солидарности, когда решающим моментом становится уже не индивидуальный интерес, из которого он исходил, а интерес его класса. Его мышление, как и всякое мышление, социально лишь постольку, поскольку оно ставит общество выше отдельной его части.

В силу всего хода его развития для пролетариата не могло быть новым чувство солидарности. Новым оказался только тот общественный союз, на который это чувство направилось в начале войны. Привычная солидарность рабочего класса всех стран многими внезапно была заменена солидарностью всех классов данной страны.

Человечество расслоено в настоящее время в двояком направлении. Наряду с экономическим расслоением по классам, которые стоят один над другим, имеется хозяйственно-географическое расслоение по государствам, которые расположены одно около другого. Оба рода границ создают солидарные общественные союзы. Но мы знаем, что и то и другое, и солидарность классов и солидарность населения, не являются вечными категориями. Это атрибуты *расслоенного* общества, это только *относительное* проявление солидарности, проявление низшего порядка. И то и другое—солидарность классов и солидарность населения—растворяются посредством социализма, который стремится к обществу без классов и без государств. Они растворяются в высшей форме солидарности — в солидарности человечества.

Солидарность населения всегда воспринималась пролетариатом, как *солидарность в обороне*. Посредством нее пролетариат никогда не стремился к чему-нибудь иному, кроме сохранения своего существования, защищая то, что уже имеется в настоящее время. Классовая солидарность, наоборот, является *солидарностью наступательного порядка*. Из нее должно родиться общество будущего. Мы не можем здесь исследовать, какой из этих обоих видов солидарности является более ценным. Мы хотим здесь заняться только тем странным явлением, что в то время, как буржуазия пережила значительный подъем в сторону солидарности, в рядах пролетариата война, перевернувшая всё вверх дном, вызвала значительное ослабление прочных уз давно установившейся солидарности.

Теоретически можно себе представить, что солидарность населения страны существует наряду с интернациональной солидарностью рабочего класса. Всё последнее поколение социалистов отнюдь не было того мнения, что необходимость обороны страны может разрушить рабочий Интернационал. Многие социалисты даже были твердо убеждены, что пролетарский Интернационал в целом станет на сторону народа, который подвергается нападению, и если не поддержит активно борьбу этого народа по обороне его страны, то во всяком случае отнесется к ней с полной симпатией.

Но вышло совсем иначе. Война разрушила *Интернационал*. Он стал ее первой великой жертвой. И если теперь мы спросим себя: почему это случилось, то мы увидим, что в настоящую историческую эпоху, в период империализма, условия совсем иные и отличные от тех, которые создали указанное выше настроение умов. *Всем* народам кажется, что над ними висит угроза, *все* думают, что они являются обороняющейся стороной, и в то же время *ни один* из них не вел той чисто оборонительной войны, которую имела в виду демократия прежних десятилетий. Такая война может быть еще возможна в некоторых исключитель-

ных случаях, например, в маленькой демократической Швейцарии, но сама идея такой войны относится к тому времени, когда народы еще стремились к созданию чисто национальных государств, и она не жизнеспособна в период, когда среди буржуазии господствует стремление к возможно более широким экономическим областям, причем затруднения, вызываемые государством со смешанным национальным составом, не считаются существенным препятствием.

Сохранить дееспособность Интернационала было мыслимо до тех пор, пока существовало предположение, что пролетарии всех стран участвуют исключительно в чисто оборонительных войнах. Так как это условие отпало, то участие партии, как таковой, в солидарном выступлении населения вызвало невозможность солидарного выступления интернационального пролетариата.

Но если та политика, которая была усвоена в Германии и во Франции 4-го августа, уже исключала солидарное выступление Интернационала, то все-таки еще можно было сохранить интернациональную связь в чувствах и мышлении. Однако, и это во многих случаях отсутствует. Мы помним, как глубоко многие из нас были потрясены, когда в первые месяцы войны английские рабочие железоделательной и стальной промышленности прославляли войну, как средство в борьбе с конкуренцией германских рабочих по металлу, и тем самым отдали свой профессиональный союз в услужение империализму господствующих классов. В том воззвании (оно напечатано в „Arbeiter-Zeitung“ 1 ноября 1914 г.) говорилось:

Долг наших членов во время войны заключается в том, чтобы помогать одолению германцев в области народного хозяйства. Предприниматели уже ринулись на борьбу для завоевания германской торговли. Но без наших усилий борьба останется тщетной — мы должны вместе стремиться к победе.

С тех пор мы стали привыкать к подобным вещам и не только в Англии. К сожалению, мы почти всюду наблюдали, к каким последствиям ведет отказ от социального мышления. Социалистическое движение теряет почву под ногами, когда во главу угла не стоит интерес всего пролетариата. Тогда немедленно солидарная борьба всех рабочих против общего врага заменяется борьбою рабочих друг против друга.

Уже в нормальные времена, в мирных условиях, затруднения, которые встречает рабочее движение в каждой стране, обыкновенно вызываются погрешностями в социальном мышлении. Все конфликты, которые, например, возникают в партии при выборе кандидатов, вызываются тем, что не всегда ставится на первое место вопрос, каковы потребности всей партии в смысле ее представительства в парламенте. Вместо этого предпочтение отдается интересам отдельных округов или даже отдельных лиц. Точно также многие кон-

фликты в профессиональных союзах и в кооперативах вызываются тем, что какая-нибудь группа исходит только из своих специальных интересов и на долю общей организации оставляет одни лишь крохи. Противодействовать таким тенденциям мы можем лишь посредством постоянного напоминания о необходимости социального мышления. Мы должны постоянно давать себе отчет в том, что наши обязанности по отношению ко всему пролетариату в его целом являются главными, и что только в их пределах можно отстаивать интересы пролетариата отдельной страны. И точно также интересы всей партии данного государства являются пределом для интересов провинциальной организации, а далее в соответствии с этим должны занимать свои места и подчиняться общим интересам — отдельные округа, местные организации и, наконец, отдельные товарищи.

В мирное время прегрешения против социального мышления встречались чаще всего на низших ступенях организации. Война в большинстве стран вызвала пренебрежение интересами высшей организационной связи нашего движения: она разрушила Интернационал. Это выбило пролетариат совершенно из его колеи, до основания расшатало социалистическое мышление и настежь открыло двери для империалистических идей. Мы можем дать им отпор только вернувшись на точку зрения Коммунистического Манифеста, где Маркс и Энгельс охарактеризовали то, что мы нынче называем социальным мышлением, как самый существенный отличительный признак своего направления, по сравнении со всеми прочими пролетарскими движениями.

Они писали:

> „Коммунисты отличаются от остальных пролетарских партий лишь тем, что, с одной стороны, они в борьбе пролетариев различных наций выдвигают на первый план и подчеркивают всё значение общих независимых от национальности интересов всего пролетариата, с другой же стороны, в различных стадиях борьбы пролетариата с буржуазией они постоянно охраняют интересы всего движения в целом“.

Социальное мышление является предпосылкой всякой солидарности, но форма социального мышления еще ничего не говорит о его содержании, еще отнюдь не определяет, какой солидарный общественный союз мы признаем самым главным. Можно вполне оставаться в пределах социального мышления и одинаково проявлять величайшую солидарность, как в том случае, когда руководящим принципом является „сотрудничество всех классов“ данной страны, так и в том, когда таковым является союз рабочих всех стран. Какой общественный союз для каждого будет самым глав-

ным, это зависит от понимания исторического развития человечества. Кто утратил убеждения или кто никогда не верил, что пролетарский Интернационал является в нынешней исторической обстановке самым важным общественным союзом, того мы не можем упрекать за то, что он не сохраняет солидарности с ним, не применяет к нему своего социального мышления. Но точно так же было бы крупной ошибкой упрекать интернационалистов марксистского направления за то, что солидарность со всем пролетариатом они ставят выше солидарности с каким-нибудь другим общественным кругом.

* * *

Всякая партийная работа заключается в общей деятельности, направленной на осуществление партийной программы. Всякое отдельное действие опирается на постановление большинства солидарного общественного союза. Двоякого рода опасности угрожают партийной работе: одна со стороны большинства, другая со стороны меньшинства. Большинство всегда рискует тем, что его постановления не соответствуют партийной программе, находятся в противоречии к основным принципам всего движения и существеннейшим интересам партии. Со стороны меньшинства угрожает та опасность, что оно может нарушить общность действий, не подчиниться большинству, пойти своим собственным путем и тем помешать осуществлению того, что было постановлено. И большинство и меньшинство одинаково могут вредить осуществлению партийной задачи.

Вообще, мы, конечно, будем считать естественным и желательным солидарный образ действий. Демократическое голосование в пределах партии мы признаем верховной инстанцией, которой меньшинство должно подчиняться. Оно будет подчиняться ради интересов партии, даже если будет убеждено, что большинство не поняло требований момента. Оно будет руководствоваться правилом: лучше я согрешу с моим братом, чем окажусь прав, поссорившись с ним.

Но эта в общем практически правильная тактика применима лишь относительно. Возможны случаи, когда большинство так резко нарушает программу, на которой построена солидарность данной организации, что самое существование ее становится проблематичным. Ибо, ведь, и партия не является чем-то абсолютным, а представляет собою явление относительное, не застывшее раз навсегда, а меняющееся в процессе исторического развития, меняющееся, как по программе, так и по составу своих членов. Всякий раз, когда производится значительное изменение программы, происходит в сущности создание организации заново. И для меньшинства, возражавшего против изменения программы, возникает вопрос, должно ли оно оставаться в рядах партии. Если же

каким-нибудь случайным голосованием, в процессе работы, создается решительный уклон от партийной программы, причем отсутствует даже сознание, что последняя подверглась пересмотру, то, разумеется, это является серьезной угрозой для совместной деятельности.

Если, например, местная организация постановит не вносить более взносов в окружную организацию и взамен того примкнет к местному „центральному союзу увеселительных обществ“, то социал-демократическое меньшинство, потерпевшее поражение, сохранит солидарность не с местным союзом, но со всей партийной организацией. И то же самое, только на более высокой ступени, повторяется, когда большинство партии принимает участие в „сотрудничестве всех классов страны“ и тем отказывается от солидарности с пролетариатом в его целом и неизбежно, хотя, может быть, с чувством внутренней боли, разрывает свои отношения с Интернационалом. Переход от Интернационала к „бургфридену“, междупартийному перемирию, фактически создает новую высшую инстанцию солидарности, и для меньшинства, сохранившего интернациональные заветы, возникает вопрос: следует ли и здесь еще грешить вместе со своим братом.

Ответ будет зависеть от того, в какой мере сильна надежда, что ошибка большинства имеет преходящее значение, в какой мере можно ожидать ее исправления. Если большинство партии окончательно постановит организоваться в качестве партии национальной, то нельзя требовать от интернационалистов, чтобы они продолжали считаться с такой организацией. Если же можно надеяться, что большинство вернется к старой программе, то следует взвесить, что важнее на ближайший срок для общих интересов движения—сохранение общности действий или самостоятельная деятельность меньшинства на том пути, который она считает правильным.

Фракция меньшинства в Германии еще с 4-го августа считала тактику большинства уклонением от партийной программы, но она надеялась и всё продолжала надеяться, что большинство опомнится. С величайшим самоотречением пыталась она не нарушать общей деятельности партии, значение которой она высоко ценила. Поэтому она ограничивалась тем, что старалась силой убеждения преодолеть политику, нарушавшую общие интересы пролетариата и вносившую раскол в Интернационал. Меньшинство ждало и надеялось. С каждым голосованием в партии оно становилось всё сильнее, но оно не могло рассчитывать превратиться в большинство фракции в сколько-нибудь близком будущем. И потому всё острее становился вопрос, не требуют ли высшие интересы пролетариата, чтобы меньшинство самостоятельно пошло тем путем, который оно считало единственно возможным для восстановления международной солидарности. Вопрос, что важнее — единство

парламентской фракции или выявление интернационалистских симпатий меньшинством, — был, наконец, разрешен после долгой внутренней борьбы в последнем смысле. Единство во фракции германского рейхстага было разрушено, но зато был перекинут мост к пролетариям всех стран. Высшая солидарность, солидарность всего пролетариата, восторжествовала в конфликте с солидарностью в пределах ограниченной группы.

И это является решающим моментом для суждения о „нарушении партийной дисциплины германским меньшинством".

Действительным грехом против интересов рабочего движения является всякое нарушение дисциплины, возникающее вследствие того, что какая-нибудь группа ставит свои интересы выше интересов целого, что она действует несогласно с требованиями социального мышления. Но меньшинство германского рейхстага руководилось не интересами своей группы, а, наоборот, именно оно было проникнуто принципами социального мышления, именно оно исходило из интернациональной солидарности рабочего класса, из высшего принципа всего нашего движения, — принципа, который оно считало нарушенным политикой большинства.

Аналогию этому случаю можно найти в мелких партийных конфликтах мирного времени. Сколько неприятностей часто достается на долю тех товарищей, которые агитируют, голосуют в своем округе за выставление кандидатуры какого-нибудь иногороднего товарища. Как часто их обвиняют в нарушении „солидарности своего округа" и даже в „нарушении дисциплины". И все-таки, если они руководствовались интересами всей партии, мы их действия признаем истинно солидарными, ибо они исполнили свой долг, как истинные социал-демократы, не считаясь с неблагоразумным мнением своих ближайших товарищей.

Мы не будем рассматривать в этой статье, правильно ли оценило меньшинство свои шансы стать большинством, и была ли его тактика наиболее целесообразной. Мы в этом убеждены, но не станем здесь этого доказывать. Здесь для нас важно только правильно осветить вопрос и показать, что это вопрос чисто тактический, и потому все ссылки на партийную этику неуместны. Действия меньшинства надлежит понять и оценить с его собственной точки зрения, точки зрения международной солидарности. И если со временем история покажет, что тактика меньшинства не была наиболее целесообразной, то во всяком случае мы уже теперь знаем, что она не заключала в себе прегрешения против партийной этики. „Нарушение дисциплины", допущенное меньшинством, нельзя сравнить с теми случаями нарушения дисциплины, которые обычно наблюдались в нормальное

время. Предпринятый шаг не нарушал требований социального мышления. Наоборот, он был им продиктован.

Меньшинство нарушило солидарность действий, и разумеется большинство имеет возможность и даже формальное право, поскольку оно будет придерживаться организационного устава, применить те средства, которые ему разрешается применять в случае нарушения солидарности действий. Оно может исключить непокорных из союза. Мы не знаем, случится ли это, но если это даже и произойдет, то моральное право останется на стороне меньшинства, ибо, если меньшинство внесло раскол во фракцию рейхстага, то политика большинства внесла раскол в Интернационал. Действительный грех против единства рабочего движения взяли на себя во всех странах те, кто вел политику, неизбежно направленную на разрушение Интернационала, а не те представители меньшинства, деятельность которых вытекает из истинных требований интернациональной солидарности.

„Kampf“ („Борьба“). Февраль 1916 г.

Цели войны.

„Süddeutsche Monatshefte“, один из наиболее влиятельных журналов германской буржуазии, выпускал за последнее время свои книжки под специальными заглавиями—„Франция“, „Англия“, „Скандинавия“ и т. д. Большинство статей в каждой такой книжке посвящалось каким-нибудь однородным и специальным проблемам войны. Декабрьская книжка 1915 г. называется „Цели войны“ и в значительной части своей посвящена этому важному вопросу. Статьям отдельных авторов предпослано введение, которое стремится определить общую принципиальную точку зрения сборника. Введение никем не подписано, очевидно, оно принадлежит редакции. Озаглавлено оно „Цели войны“.

Это введение чрезвычайно отчетливо формирует мысли подавляющего большинства германской буржуазии и способствует уяснению ее принципиальной позиции, тем более, что оставляет в стороне все щекотливые политические вопросы дня. Статья настолько интересна, что мы перепечатываем ее здесь полностью, с некоторыми примечаниями от себя:

Цели войны.

Германия заявила в августе 1914 г., что она начинает эту войну против своей воли, начинает как войну оборонительную. Поэтому при заключении мира она не имеет права выступать с

завоевательными притязаниями, если же она это сделает, то она изобличит себя во лжи, отнимет у своего дела справедливое обоснование, ослабит внутреннюю сплоченность своего народа. Такие выводы приходится слышать довольно часто.

Нам кажется, что они неправильны. Здесь упущено из вида одно маленькое обстоятельство, которое, однако, для некоторых из нас не лишено значения: а именно то обстоятельство, что между 1 августа 1914 г., когда был нарушен мир, и тем днем, когда мир снова возобновится,—царит война. Что такое война? Это отмена того правового состояния, которое определяло отношения народов в мирное время. Народы предоставили мечу решать, какое право должно существовать в будущем, ибо ведь не шутки ради ставят государства на карту свою судьбу и не шутки ради жертвуют народы своей кровью.

И войну 1870 г. Германия начала не как завоевательную, а ткак оборонительную войну. Должно ли это было препятствовать нам взять Эльзас и Лотарингию? Или та стала война несправедливой от того, что мы взяли эти земли? Кто держится такого мнения, пусть имеет смелость открыто это высказать. Тогда видно будет, много ли людей признают такое учение.

Итак, перед этой войной мы честно желали мира. Мы признавали существовавшие границы владений, и для роста, которым наградил нас Господь, мы старались найти формы, свободные от посягательства на чужие права. Но наши противники сами объявили об отмене права, защищавшего прежние границы владений, и позволили пересмотреть его силой оружия. Они открыто сказали нам, что если мы не победим, то они, пользуясь правом войны, разделят нас на части. Они сделали для этого всё, что могли. Но если мы победим, что же мы должны им с благодарностью восстановить их прежние владения? Почему? Очевидно, потому, что мы окажемся победителями, ибо если победят они, то для нас будет конец.

Но разве вообще можно делать аннексии, спрашивают другие. На это мы ответим вопросом: неужели мы хотим повторить историю 1848 года и спорить об основных правах до тех пор, пока в болтовне не упустим решающего момента. Неужели Бисмарк жил среди нас напрасно? Конечно, размышлять о лучших государственных формах будущего и подготовлять их—дело благородное и великое, ибо всё земное полно ошибок и должно меняться, если желает уцелеть. Но нельзя писать параграфы ближайшего мирного договора, руководствуясь государственным правом, которое будет существовать в 3000-ном году. Точно также, как нельзя их писать применительно к 800-му году. Судьбу мира решают те же силы, которые решают судьбу войны. Кто недостаточно силен, чтобы заставить себя слушать в одном случае, выну-

жден молчать и в другом. Государства, которые теперь владеют миром, являются государствами властными, а власть их заключается в территории, в людях и в богатстве.

Или, быть может, эта война ведется во имя принципов? Может быть, великие державы воюют для разрешения вопроса, можно ли в будущем производить аннексии и должны ли войны впредь иметь иное значение, нежели то, какое они имели до сих пор, на протяжении всей истории. Может быть, ради этого воюют народы? Ну, что же,—пусть спросят наших солдат, ради этого ли они проливают свою кровь.

В час величайшей опасности радостно взялись они за оружие для защиты своей родины, для сохранения мощи государства, которое взяло на себя эту защиту. Они ожидают от мира—обещанного императором в самом начале войны—возможной гарантии того, что подобная опасность больше не повторится, возможного усиления защиты против такой опасности. Они ожидают „реальных гарантий", ожидают территории, людей и богатства.

Суровые дела не становятся лучше, если к ним пристегнуть сантиментальный конец. Будет святотатством заглушать жестокую правду войны кротким перезвоном миролюбия. Наши мертвые действительно умерли, калеки оставили свои живые члены на полях сражений и в лазаретах, наши вдовы и сироты плачут по своим покровителям и кормильцам.

Вопросы, которые придется решать при заключении мира, менее сложны, чем нас уверяют философы. Нам не нужно этой войны для того, чтобы выяснить вопрос, что „справедливо" и „несправедливо" с точки зрения различных юридических и моральных систем. Вопросы, которые нам ставит война, хотя сложны и запутаны, но все они лежат в одной плоскости, плоскости данной государственной действительности.

Чего же она от нас требует? Что она позволяет осуществить сегодня? Это надо строго уяснить себе. Речь идет о реальных вопросах и только о них. Речь идет о наших благоразумно понятых выгодах, наших грубых фактических интересах, а не о каких-либо теориях, будут ли то теории вожделения или самоотречения. Единственной целью войны является отстоять себя **всеми средствами и способами, которые допускает война.** До чужих интересов нам нет дела. Ибо когда действует меч, то решение спора между народами берет на себя Господь Бог. **Кому он даст силу, тот должен ею воспользоваться.**

* * *

„Кому Господь даст силу, тот должен ею воспользоваться". Это сказано ясно и откровенно. И если в противовес тому французская и английская буржуазия декламируют о восстановлении права, то мы прекрасно знаем, чего стоит такая фарисейская болтовня. Империалисты всех стран ничего другого не хотят и не могут хотеть, кроме, как „воспользоваться своей силой". Они все ожидают „земли, людей и богатства", все проникнуты принципом „—о чужих интересах нам нечего заботиться".

Не всегда буржуазия стояла на этой точке зрения. Были времена, когда она предпочитала в болтовне пропустить решительный момент, вместо того, чтобы принести свои демократические принципы в жертву преходящим интересам наживы. Было время, когда война представлялась для нее „войною принципов". Это время прошло. Идиллия национального государства, которое по существу своему не допускает порабощения чужих народов, уступила место суровой действительности империалистического капитализма, некоронованные монархи которого, подобно древним цезарям, добиваются только „земли, людей и богатства".

У буржуазии когда-то имелись принципы и для войны. Еще и сейчас в речах и писаниях французских политиков повторяется в виде фразы то, что когда-то было выражением демократической воли. Та славная эпоха подъема буржуазии, которая в великой французской революции нашла себе выражение в декларации прав человека, определила также свое отношение к правам и свободе нации. Эта победоносная буржуазия включила в конституцию 1791 года статью шестую, гласившую:

La nation française renonce à entreprendre aucune guerre dans la vue de faire de conquêtes et n'emploiera jamais ses forces contre la liberté d'aucun peuple. (Французская нация отказывается предпринимать какую-либо войну с целью завоеваний и никогда не воспользуется своими силами для посягательства на свободу других народов).

В момент своего первого триумфа буржуазия немедленно отчетливо усвоила основной принцип внешней политики демократии. В жизнь он проведен не был в течение ближайшего полустолетия, ни при империи, ни при монархии.

Но, когда в 1848 году буржуазия снова взяла свою судьбу в свои руки, было совершенно естественно, что она подтвердила принципы великой французской революции. И в конституции 1848 года она снова заявила:

La république française respecte les nationalités étrangères comme elle entend faire respecter la sienne. Elle n'entreprend aucune guerre dans des buts de conquête et n'emploie jamais sa force contre la liberté d'aucun peuple. (Французская республика относится с уважением к иностранным национальностям, так же, как требует уважения

к своей национальности. Она не предпримет никакой войны с целью завоевания и никогда не воспользуется своей силой против свободы какого-либо народа).

Эпоха империализма окончательно ликвидировала эту демократическую идеологию, которая в течение столетия не умирала у буржуазии. И всякий должен будет признать, что откровенная речь, раздающаяся со страниц „Süddeutsche Monatshefte", симпатичнее, нежели те фразы, которые доносятся с того берега Рейна и за которыми не чувствуется добросовестного убеждения. Ибо, если, даже, стремления английской и французской буржуазии не направлены на то, чтобы установить гнет над чужестранными народами в пределах Европы, то всё же борьба ведется ради завоевания мира, и те самые империалисты, которые выражаются терминами французской революции, не стесняются завоевывать и порабощать в Азии и Африке столько, сколько им позволяют их силы.

И в таком случае, вместо того, чтобы уверять, по-французски, что „силы никогда не будут направлены против какого-либо народа", лучше уже честно сказать по-немецки: „нам дела нет до чужих интересов". Вместо того, чтобы декламировать о нежелании предпринимать войну с завоевательными целями, лучше уже открыто и ясно сказать: „Мы ожидаем реальных гарантий, ожидаем земли, людей и богатства".

Разве Бисмарк напрасно жил среди нас, спрашивают „Süddeutsche Monatshefte". Конечно, нет. Он уничтожил в германской буржуазии демократическую фразу. Он внушил ей, что „государства, занимающие ныне мир, являются государствами *властными*, а власть их заключается в земле, людях и богатстве".

И когда с запада доносится ханжеское негодование по поводу нарушения прав человека и прав самоопределения наций, по поводу пренебрежения элементарными основами всякой культуры, то немецкая буржуазия с полным правом может ответить презрительным смехом и сказать: „Вы делаете ту же *политику* насилия, что и мы, только мы честнее и сознаемся в этом. Мы говорим откровенно: суровые *дела* не становятся лучше, когда к ним пристегивают сантиментальный конец. Мы не намерены вести эту войну из-за вопроса, что такое „право" и „бесправие" с точки зрения различных юридических и этических систем. Дело идет о наших *выгодах*, о наших грубых *материальных* интересах".

Старая демократическая доктрина требовала, чтобы чужая независимость уважалась так же, как и своя собственная. Современная буржуазия отказывается применять *масштаб своих собственных убеждений*. Она возвращается к примитивной точке зрения — „как ты мне, так и я тебе". Так как противник в случае победы, „пользуясь правом войны, разделит нас на части", то и „мы" сделаем *то же самое*, если „мы" победим. Един-

ственное равноправие, которое признается, заключается в равном праве для всех стремиться к тому, чтобы оказаться более сильным.

„Можно ли вообще производить аннексии?“ Такие сомнения не могут уже теперь терзать германскую буржуазию. Она выше всяких принципов. Ее целями войны являются те цели, которые „допускает война“.

Но, несмотря на это суверенное презрение ко всяким демократическим мечтаниям о равноправии, „Süddeutsche Monatshefte“ все-таки считают нужным поставить вопрос: „не изобличаем ли мы себя во лжи“, если собираемся закончить войну, которую начали против своей воли и в целях обороны — миром, в котором будут заявлены завоевательные притязания. Они требуют, чтобы те, кто с ними несогласны, имели мужество открыто сказать, действительно ли вследствие аннексий „война станет несправедливой“. Они становятся на ту точку зрения, что нельзя начинать войну с целью завоеваний, но можно воспользоваться ею для этой цели. В современном нашем обществе они видят только общество, существующее для случайной кражи. Допотопная точка зрения демократии, непозволявшая воровать даже в самых благоприятных случаях, считается устаревшей.

„Шутки ради государство не ставит на карту свое существование, шутки ради народы не жертвуют кровью“. Прежняя демократия тоже не собиралась воевать шутки ради, но она не собиралась также воевать ради наживы.

* * *

Буржуазия окончательно порвала с традициями 1789 г., но в пролетариате они, по крайней мере, до начала этой войны, еще были живы. Правда, социал-демократия презрительно высмеивала старый либерализм, но это только потому, что он довольствовался равенством перед законом и не решался признать социальное равенство. С либерализмом боролись, но его учение о демократии принималось, как бесспорное. Социал-демократия желала не отменить закон буржуазной демократии, а исполнить его.

За время этой войны и здесь произошла перемена. Главным спорным вопросом в рядах социал-демократии является сейчас именно вопрос о том, в какой мере надлежит сохранить старую демократическую идеологию. У нас в партии имеется крайняя правая, желающая окончательно порвать с фразами о „самоопределении“. Она считает совершенно несвоевременным принципиальный отказ от насильственных аннексий, который в 1871 году единодушно отстаивался германской социал-демократией. Она открыто и безотговорочно признает теорию насилия, исповедуемую господствующим классом. К ней примыкает преобладающая часть так-называемого „большинства“, которая, подобно французской буржуазии, повторяет

старые слова, внутренне в них не веря и не имея желания действительно двинуть силы социал-демократии на борьбу для достижения демократических целей. Наконец, имеется левая, оставшаяся тем, чем социал-демократия была раньше. Мы не можем здесь изложить ее точку зрения; мы должны ограничиться воспроизведением декларации, которую огласила в прусской палате депутатов 17 января 1916 г. социал-демократическая фракция. Вот ее текст:

Декларация.

Ни в одной стране правительство до сих пор не выразило готовности к миру открыто и в такой форме, которая позволила бы правительствам остальных воюющих государств или какому-нибудь нейтральному правительству официально начать мирные переговоры. Германский канцлер заявил в рейхстаге 9 декабря 1915 г.: „Если наши противники выступят с предложениями мира, отвечающими достоинству и требованиям безопасности Германии, то мы всегда готовы подвергнуть их обсуждению в полном сознании достигнутых нами крупных и прочных успехов нашего оружия. Мы слагаем с себя ответственность за продолжение бедствия, охватившего Европу и весь мир. Мы не хотим, чтобы говорили, будто мы желаем затянуть войну без нужды хотя бы на один день для того, чтобы получить в свои руки тот или иной залог". Эти слова точно так же, как однородные правительственные декларации других воюющих государств, еще не свидетельствуют о готовности к миру и о возможности начала мирных переговоров. Правда, они говорят о готовности заключить мир, но только мир, основанный на результатах победы и на признании этой победы противником. Мы требуем, чтобы имперский канцлер, который ни одним словом публично не высказался против невероятных аннексионных требований могущественных экономических союзов и прочих весьма влиятельных кругов, не только бы решительно отверг эти планы, но также **отказался от всякой аннексионистской политики**, которая является решительным препятствием для заключения мира и которая только до чрезвычайности укрепляет решимость врагов продолжать сопротивление. Угроза имперского канцлера, что чем дольше и упорнее будут воевать с нами наши враги, тем значительнее будут гарантии, которых потребуют от них центральные державы, только усиливает ожесточение. Продолжение такой империалистической насильственной политики с необходимостью ведет к тому, что возможность мира отодвигается на неопределенный срок, а европейское население и культура Европы гибнут в изнурительной борьбе, которая с каждым днем становится всё более безумной и в которой не будет **победителей**, а будут только **побежденные**.

Разумеется, и социал-демократические принципы не допускают, чтобы кто-нибудь навязал Германии мир, посягающий на нашу

политическую и экономическую самостоятельность, не допускают уже потому, что побежденная сторона, а ею в значительной мере окажется рабочий класс, весьма тягостно будет ощущать последствия такого мира, в результате чего будет угрожать повторение нынешней бойни. Возможность нашего существования мы усматриваем не в создании империалистической Великой Германии, или Срединной Европы, а в таких политических и экономических взаимоотношениях народов, которые возникнут благодаря **развитию демократических учреждений, устранению тайной дипломатии** и отмене таможенных преград на основе свободного соглашения. Как социал-демократы интернационалисты, верные требованиям нашей программы и всему нашему миросозерцанию, мы никогда не можем согласиться на порабощение других народов и на посягательство на их политическую и экономическую независимость. **Мы сочувствуем страданиям пролетариев тех стран, которые ныне с нами воюют, точно так же, как страданиям наших собственных соотечественников.** Наши противники только тогда будут склонны к заключению мира, если им будет гарантировано такое же обеспечение их национальных прав и интересов, какого мы, социал-демократы, требуем для Германии. В особенности мы требуем, чтобы была **восстановлена полная независимость и самостоятельность Бельгии,** и чтобы несправедливость, причиненная этой стране и признанная самим канцлером 4-го августа 1914 года, была искуплена в полном объеме.

При нынешнем соотношении сил между воюющими государствами всякий трезвый наблюдатель должен признать утопией предположение, будто та или другая сторона будет в состоянии одержать победу в таком объеме, чтобы продиктовать противнику условия мира. Ни в одной стране народ не желал войны. Всюду массы всё настойчивее требуют, чтобы был положен конец ужасному кровопролитию, и было приостановлено расхищение народного благосостояния. Уже в настоящее время число жертв необозримо, и с каждым днем всё обильнее становится море крови и слез. Сознают ли свою ответственность те, кто вызвал войну, на ком лежит вся ужасная тяжесть вины перед собственным народом, и перед всем человечеством? Неужели их не пугает рост озлобления, вызываемый в массах затяжной войной? Если правительства воюющих стран еще не хотят и по сейчас слышать о мире, то в этом они резко расходятся с огромными массами населения, которые ни о чем так не мечтают, как о возобновлении мирной и культурной работы. Миллионы цветущих человеческих жизней уничтожены, миллионы людей искалечены или обречены на медленное умирание, множество благосостояний разрушено. За несколько месяцев была расшатана культура столетия,

и потребуются десятки лет, чтобы восстановить разрушенное. Правительство, которое и теперь еще не протягивает руки к миру, усиливает свою вину перед всем человечеством и перед собственным народом. Мы требуем, чтобы германское правительство пошло вперед, чтобы оно подало пример правительствам других стран и **отказалось от завоевательных намерений**, дабы открыть путь к миру, который послужит на благо человечеству. Возникновение и ход войны заклеймили перед всем миром систему империалистического насилия. Не силою штыка, не завоеваниями и насилиями, не созданием новых укреплений в виде территориальных аннексий может быть обеспечен мир и культура, а только посредством сознательной солидарности интересов пролетариев всех стран, готовых на жертвы и борьбу.

* * *

В социал-демократических кругах стараются отодвинуть на задний план политический вопрос и утверждают, что пролетариату вообще нет дела до целей войны. Так говорит, например, товарищ Карл Реннер, заявляющий, что „у социалистов нет целей войны, а есть только цели мира“ (венская „Рабочая Газета“, 25 декабря 1915 г.). Вообще его не столько интересуют субъективные цели, сколько объективные результаты войны („Рабочая Газета“, 2 января 1916 г.). В теории это разграничение между целями войны и ее результатами может быть и прекрасно, но в действительности между ними, к сожалению, существует неразрывная связь. Результаты войны находятся в зависимости от ее целей. Наличные „результаты войны“ не признаются окончательными, потому что воюющие преследуют свои „цели“, и, таким образом, между целью войны и ее результатом с трагической силой вклиняется „длительность войны“.

Март 1916 г.

Национальность и хозяйственная территория [1]).

За время мировой войны широкие круги населения стали значительно лучше уяснять себе вопрос о принципах, определяющих установление государственных границ. В то время, как в прежние десятилетия для буржуазии идеалом, не требующим обоснования, было национальное государство, за время войны

---

[1]) Австрийская партийная оппозиция издавала некоторое время „корреспонденцию“ для партийной печати. В первом номере этой корреспонденции, редактируемой Терезой Шлезингер, появилась печатаемая здесь статья Фридриха Адлера. Примеч. издателя.

все больше стало выясняться значение экономического фактора для прочности государства. В былые времена буржуазия имела чрезвычайно простой рецепт для разрешения всех трудностей, возникающих от сожительства различных наций в одном государстве: рекомендовалось разрушить такой „неестественный“ государственный союз. Теперь и противники социал-демократии пришли к сознанию, что программа ее, требующая удовлетворения национальных нужд в пределах исторически сложившейся государственной территории, одна только соответствует требованиям экономической действительности. В чрезвычайно интересной статье в № 21 „Neue Zeit“ [1]) тов. Фридрих Аустерлиц исследует вопрос „О национальных движущих силах“ и весьма наглядно показывает, как они подчиняются влиянию экономической территории. „Хозяйственное развитие, говорит он, посредством всяких пут, созданных капитализмом, связало и скрепило с государством все области, которые некогда были завоеваны, аннексированы или приобретены посредством браков. И даже когда национальная идеология устремляется по ту сторону границы, испытывает ирредентистские чувства и стремится выйти из государства, всё же экономическая связь оказывается сильнее. Общая хозяйственная территория создает в области промышленности, торговли, денежного обращения всё новые и новые точки соприкосновения, новые группы интересов, новые связи и сочетания. Таким образом, постепенно органически срастается то, что в свое время было соединено чисто механически... Взрывчатая сила национальной идеи значительно ослабела по сравнению с устойчивостью существующих государств“. Исходя из этой точки зрения, Аустерлиц занимает определенно-выраженную позицию в вопросе об аннексиях.

Аннексии в духе насильственной политики господствующих классов Аустерлиц, как социал-демократ, разумеется, отвергает. Такие аннексии часто обосновываются доводами, вроде следующих: „Голым правом завоевания, необходимостью получить полное удовлетворение за собственные жертвы на войне, необходимостью добиться такого длительного мира, который часто потом является предлогом для продолжения войны, стремлением настолько ослабить врага, чтобы он уже не был больше способен на нападение, или желанием провести такие границы, которые гарантировали бы военную безопасность“. Разумеется, такие основания для аннексий никогда не могут быть признаны социал-демократами.

Но два соображения, которые тоже могут быть использованы для насильственных политических стремлений, но сами по себе не носят насильственного политического характера, могли бы служить оправданием аннексий даже и в рядах рабочего класса. Это, во-пер-

[1]) От 18 февраля 1916 г.

вых, стремление к национальному единству, во-вторых, так-называемые, необходимые требования экономического развития. Аустерлиц очень наглядно показывает, почему оба эти лозунга неприемлемы в настоящее время для социал-демократии.

И среди пролетариата в различных странах велась агитация за аннексии, причем требование это выдвигалось во имя национальной идеи и обосновывалось стремлением к национальному единству, освобождению от „иноземного ига“, как принято теперь выражаться... На этом основании можно было бы считать правомерной и отстаивать перед судом международной справедливости аннексию романских областей Австрии Италией, французской Лотарингии Францией, а фламандской Бельгии, пожалуй, Германией — ибо там, где нет общего языка, может выручить общность расы. Этим предлогом „национального права“ особенно желают воспользоваться для обоснования аннексионных вожделений державы Согласия. Аустерлиц совершенно правильно замечает по этому поводу: „В настоящее время определять границы по национальному принципу значит не что иное, как повернуть назад экономическое развитие и аннулировать его результаты“.

Что же касается тех аннексий, которые защищаются ссылкой на требования хозяйственного развития, то против них говорит не только непосредственная опасность, заключающаяся, во-первых, в том, что отдельные части наций могут оказаться под иноземным игом, а, во-вторых, в том, что единое национальное государство может превратиться в государство национальностей — на что особенно настойчиво указывает Каутский, — но против этого, как показал Аустерлиц, восстает само экономическое развитие: „Прошлое тоже было процессом развития... развития, которое связывает то, что не было связано и превращает в органическое целое то, что носило произвольный характер“. Предшествовавший процесс развития привел к тому, что всякое государство органически сраслось, так что никакая аннексия невозможна без причинения существенных повреждений создавшемуся организму. Или, как кратко формулирует Аустерлиц, „процесс развития восстает против аннексий“.

Но даже война за независимость в чистом ее виде, не связанная ни с какими аннексиями, когда нация только стремится отделиться, выйти из состава существующего государства, в настоящее время связана с величайшими экономическими затруднениями в силу того факта суровой действительности, что все части определенной хозяйственной территории экономически тесно связаны между собой. Идея войны за независимость, еще не утратившая доныне своей силы, основана, как показывает Аустерлиц, на смешении самостоятельности нации с ее суверенитетом.

„Под самостоятельностью нации социал-демократ может понимать только самоопределение ее и самоуправление в национальных делах. Суверенитет — это свойство буржуазного капиталистического мира. Разве решится кто-нибудь утверждать, что три нации, соединившиеся в Швейцарском союзе, не обладают подлинной и полной национальной самостоятельностью? Между тем суверенитет принадлежит не каждой из них самостоятельно, а только всем им вместе. Разумеется, национальная самостоятельность наиболее гармонически осуществлена в национальном государстве, тогда как в государстве национальностей всегда остается некоторая тягостная недохватка. Но все-таки в пределах той суровой действительности, которая посредством капитализма сначала разделила, а потом по своему соединила Европу, национальная автономия является единственной формой, в которой может быть осуществлено право национальностей на самостоятельность, без кровавых войн и без аннексий сомнительного свойства.

Уясняя себе, таким образом, значение движущих национальных сил и отдавая должное тому, что создано экономическим развитием, мы предохраняем себя от искушения принять голые завоевательные тенденции за осуществление нравственной и экономической необходимости“.

„Kampf“ („Борьба)“. Апрель 1916 г.

Вздорный спор или политическое противоречие.

Единство рабочего движения нарушено с начала войны. Глубокий надлом прошел по всему Интернационалу. В течение более чем двадцати месяцев нельзя было даже устроить ни одного совещания в Международном Социалистическом Бюро. Раскол, начавшийся с общей организации пролетариата, всё серьезнее угрожает распространиться на партии отдельных стран. Германская социал-демократия, по горькому опыту борьбы между лассальянцами и эйзенахцами, знающая, каким бедствием является междоусобица, не в состоянии ныне сохранить единство своей фракции в рейхстаге, хотя она и очень боится нанести ущерб общей деятельности. Французская социал-демократия, у которой еще свежо в памяти благодетельное единение, установленное при содействии Интернационала, стоит ныне перед угрозой нового раскола. А те страны, где не было до сих пор единого рабочего движения, переживают небывалое обострение антагонизма между фракциями. В Англии и России конфликты обострились в небывалой до сих пор степени. Группа Муссолиньи в Италии и группа Дашинского у поляков в полном со-

ставе перешли в лагерь господствующих классов и утратили всякую связь с действительными социал-демократами своей нации, а следовательно, и с социал-демократами других наций.

Таковы факты. Они слишком серьезны, слишком значительны, чтобы можно было допустить, что это разрушение рабочего движения вызвано личными ошибками отдельных людей и что достаточно простого призыва к доброй воле, чтобы снова заделать все эти трещины. Здесь не „пустой спор" упрямых теоретиков. Противоречие, проявляющееся столь явно, должно иметь более глубокие причины. Его не устранить политикой страуса, его нельзя замазать и заклеить. Единственное условие, при котором можно найти выход из такого лабиринта, — это открытое и честное уяснение источников конфликта.

С начала войны в рабочем классе борются между собою д в е проблемы: первая — что нужно делать для того, чтобы провести и до конца выдержать в о й н у, и вторая, не менее важная — что надо делать для осуществления м и р а. Два враждующих между собою направления в социал-демократии характеризуются тем, что каждое из них выдвигает на первый план одну из этих проблем. И когда делают вид, что существует т о л ь к о о д н а проблема, а другую систематически затушевывают, то этим ни в каком случае не способствуют уяснению конфликта [1]).

---

[1]) Образцом такого метода является статья Карла Реннера в мартовской книжке „Kampf'a" за 1916 г. Здесь, в статье „Два практических вопроса" (стр. 89), он „логически объясняет", что дело „просто" сводится к тому, покинем ли мы в час опасности свое отечество на произвол судьбы или нет. „Так обстояло дело раньше, так обстоит оно и теперь", заявляет Реннер, т. е. решается после 20 месяцев мировой войны утверждать, будто в этом и заключается в е с ь вопрос.

Реннер упрекает Гильфердинга в том, что тот в „Kampf'е" о д н о с т о р о н н е защищает „тактику Либкнехта-Штребеля". Мы, разумеется, ничего не имеем против точного формулирования мнений: это только полезно. Но создается путаница, когда такая „односторонняя защита" выступает под маской о б ъ е к т и в н о с т и. Этой объективности в статье Реннера нет в действительности и следа. Его статья представляет собою защитительную речь в пользу фракции большинства и широко пользуется той „половинчатой аргументацией", на которую Реннер такой мастер. Правда, он не соглашается признать, что он принадлежит к п р а в о м у крылу партий, и подобно тому, как он пытается свести оппозицию, к которой примыкает Гильфердинг, к „тактике Либкнехта-Штребеля" и нарочно умаляет о. Газзе и Каутском (месяц тому назад это еще могло быть целесообразным) — точно также он всячески старается убедить нас, что он принадлежит к „центру". Функции правого крыла в Австрии он, повидимому, предоставляет Л е й т н е р у и П е р н е р с т о р ф е р у. Но в силу наших своеобразных условий у нас д в а крайне правых крыла: одно н е м е ц к о-н а ц и о н а л ь н о е, другое специфически а в с т р и й с к о е. С Пернерсторфером и Лейтнером полемизировать не стоит. Они сами достаточно ясно говорят против себя. Что же касается Реннера, который оперирует социалистической терминологией, то именно в виду его первых статей после войны в „Kampf'е" необходимо пуб-

Различная оценка важности обеих проблем для рабочего класса, главным образом, проистекает от различной оценки хода мировой войны за первый ее период. В начале, когда господствовало убеждение, что война окончится быстро, многие считали силу оружия единственным решающим моментом и всякую мысль о политическом воздействии называли совершенно праздной. Но чем дольше тянется война, тем яснее становится, что и политическая оценка военных целей может иметь решающее значение.

Два направления в социал-демократии отличаются друг от друга тем, что одно убеждено в необходимости окончить войну, во что бы то ни стало, силой оружия, так как мир может быть достигнут только решительной победой одной из групп воюющих держав, между тем как другое направление считает главной задачей социал-демократии создать в народах психологические предпосылки для политического компромисса на случай, если оружием спор не будет решен окончательно. Одно направление считает политическое воздействие излишним и стремится отодвинуть его к периоду, который последует за войной, а пока, в лучшем случае, ограничивается платоническими заявлениями. Другое направление, наоборот, усматривает главнейшую задачу социал-демократии во время войны в оказании политического влияния и полагает, что на это должны быть направлены все имеющиеся силы.

Перед силой оружия, приведенного в действие, бессилен голос человека. В этом мог убедиться живой нынешний папа, и та же участь могла постигнуть Интернационал, если бы он не был мертв. Но чрезвычайной примитивностью страдает точка зрения, для которой все действия вооруженных сил суть результат единственного, однажды принятого, решения, которое послужит основанием как для начала войны, так и для всего ее дальнейшего хода. Политические комбинации сопровождают военные действия в течение всей войны. Правительствам приходится постоянно снова принимать политические решения относительно продолжения войны и ее целей. На эти политические решения, от которых в значительной степени зависит длительность войны, можно оказывать политическое воздействие. В этом и должна была заключаться задача Интернационала и заключается теперь задача отдельных социалистических партий.

Интернационал, разумеется, не мог бы предупредить войну и не мог бы силой прервать ее. На этот счет в Германии нет разногласий между большинством и меньшинством, только сторонники Ленина в России до такой степени не оценили реального соотношения

лично констатировать, что в настоящее время он не только выражает социал патриотические тенденции центра, но является в Австрии наиболее правым представителем социального империализма.

сил, что считали возможным еще во время этой войны справиться с нею посредством восстания. В разногласиях среди германской социал-демократии этот вопрос никакой роли не играет, и те, кто полемизируют против подобных мнений, извращают сущность спора [1]).

Нельзя насильственно предотвратить возникновение войны — точно так же, как нельзя силою положить ей предел. И все-таки социал-демократия может выполнить важную функцию при восстановлении мира: она одна в состоянии создать психологическое предрасположение в народах, нужное для того, чтобы столковаться на счет условий мира. Над этой задачей пытались с начала войны работать в различных странах группы меньшинства, между тем, как группы большинства не проявляли к ней никакого интереса. Уже на совещании 3-го августа 1914 г. позиция меньшинства во фракции германского рейхстага была продиктована убеждением, что следовало тут же, в момент возникновения войны, позаботиться о ее окончании. Каутский уже тогда желал, чтобы в рейхстаге был поставлен вопрос: готово ли правительство торжественно заявить, что и для него эта война является только оборонительной, и что даже в случае победы оно откажется от завоеваний. В течение всей войны меньшинство постоянно старалось пробудить в пролетариате сознание необходимости воздвигнуть преграды против „целей войны“ господствующих классов. Большинство же полагало, что ему не стоит задумываться над этими вопросами. Оно считало политику во время войны совершенно излишней.

Заседания германского рейхстага, имевшие место 5 и 6 апреля, чрезвычайно ярко осветили это существенное разногласие в рядах социал-демократии. Имперский канцлер сказал откровенно и ясно: „Мы начали войну в целях самозащиты, но то, что было до сих пор, того уже больше не существует. После таких потрясений, история не допускает восстановления прежнего (status quo ante). Бельгия после войны будет другой“...

Со своей точки зрения Бетман-Гольвег говорил совершенно правильно, и так как ему казалось своевременным, то он огласил по крайней мере часть своих „целей войны“. Меньшинство с начала

[1]) Такую борьбу с призраками ведет Карл Реннер, когда утверждает, будто требование „Назад, к Интернационалу, вперед, в Циммервальд!“ имеет что-нибудь общее с попыткой воспрепятствовать возникновению войны. Его аргументация совершенно не касается сущности вопроса: „Так как в начале войны дело шло о днях и часах и решался вопрос: быть или не быть, то недостаточно было простого предположения, нужна была уверенность, что... французский и английский рабочие классы поступят точно так же (как и германский)“. Кто хоть сколько-нибудь знает историю интернациональных конгрессов, тот знает, что при возникновении войны не мог быть даже и поставлен вопрос о том, чтобы ей воспрепятствовать. Реннер занимается этим фантастическим вопросом только потому, что обходит действительную проблему.

войны держалось того мнения, что наступит день, когда канцлер должен будет так заговорить. Меньшинство предвидело такое заявление канцлера и буржуазных партий о целях войны, и оно полагало, что в интересах мира необходимо своевременно оказать им сопротивление. Большинство же создало себе совершенно фантастическое представление о политике канцлера. Оно называло клеветником каждого, кто утверждал, что Бетман-Гольвег в конце концов будет вынужден выступить с аннексионистскими намерениями. Оно было твердо убеждено, что правительство стоит на его почве, отстаивает его программу и что можно спокойно положиться на правительство. „Бетман-Гольвег—вот моя надежда". К этому, в течение двадцати месяцев, фактически сводилось мнение большинства германской социал-демократии и таким оно в значительной мере осталось и после 5 апреля. Удивляться этому могут только те, кто не знает, что „большинство" легче расстанется со своей демократической программой, нежели с правительством.

Это полное слияние с правительственной политикой, наблюдаемое у большинства социалистических партий, как во Франции, так и в Германии, в последнем счете объясняется тем, что тут и там вся политика всецело строится на победе оружия. Такое же явление наблюдается во всех прочих странах. Агентство Рейтера разослало 30 марта отчет о собрании „трудовой партии" в Лондоне, на котором присутствовали Эмиль Вандервельде и Камилл Гюисманс. Им там разъяснили, что „в настоящее время для рабочей партии единственной задачей является победоносное окончание войны". Мы не знаем, соответствует ли истине этот отчет или это обычная агентская выдумка. Существенно здесь то, что это может быть и правдой. В приведенном сообщении, значительной части английских рабочих приписывается то же самое, что заявили французские социалисты, определенно постановившие в манифесте своего съезда в декабре 1915 г., что они „будут продолжать вотировать кредиты, дабы обеспечить средства для победы". А Эрве, как человек откровенный, прямо называет свою газету „Победа" („La Victoire"). Даже в России сторонники Плеханова тоже требуют победы, которую считают необходимой предпосылкой для превращения русских в промышленную нацию. А что у социалистических партий центральных держав воля к победе не менее сильна, чем в странах Согласия, это, кажется, не требует доказательств.

Пролетарии всех стран исполнены общим желанием победы, но каждая страна желает другой победы. Вот основной момент, являющийся препятствием для какой бы то ни было интернациональной политики.

И здесь начинается работа меньшинства социалистических партий. Они ищут платформы, на которой могли бы объединиться

пролетарии всех стран. Такая платформа, разумеется, возможна только на почве истинной демократии. Группы большинства этим не интересуются. Они стремятся к победе, которая позволила бы продиктовать мир, и им нет надобности задумываться над усилиями, необходимыми для соглашения о мире. И вот мы видим, что Шейдеман в своей речи 6-го апреля прямо издевается по поводу условий такого соглашения. Он изощряется в остроумии над „залежавшимися" дипломатами, которые придумали status quo ante. Слов нет, status quo ante имеет много дефектов, и социал-демократы всех направлений сходятся на том, что со временем его надо будет изменить. Но этот status quo ante имеет одно преимущество, которое совершенно бесспорно: он ясно определяет объект обороны, он указывает единственный объект, к которому, вообще, допустимо применять понятие обороны. Шейдеман, может быть, и прав, когда говорит, что только „политические младенцы" полагают, что в такой грандиозной войне нельзя передвинуть ни одного пограничного столба. По его словам выходит, что этот лестный эпитет заслуживают все, кто верит в возможность чисто оборонительной войны в эпоху империализма. Но меньшинство никогда не верило в такую возможность. Оно всегда было убеждено, что господствующие классы всячески будут стремиться к завоеваниям, но вместе с тем оно всегда полагало, что те, кто не выставляют и не отстаивают постулата о недопустимости передвижения пограничных столбов вопреки воле народов — перестают быть социал-демократами.

Речь имперского канцлера, произнесенная 5-го апреля, показывает, какое огромное упущение сделало большинство германской социал-демократии, когда оно в течение всей войны отказывалось от настойчивого отстаивания своих требований. Речь Шейдемана на следующий день доказала, что большинство и впредь не намерено стремиться к политическому влиянию. Оно продолжает идти рука об руку с правительством и рассчитывает только на победу оружия. Поэтому оно считает излишним стремиться к созданию психологических условий для международного соглашения, к созданию общей программы. И в случае победы оно тоже не будет стремиться к фактическому влиянию, ибо оно прекрасно знает, что господствующие классы сильнее и заключат такой мир, какой они пожелают. Такая позиция большинства вызывает со стороны меньшинства резкую политическую оппозицию. Меньшинство убеждено, что общая почва для соглашения существует и общая программа возможна. Циммервальдская конференция является убедительным доказательством, что традиционные принципы демократии и социализма дают возможность демонстрировать международную солидарность и во время войны. Политика фракции большинства в различных странах совершенно исключает подобное совместное

выступление. Пролетарии, желающие победить друг друга, не могут объединиться для общего международного выступления. Трагический конфликт, в котором находится рабочий класс, заключается не в том, что пролетарии вынуждены воевать друг с другом. Он начинается лишь тогда, когда они хотят победить друг друга. А так как эта воля к победе имеется у фракции большинства в социалистических партиях всех стран, то надежды на воссоздание Международного Социалистического Бюро совершенно тщетны. Существует внутреннее противоречие, которое делает невозможной такую совместную работу. Когда вину за крушение Интернационала взваливают на французов, это является искажением действительных фактов. Они только откровеннее других. Они знают, что, пока расчет строится на победе оружия, международное соглашение относительно мира может быть только фарсом. Пусть себе Камилл Гюисманс старается созвать конференцию, пусть Эмиль Вандервельде заявляет, что пора заключить мир в пределах Интернационала, пусть Реннер говорит, что правления германской и австрийской партии сначала войны были единственными, которые требовали созыва Международного Бюро и готовы были вступить в переговоры, пусть германская партия собирает целую коллекцию документов, свидетельствующих об упорстве французских социалистов, все это не меняет того, что Интернационал невозможен, пока группы большинства проникнуты той волей к победе, которая одинаково проявляется у Шейдемана и Давида, Реноделя и Самба. Международная солидарность может возродиться только благодаря тому настроению, которое воодушевляет группы меньшинства. Только отсюда может начаться переход Интернационала от фразы к действительности.

Несхоластический спор вызывает глубокий раскол в движении. Нет, в рядах социал-демократии обнаружилось серьезное политическое противоречие. На одной стороне стоят социал-патриоты и социал-империалисты, сознательно или бессознательно капитулировавшие перед господствующими классами, отказавшиеся от всякой самостоятельной политики и ограничивающиеся тем, что поддерживают политику правительства. На другой стороне стоят те группы меньшинства, которые в настоящее время видят свою главнейшую задачу в том, чтобы убедить пролетариат в необходимости использовать свое политическое влияние, в необходимости вести политику, которая была бы политикой Интернационала.

„Kampf“ („Борьба“). Май 1916 г.

Открытое письмо Камиллу Гюисмансу.

Дорогой товарищ!

Вы прислали в редакцию „Kampf'a“ манифест исполнительного комитета от 1 мая. Мне хочется высказать вам свое личное мнение по этому поводу, так как у меня есть основание надеяться, что в отношении меня исключены некоторые возможности недоразумений. До начала войны мы почти ежедневно переписывались в связи с подготовкой международного конгресса в Вене, и с того времени вам памятно, как дорога для меня не только идея Интернационала, но и ее воплощение в организации. Вы знаете также, какое значение придавал я деятельности Международного Бюро во время войны, и припоминаете, что я пытался отражать несправедливые нападки германских и австрийских товарищей на брюссельское Бюро. Следовательно, вы не будете предполагать у меня дурную предвзятость, и я даже не сомневаюсь, что вы признаете меня искренне убежденным во всем, что я скажу. Именно поэтому я считаю себя не только в праве, но и обязанным откровенно высказать свое мнение о вашем последнем манифесте и о том круге идей, которым он порожден.

Я не сомневаюсь, что за весь продолжительный период войны вы прилагали всю свою волю и всю свою энергию к тому, чтобы устроить заседание Международного Бюро. Но в этой задаче вы всегда видели только дипломатическую проблему, а потому старались скорее затушевать внутренние противоречия в Интернационале, чем определенно их выявить. А между тем именно такое выявление является первым условием для того, чтобы найти выход из нынешней ситуации.

Вы правильно указали в своей речи в Арнгейме, что штутгартский международный конгресс признал принцип государственной обороны. Принцип государственной обороны, как таковой, действительно не противоречит существу Интернационала. Защищать можно только то, что уже существует и, если социалисты отдельных стран действительно могли бы ограничиться защитой своего ныне существующего отечества, то это еще не заключало бы в себе логического противоречия с одновременной интернациональной деятельностью на пользу мира. Но никто не может отрицать, что война эта показала нам, что государственная оборона pure et simple (в чистом виде) является теоретической абстракцией. В действительности же в настоящее время борьба за существование народа неразрывно связана с борьбой за

цели империалистской насильственной политики. В будущем Интернационалу придется считаться с этим и как-нибудь разрешить вопрос, должны ли социалисты, как это было в нынешней войне, мириться ради интересов государственной обороны с империалистическими целями господствующих классов, или они должны и во время войны главной своей задачей считать отражение империализма. Но здесь я хочу говорить не о великой проблеме будущего, а о более скромной проблеме настоящего.

Внутреннее противоречие в социал-демократии проявляется в том, что социалисты стали не только пассивно, против своей воли, орудием империалистической насильственной политики, но что они в своей практической политической деятельности активно вышли далеко за пределы идеи государственной обороны. Государственная оборона есть отражение противника, т.-е. нечто вполне отрицательное. Тем, что социалисты в некоторых странах вышли за пределы чисто отрицательной деятельности и выставили положительные цели войны, они неизбежно оказались в противоречии друг с другом. Важнейшим последствием выставления положительных военных целей была невозможность удовольствоваться устранением опасности поражения. Нужно было требовать победы над врагом, а это уже привело к сближению с господствующими классами в очень существенном пункте.

Конфликт в Интернационале вызывается не отношением к миру вообще, а условиями, которые ставятся для мира. Мира хотят теперь все и повсюду, но большинство людей и, к сожалению, большинство социалистов ставят победу своей страны непременным условием мира. А так как обе группы держав не могут одновременно оказаться победителями, то на этом базисе интернациональная работа на пользу мира исключается не только фактически, но и логически. Вы признаете это в своем манифесте, когда констатируете, что „различие во мнениях главным образом касаются момента для заключения мира“. Социалистические партии одной группы держав могут требовать немедленного заключения мира потому, что их государства находятся в выгодном положении, а другие не требуют его, так как желают выждать, пока и для них не наступит такое же условие, пока война не примет такого оборота, который обеспечит для них победу. Большинство социалистов в большинстве стран выражают одну и ту же мысль, одну и ту же волю к победе.

И конфликт заключается именно в том, что желания у всех одинаковы, ибо эти желания направлены друг против друга, и каждый требует победы для своей страны. Не буду здесь спорить о правильности этого требования. Я только констатирую, что именно это требование исключает и должно надолго исключать интернациональные выступления.

На этот счет нельзя заблуждаться, ибо, если даже военное счастье изменится, то противоречие останется по-прежнему. Только ролями переменятся.

Задача обороны по существу своему имеет известный предел. Она должна воспрепятствовать поражению своего народа, но отнюдь не стремиться к победе над другими народами. Эта же элементарная мысль постоянно затемняется тем, что смешиваются военная и политическая точки зрения. Армии воюющих государств, разумеется, стараются, пока идет война, захватить возможно больше пространства, подобно газу, который старается распространиться возможно шире. Но отсюда еще не следует, что государства в своих политических действиях должны следовать примеру газов. Наоборот, принцип государственной обороны предполагает, что во время войны государства в политическом отношении уподобляются упругим телам и подобно им противятся всякому умалению своих размеров, но вместе с тем и не стремятся к расширению их.

Принцип государственной обороны ни с военной, ни с политической точки зрения не заключает в себе требования победы. Это принцип чисто отрицательный. С военной точки зрения он означает устранение возможности поражения, с политической — сохранение существующего, т. е. самостоятельности страны и ее границы. Для создания военной обстановки взаимные действия пушек несравненно важнее всех социалистических резолюций, но для политической ситуации важно прежде всего, имеется ли стремление политически использовать военную победу. Группы большинства в социалистических партиях почти всех стран обнаруживают это стремление, и это препятствует интернациональной деятельности на пользу мира.

Скрытая или явная надежда на добычу — вот мотив, по которому, с одной стороны, момент заключения мира ставится в зависимость от момента победы, а с другой стороны — возникают разногласия по вопросу о содержании мира. Ибо ведь надо признать, что разногласия по этому вопросу имеются налицо в такой же мере, как и относительно момента заключения мира. Разница только в военном положении. Одни предпочитают говорить о содержании мира, другие — о его моменте. Оба метода направлены на то, чтобы уклониться от выполнения обязательств, налагаемых международной солидарностью. Эти обязательства будут выполнены лишь в том случае, если одновременно заговорят о моменте и содержании мира. Но потребовать немедленного мира на строго определенных условиях нельзя, доколе люди строят свои политические расчеты на военной победе.

Принцип государственной обороны в этой войне постигла своеобразная судьба. Те, кто заставили служить войне не только

пролетариев, как граждан, но и социалистические партии, как организации, и кто, следовательно, более чем одобряют этот принцип в военном отношении, не могут решиться признать его своей политической программой для заключения мира. И наоборот, социалистические группы меньшинства, которые высказывают серьезные сомнения относительно правильности отношения, проявленного до сих пор Интернационалом к военной стороне государственной обороны, прилагают все старания к тому, чтобы политическое содержание принципа государственной обороны сделать основой международного соглашения и международных выступлений пролетариата. Ибо старое требование демократии—никаких аннексий—есть не что иное, как признание существующего, признание государств в тех границах и с той независимостью, какой они пользовались до войны. Иначе говоря, это есть фактическое признание политического содержания принципа государственной обороны. И это политическое содержание принципа государственной обороны есть то, что одно только может стать существенным ядром всякой социалистической программы мирного договора и что должно быть принято, как программа Интернационала.

Почти все прочее, что выставляется социалистами под видом условий мира, есть лишь уловка, прикрывающая стремление к победе, и служит не делу мира, а, наоборот, предназначается для ведения войны до конца.

Такие уловки в настоящее время чаще раздаются с той стороны окопов, особенно со стороны французских социалистов. Но не следует заблуждаться: все происходит параллельно, и различие оттенков вызывается не национальными свойствами, а военным положением в каждый данный момент. А потому исследуем эти уловки, прикрывающие собою стремление к победе, не как грехи французов, а как грехи социалистов.

1. Война должна продолжаться, пока враг не очистит занятую территорию. Совершенно очевидно, что здесь спутаны военная и политическая точки зрения, между тем такое заявление постоянно повторяется. Освобождение страны от вражеских войск, как вытекающее из принципа государственной обороны, является, конечно, необходимым условием мирного договора. Но требование, чтобы всякое вторжение было перед заключением мира ликвидировано в военном порядке, свидетельствует о непонимании этого принципа. Тот, кто требует освобождения территории не в результате мира, а в виде военного успеха, для того это только прозрачный предлог, прикрывающий стремление к победе.

2. Войну надо продолжать, пока не будет побеждена война. Или, как прекрасно выражаются: целью войны является покончить с войной вообще. Но война не будет уничтожена

победой одной из воюющих групп. Обе они настроены империалистически, обе одинаково далеки от того, чтобы защищать интересы пацифизма. Война, как таковая, со своими ужасами, рождает пацифизм, но победа капиталистических правительств никогда не принесет нам вечного мира. Он будет достигнут только благодаря победе социализма. И точно так же, как от империалистических держав нельзя ожидать вечного мира, нельзя ожидать от их победы более прочных гарантий для мира. Международные третейские суды, ограничение вооружений, отмена тайной дипломатии — эти требования мы ставим при всяком случае, но мы не ставим их во время войны в качестве условий мира. Мы желаем успехов идее мира, но в продолжение войны мы не видим средства, которое способствовало бы этим успехам. А потому мы обязаны разоблачать „пацифизм", как уловку, скрывающую за собою стремление к победе.

3. Война должна продолжаться, пока не будет достигнуто право на самоопределение для всех народов. Идея войны за освобождение народов имеет за собою самые лучшие традиции демократии, и тем не менее, в настоящее время, она есть лишь уловка, скрывающая стремление к победе. „Освобождение Польши", „освобождение Эльзас-Лотарингии" оказались чрезвычайно запутанными проблемами. Требование национального объединения встречается с требованием единых хозяйственных территорий. Речь идет в настоящее время не о простом удовлетворении ясно выраженных национальных прав, а о проблемах, которые неразрешимы в эпоху капитализма. Ни население Польши, ни население какой-либо другой области, которую собираются „освободить", не имеет однородных или хотя бы одинаково направленных интересов. Социал-демократия, которая с гордостью называла себя всегда освободительницей народов, не в состоянии выполнить свою задачу в пределах капиталистического строя и при помощи методов войны. Она не может для освобождения народов предложить программу на сегодняшний день — программу войны. Она осуществит право самоопределения только посредством создания национальной автономии в эпоху социализма. Но, главное, мы и в вопросе освобождения народов не должны ничего ожидать от победы империалистических держав. Мы будем счастливы, если мирный договор действительно будет способствовать прогрессу демократии в Европе. Мы с радостью примем всякий успех в этом направлении, но мы не можем сделать его условием мира. Мы должны быть довольны, если и в отношении права на самоопределение народов не наступит ухудшения в status quo ante. Интернационал был солидарен в убеждении, что нельзя начинать войну под предлогом освобождения какого-нибудь народа, будут ли то поляки, сербы или эльзасцы. Интернационал может снова объеди-

ниться только тогда, когда вместе с прочими утопиями откажется от продолжения войны в целях освобождения народов. Мы не склонны восхищаться миром в нынешнем его виде, мы не считаем войну средством, пригодным для его исправления, а потому нам надо разоблачать демократию, когда она служит предлогом, за которым скрывается стремление к победе.

В вашем манифесте, товарищ Гюисманс, вы предлагаете „рассмотреть все политические вопросы, которые надлежит разрешить в мирном договоре". Такое рассмотрение можно осуществить очень легко, если стремление к победе будет заменено в социалистических партиях стремлением к Интернационалу, если сторонники военного метода государственной обороны согласятся принять государственную оборону, как единственную политическую цель. Но должен произойти внутренний поворот. Отрезвление должно начаться в рядах социалистических партий отдельных стран. Мы можем строить наши расчеты только на росте сознания, что под предлогом „пацифизма", „демократии" и всех прочих „социалистических" целей войны — обделываются дела империализма. Только разрыв с политикой господствующих классов откроет путь для политики Интернационала.

Этому процессу развития ваш манифест мало помогает. Слишком явственна на нем печать растерянности, стремления как-нибудь отписаться: ut aliquid fiat. Подлинной задачей момента была бы пропаганда идеи, что всякий призыв к победе — есть удар по Интернационалу. Теперь же мы стоим перед печальным явлением: бюрократический аппарат Интернационала находится в Гааге, его живая идея — в Циммервальде. Я далек от намерения разрушить созданный, благодаря вашим неимоверным усилиям, бюрократический аппарат. Но он представляет ценность лишь постольку, поскольку снова станет орудием истинно-интернациональных мыслей и поступков. Я жалею, что внешние обстоятельства помешали мне принять участие в циммервальдских конференциях, но я отнюдь не склонен переоценивать их значение. Я прекрасно знаю, что нельзя достичь значительных результатов, когда преобладающее большинство социалистов находится не на стороне Интернационала, а в другом лагере. Но я ценю циммервальдские конференции, как живое доказательство того, что международная солидарность и во время войны может найти себе выражение, когда опирается на традиционные принципы демократии и социализма.

22 месяца бушует мировая война, и ни разу не удалось устроить совещания в Международном Бюро. При таких условиях нужна смелость, чтобы утверждать, что Интернационал еще жив. Это — призрачная жизнь, жизнь в архивах. Снова пробудить Интернационал к жизни,—задача слишком значительная, чтобы ее можно было осуществить дипломатическими средствами. Созыв циммервальдской

конференции удался, а бюро в Гааге все еще не в состоянии созвать конференцию, на которую приглашены социалистические партии воюющих стран. Уже один этот факт должен заставить серьезно призадуматься.

Простите, что я вам так подробно высказал свое мнение, но, я надеюсь, вы меня поймете. Ваше международное сознание одержало верх над национальной предвзятостью, несмотря на весь ужас, который пришлось претерпеть Бельгии. Это истинно интернациональное направление мысли, которое объясняет ваши выдающиеся успехи в качестве посредника между социалистическими партиями, связывает нас и теперь, несмотря на все разногласия относительно ближайшей задачи Интернационала. В знак этого общего нашего направления мыслей приветствую вас, как старый ваш друг.

Фридрих Адлер.

„Kampf“ („Борьба“). Июль 1916 г.

Идеи 1789 и 1914 годов [1]).

Профессор политической экономии в Мюнстерском университете Иоаган Пленге требует в последнем своем произведении [2]), чтобы за ним признали авторское право на лозунг „Идеи 1914 года“. Он уверяет, что он пустил это выражение в оборот еще в начале 1915 г. в своей книге „Война и народное хозяйство“. Затем оно было подхвачено шведским государствоведом, профессором Геттенбургского университета Рудольфом Чьелленом, лекции которого, под заглавием „Идеи 1914 года“, вышли отдельным изданием также и в немецком переводе. Той же темой занялся бывший теолог, а теперь профессор философии в Берлине Эрнст Трельч, напечатавший в майской книжке „Нового Обозрения“ („Neue Rundschau“) доклад „Об идеях 1914 года“, прочитанный им в берлинском „Обществе 1914 г.“. В этом обществе, как известно, кроме консерваторов и национал-либералов, принимают участие также и некоторые члены социал-демократической партии.

Чьеллен называет свою брошюру „одним из орудий в борьбе против истрепанных лозунгов французской революции“ (стр. 3). Он говорит:

Мировая война, это—война между 1789 и 1914 годами. Первый представлен Францией и Англией, последний—Германией. Возродившаяся в

---

1) Доклад, сделанный в просветительном обществе „Карл Маркс“ в Вене 23 июня 1916 г.

2) „1789 und 1914. Die symbolischen Jahre in der Geschichte des politischen Geistes“.

наше время германская мировая идея (Рорбах) вступила в решительную борьбу с французской идеей, появившейся в эпоху великой революции. (Стр. 6).

Уже Вернер Зомбарт[1]) провозгласил новую истину, что „идеи 1789 г.—свобода, равенство и братство—являются самыми настоящими торгашескими идеалами" и „совершенно непригодны для того, чтобы построить на них характерный для современности героический идеализм".

Противопоставление идей великой французской революции идеям нашего времени объединяет Пленге с Чьелленом, но в истолковании идей 1914 г. они уже не сходятся. Чьеллен—консерватор, и в идеях 1914 г. он прежде всего приветствует новую зарю христианства—отказ от либерализма. Он пишет (стр. 46):

Такой поворот сейчас нужен и желателен. Поворот от идей 1789 года к новой звезде 1914 года, холодной, но ясной звезде долга, порядка и справедливости. Только тот, кто уже испытал на себе притягательную силу этого небесного светила, может понять глубину и размер отвращения, охватывающего сторонников новой идеи в затхлой атмосфере 1789 г. Только тот поймет, почему мы не можем теперь присоединиться к людям, проливающим реки слез по поводу проклятия войны. Проклятие является для нас необходимостью, которая очистит и закалит наши сердца.

Для Пленге, наоборот, идеи 1914 года являются прежде всего выражением „национального социализма" (стр. 82), и он даже утверждает, что они могут быть включены в процесс развития социализма, как „идеология первого осуществившегося в действительности социалистического общества" (стр. 84). Он серьезно уверяет нас:

Подлинное государство будущего явилось на свет в виде усиленного германского национального государства, которое не устранило классовые интересы посредством проявившегося в войне сознания единства,—ибо это невозможно, но преодолело их посредством более возвышенной идеи. (Стр. 18).

„Первое осуществившееся в действительности социалистическое общество", „подлинное государство будущего" является результатом „германской революции 1914 года".

С 1789 года мир не знал такой революции, как германская революция 1914 года, революция строительства и объединения всех государственных сил XX века в противовес революции разрушительного освобождения XVIII века. (Стр. 15).

По мнению Чьеллена, идеи 1789 года вытесняются тем, что место свободы занимает порядок, место равенства—справедливость, место братства—положение детей в отчем доме. Он говорит (стр. 34):

Порядок—вот великое слово, вот первая идея 1914 года, которая должна уничтожить выродившуюся в беспутство свободу 1789 года. По-

---

[1]) „Händler und Helden", стр. 113.

рядка жаждали мы в нашем разложившемся обществе, в наших опустошенных душах, жаждали в такой же мере, как люди 1789 года жаждали свободы. Они страдали от абсолютизма, мы страдаем от свободного строя. У каждой эпохи свои лекарства для болезней, которыми она страдает, но требовать еще больше свободы в такую эпоху, которая больна от избытка свободы, это и с практической и с моральной точки зрения ничуть не лучше, чем когда алкоголик требует водки для того, чтобы устранить последствия злоупотребления спиртными напитками.

И точно так же восстает Чьеллен против „механического атомизма в мечтаниях о равенстве“ (стр. 37):

Справедливость — вот новое слово, которое должно уничтожить поверхностное равенство... Равенство, как принцип, означает концентрацию человечества на среднем уровне. Существует для этого выражение менее симпатичное: Прокрустово ложе.

Мелкие должны быть возвеличены, крупные умалены. От себя добавим: „последнее более достижимо, нежели первое“. Неизвестно, вырастут ли мелкие благодаря равенству, но несомненно, что крупные будут умалены. Равенство означает обезглавление человечества (стр. 35 и 36).

Меньше возражений у Чьеллена против братства, которое и по самой идее и по историческому своему происхождению стоит несколько в стороне от остальных „великих фраз 1789 года“.

Поскольку здесь указывается на космополитический идеал, лежащий за пределами национальных объединений, мы противопоставляем такому братству духовного ордена положение детей в отчем доме—как современную идею. (Стр. 38).

В отличие от Чьеллена Пленге видит основную идею 1914 года не в „порядке“, а в „организации“.

Полемика Пленге против неосновательных идей 1789 года ведется им на почве философии. В то время, как Чьеллен и Трельч опираются на Канта и в возвращении от понятия права к понятию долга видят возрождение категорического императива кантовской этики, Пленге усматривает в идее 1914 года победу Гегеля и прямо заявляет: „Разногласие между 1789 и 1914 годами выражается в философии в виде разногласия между Кантом и Гегелем“ (стр. 92). А потому „представителей идей 1914 года не пугает перспектива оказаться в конфликте со стариком Кантом“ (стр. 10), так как кантовская философия по справедливости считается „самой строгой формулировкой идей 1789 года“ (стр. 149). Мы не собираемся здесь заниматься философским спором, а постараемся только уловить историко-политическую сущность этих любопытных разногласий. Это особенно необходимо потому, что здесь дело не в профессорах, выступающих в качестве борцов на идеологическом турнире—один в качестве консерватора, а другой под маской социализма. Дело в том, что однородные мысли встречаются теперь и среди социал-демократов. Они проявляются в отрицательной форме в отказе от революци-

онной и демократической идеологии 1789 года, а также и в форме положительной, в виде новой ориентации социализма, причем подхватываются идеи старого ревизионизма и 1914 г. рассматривается, как исторический поворот, как некое „вращение в социализм". Теоретическим представителем этого направления в Австрии является тов. Карл Реннер. Его воззрения относительно демократии и социализма удивительно совпадают с взглядами Пленге, точно так же, как его воззрения относительно средне-европейского „оборонительного и экономического союза" находятся в полной гармонии со взглядами Наумана. Реннер указал, что он пришел к своим выводам совершенно независимо от Наумана и, разумеется, его новая точка зрения на демократию и социализм тоже усвоена им вполне самостоятельно. Тем поучительнее полный параллелизм между идейными представителями империалистической буржуазии и рабочего класса.

* * *

В начале войны, когда миновало первое ошеломляющее впечатление ее, с запада до нас донеслись вопли презрения по поводу „измены культуре", которую совершили „боши", негодование по поводу „цинизма", с которыми они ставят силу на место права, хладнокровно нарушая права наций. Не переставали возмущаться фразой Бетман-Гольвега: „Нужда не знает законов", которой он оправдывал нарушение нейтралитета Бельгии. По первому впечатлению все это должно было казаться комедией со стороны французской буржуазии, которая в действительности столь же проникнута империализмом, как и германская, и которая, разумеется, во всех своих действиях руководствуется политикой силы и насилия. В устах империалистической французской буржуазии все эти разговоры о „свободе и независимости народов", ссылки на „демократические идеалы 1789 года" должны были казаться чистейшей фразой. Было ясно, что действительное различие между господствующими классами Германии и Запада сводится только к разнице в терминологии. Впрочем, даже и этого нельзя сказать, ибо в начале войны господствующие классы у нас применяли такую же демократическую терминологию. Ведь и они, подобно французам, воевали с реакцией на востоке, собирались нести свободу народам и ниспровергнуть деспотизм. Во Франции эта манера выражаться сохранилась до настоящего времени. У нас додумались до „идей 1914 года". У нас уже теперь открыто говорят, что война должна нам дать „территорию, людей и богатство", и что дело идет об „интересах, связанных с соотношением сил", а не о фразах насчет каких-то прав. В этом смысле все, что пишется об „идеях 1914 года", представляет собою отрадное явление, ибо здесь мы имеем

исповедь, или, если угодно, признание. Фразистая оболочка спадает с классовых интересов буржуазии.

Но не всюду и не всегда положение так просто, как у немецкой буржуазии. Маркс уже в своем „18 брюмера“ со всем ему свойственным сарказмом отметил противоречие между „боевыми лозунгами, костюмами и традиционными масками“, в которых совершаются исторические перевороты, и теми весьма трезвыми результатами, которые получаются из этих переворотов. Он учит нас отличать в великой французской революции „возрождение римского духа“ от трезвой действительности буржуазного общества, сидящего у себя за конторкой. В настоящее время тоже необходимо проводить различие между действительными силами и их идеологической костюмировкой.

Для буржуазии демократическая фраза является только маской, под которой она борется за империалистические цели. Но если необходимо сорвать с нее эту маску, и показать политику империалистического насилия в подлинном ее виде, то все же было бы неправильно считать демократию вообще фразой или маской.

Во всех странах во время войны встречались люди, которые отдавали свое перо на служение войне и изображали враждебный народ, как единое целое, отравленное насильнической идеологией империализма. У нас мы имеем книжку Карла Лейтнера, в которой империализм изображается в виде русского национального свойства, одинаково присущего не только крупным капиталистам, но также крестьянам и поэтам. И точно так же деятели Согласия пишут, что вся Германия проникнута идеологией насильственной политики, причем приводят ряд писателей в доказательство того, что вся духовная жизнь Германии есть выражение этой идеологии. Такую картину рисует, например, профессор Женевского университета Эдгар Мильо, считающий себя социалистом. В книжке, где, между прочим, встречаются весьма любопытные мысли, он ведет немецкую насильственную идеологию от Канта через Штирнера к Ницше и для сопоставления берет заявления Бисмарка и Бетман-Гольвега. При помощи целого ряда цитат он показывает, как распространен в Германии дух насилия, и утверждает, что там отсутствует стремление к правовому строю, а имеется только стремление к владычеству.

Ошибка этих рассуждений заключается в том, что они приписывают целым народам свойства, которыя надо исследовать только у отдельных классов. Стремление к власти, к империализму не есть свойство каких-нибудь отдельных народов, а является характерным признаком господствующих классов всех народов. Но это только начало исследования, ибо вопрос заключается в том, как относится пролетариат к этой насильственной империали-

стической политике, носительницей которой является буржуазия всех стран? Как относится пролетариат к европейской демократии?

Вопрос требует в настоящее время серьезного исследования. Если до войны разумелось само собою, что пролетариат должен вступить в права наследства, оставшегося от буржуазной демократии, если например в нашем журнале „Kampf“ 70-летие Августа Бебеля приветствовалось, как „праздник германской демократии“, то теперь многое в этом направлении изменилось. Тогда Отто Бауер писал:

Германская буржуазия давно забыла революционный национальный принцип, отстаивая который, Бебель был побежден Бисмарком. Но история народов не знает забвения. Когда хаос на востоке придет в движение, когда нации восточной Европы начнут борьбу за реорганизацию своей национальной жизни, когда для Европы снова наступит эпоха войн, революций, государственных новообразований,—тогда снова возродятся идеи, заполнившие юные годы этого человека, которого сегодня германские рабочие чтят, как последнего представителя германской демократии.

То, что все ожидали, действительно наблюдалось в начале войны. Лозунг „против царизма“, так сильно подействовавший на рабочие массы, был связан с лучшими традициями германской демократии. И то же самое наблюдалось во всех остальных странах. Всюду демократическо-революционная нота приводила в движение пролетариат. У нас кричали „против русского царизма“, в Англии и Франции „против германского цезаризма“, „против прусского милитаризма“. Это влияло и на настроение в нейтральных странах, в особенности в Италии. Но когда мировая война все больше стала обнаруживать свою сложность и запутанность, когда поняли, что это не только война с востоком, но одновременно и неизбежно война с западом, когда все больше выяснялось, что это, вообще, не война за демократию Европы, а только война капиталистического империализма, когда демократические лозунги утратили притягательную силу и понадобилось примирить пролетариат с империализмом,—тогда оказалось, что демократическая идеология совсем не так крепко сидит в германском пролетариате, как это обыкновенно думали. В целом ряде симптомов проявилось равнодушие по отношению к демократии, доходившее до отказа от нее и даже до предательства демократии отдельными вождями рабочего класса, которые открыто мирились с империализмом. Стало ясно, что не только господствующим классам, но и некоторым частям пролетариата идеи 1789 года уже стали чужды.

Великая французская революция, принесшая с собою экономическое господство буржуазии, с правовой стороны своей была борьбой за конституцию. Поднимавшаяся буржуазия захватывала власть, бросая на весы свою численность. Ее борьба за власть облекалась в форму борьбы за право, она прославлялась, как борьба за равноправие людей, она была борьбой за демократию. С этой точки зрения и борьба пролетариата за власть есть

борьба за демократию. Благодаря равноправию численно наиболее сильный класс—пролетариат—приобретает влияние, и если в дальнейшем не будет государственного переворота, то и получит власть. Таким образом борьба за демократию являются частью классовой борьбы пролетариата. Успехи демократии соответствуют классовым интересам пролетариата. В Австрии это не требует особых пояснений. Здесь великая борьба за избирательное право отчетливо выявила всю силу демократического сознания, имеющуюся в пролетариате. И нет сомнения в том, что, если снова окажется возможным успех демократии, то каждый социал-демократ приложит все свои силы для достижения этого успеха. Но в настоящее время, несмотря на то, что есть достаточно оснований жаловаться на отсутствие конституционных гарантий, и несмотря на то, что этот недостаток в общем сознается в партии, все же приходится констатировать весьма своеобразные симптомы приспособления к военному абсолютизму. Верность убеждениям, вообще, не наша добродетель. Твердость принципов является скорее предметом насмешек для австрийца, и он предпочитает обделывать делишки с абсолютизмом и выторговывать все, что можно, чем быть заподозренным в неколебимости демократических убеждений. Признаки фатализма, вызываемые всякой абсолютистской эпохой, проявляются в соблазнительной форме в статьях Карла Реннера. Он прилагает все свои силы для того, чтобы доказать необходимость административной реформы, но, если мы перелистаем всю его книгу об „Обновлении Австрии“, мы едва ли найдем намек на необходимость соблюдения конституционных норм в государстве. Наоборот, все построенно на предположении, что § 14 будет служить органом обновления Австрии. Реннера, который в свое время под самыми разнообразными псевдонимами потратил столько сил в избирательной борьбе, мы не заподозрим в несочувствии принципам равноправия. Но это не должно нам мешать подвергнуть критическому анализу его соображения. Реннер прав, когда он говорит, что хотя ликование по поводу победы в избирательной борьбе психологически вполне понятно, но все же „народный парламент“ был только первым шагом на пути к обновлению Австрии. Для того, чтобы не последовало безграничное разочарование, нужно было вслед за избирательной реформой провести административную реформу и создать национальную автономию. Но сам Реннер обращает все внимание исключительно на задачи, которые не были решены, впадает в обратную ошибку: он полагает, что эти задачи можно разрешить самостоятельно, что обновление Австрии может произойти при господстве абсолютизма и что вся задача сводится к тому, чтобы заставить этот абсолютизм быть просвещенным. По его мнению, в Австрии все дело не в борьбе за власть, а в недостатке благоразумия. Отсюда своеобраз-

ная ориентация его политики. Не сила пролетариата должна быть брошена на весы, а прежде всего дарование отдельных его представителей. Это приспособление к абсолютизму, это соглашение с абсолютизмом, просвещенным при содействии Карла Реннера, опасно для социал-демократии, ибо подкапывается под демократическое сознание пролетариата, под его веру в свои силы. Реннер отнюдь не является единственным сторонником этой политики, но мы не хотим здесь говорить о деталях, не хотим говорить о явных намеках на готовность принять социальную реформу в виде подарка сделанного по милости § 14, который таким образом получил бы возможность выступить в роли народного благодетеля. Мы не сомневаемся также, что партия не даст ходу этим тенденциям, но для этого необходимо отдать себе отчет в симптомах, наблюдаемых в Австрии в эпоху, про которую Чьеллен говорит, что она „страдает избытком свободы". Эти симптомы свидетельствуют об ослаблении демократического сознания, утрате понимания того, что такое абсолютизм. Они свидетельствуют о недостатке самоуверенности и мужества.

* * *

Еще важнее банкротство демократического сознания во внешней политике пролетариата.

Идеи 1789 года дали демократии также и программу для международных отношений. Требования для своей собственной страны вытекали из принципа свободы. Надлежало защищать независимость и бороться против всякой опасности иноземного владычества. А затем, в соответствии с принципом равенства, все прочие народы имели одинаковое право на свободу, что естественно вело к признанию равноправия народов. Демократия народов является необходимой предпосылкой интернационализма. С наивной простотой выражен этот демократический принцип в статье шестой конституции 1793 года:

Ст. 6-ая. Свобода есть право человека делать всё, что не вредит другому. Ее принципом является природа, ее правилом—справедливость, охраной для нее служит закон, а моральное величие ее выражено в правиле: не делай другому ничего такого, чего ты не хочешь, чтобы делали тебе.

Старая немецкая пословица „Was du nicht willst, dass man dir tu', das füg' auch keinem andern zu" возводится здесь на степень высшего правила демократии. Такую же мысль выразил Маркс в приветственном адресе Интернационалу в 1864 году.

Простые правила нравственности и справедливости, которые должны определять отношения между частными людьми, должны применяться так же, как высший закон в международном общении.

Все эти идеи теперь остались где-то позади. Признание равноправия за другими народами противоречит идеям империализма. Если, согласно принципам 1789 года, война ставила себе целью восстановление права, то в эпоху капиталистического импери-

ализма это только продолжение торгашества другими средствами. Правда, все еще с пафосом требуют свободы для своего народа, но это уже компенсируется требованием угнетения других народов. Об опасности насилия начинают вопить тогда, когда собираются причинить насилие другие. Неодинаковая мера— вот характерная особенность эпохи, преодолевшей идеи 1789 года. Это возвращение к примитивному эгоизму, который только и думает, как бы извлечь выгоду за счет другого.

Этот дух империализма проник и в рабочий класс. Для недостатка демократического чувства можно сказать символическим является отношение, проявленное к нарушению бельгийского нейтралитета. Несомненно, среди тех грандиозных событий, которые произошли за два года войны, бельгийский вопрос стал второстепенным явлением. Но он наделал не мало вреда, последствия которого сказываются, так как психологическое впечатление, оставшееся у других народов, оказалось чрезвычайно глубоким. Самым скверным было то, что не последовало никакого протеста со стороны германской демократии, что вся Германия молчала и никто, повидимому, не сознавал значения совершившегося. В настоящее время мы уже в точности знаем, как все происходило. Заявление, сделанное социал-демократической фракцией в рейхстаге, 4-го августа было выработано накануне, по соглашению с канцлером. О походе на Бельгию социал-демократам ничего не сообщили, а когда они узнали об этом из речи канцлера 4-го августа, то последний заявил, что он не допустит никаких добавлений к выработанной совместно декларации. Большинство социал-демократической фракции подчинилось этому, и свое соглашение с правительством поставило выше своих обязанностей по отношению к европейской демократии. Впоследствии, благодаря настояниям меньшинства, было сделано заявление о восстановлении Бельгии. Но психологический момент уже прошел, и становилось все яснее, что у многих это заявление было неискренним и что они уже не сознают необходимости демократического равенства народов.

Чем больше затягивалась война, тем смелее подходила империалистическая идея к пролетариату. Последнему предлагалось вступить в компанию со своим правительством и улучшить свое положение за счет пролетариев других стран. Наконец, настал период издевательств над понятием демократии. Пауль Ленш говорил о „болтовне на счет самоопределения“, выражал сожаление по поводу того, что в 1871 году „аннексировали слишком мало“, а Филипп Шейдеман всякими уловками приотворял себе дверцу для завоевательной политики.

Пробовали также посеять сомнения относительно ясности понятия „аннексии“, которое в 1870 году для Бебеля и Либкнехта,

точно также, как для Маркса и Энгельса, имело вполне определенный смысл. Демократия всегда очень строго различала понятия „освобождения“ и „аннексии“. Старый Интернационал отстаивал единую и независимую Польшу—это было ясное освобождение. И столь же энергично восставал он против аннексии Эльзас - Лотарингии, которая, несомненно, представляла собою насильственное завоевание. А теперь применяется такой метод, что говорят об „освобождении“, но готовы принять его в виде аннексии, а потому боятся, что протест против аннексии ударит и по „освобождению“. Виноватой во всем оказывается неясность понятия „аннексии“, но двусмысленность его заключается исключительно в практическом применении, а отнюдь не в теоретических свойствах самого понятия.

Конфликт в рядах германской социал-демократии по существу своему является борьбой за демократию. В конечном счете это борьба за идеи 1789 года. Большинство, которое „переучилось“, в сущности отказывается от демократических убеждений. В этом отношении оно действительно восприняло идеи 1914 года.

Этого явления нельзя наблюдать среди французских социалистов. В силу обстоятельств они не были вовлечены в круг идей завоевательной политики. Их идеология в течение всей войны осталась демократической. Даже идея „восстановления права“ на Эльзас-Лотарингию вытекает из демократических, а не из империалистических идей. Этим мы отнюдь не желаем оправдать идею подобного „освобождения“. Наоборот, мы считаем ее, как и всякое другое „освобождение“, препятствием для деятельности Интернационала. Мы не знаем, может быть французские социалисты и заразились бы империалистическими идеями, если бы военное положение сложилось иначе. Факт тот, что они проникнуты сознанием, что служат только демократии и потому субъективно совесть их так же чиста, как у тех, кто раньше серьезно верили, что воюют с царем в интересах европейской демократии. Большинство французских социалистов и по сейчас еще чувствуют себя субъективно правыми по отношению к германской социал-демократии. С объективной стороны они так же неправы, как и она, ибо они лишены сознания, что тоже борются в союзе с империалистической буржуазией и фактически воюют не за демократию, а за империализм.

* * *

С отрицательной стороны идеи 1914 года характеризуются отказом от демократии. Их положительная сторона заключается, по мнению Пленге, в волшебном слове „организация“. Благодаря этому слову, „идеи 1914 года“ приобретают весьма заманчивый смысл для рабочего класса. Он ценит свою организацию и знает,

что это самое важное орудие в его борьбе. Но слово „организация", взятое в общем смысле, может означать весьма различные вещи. Оно применимо не только к рабочим организациям, но также и к военной организации. А между тем именно это многообразное значение понятия „организации" объединяет пестрое „общество 1914 года". Идеи 1914 года в сущности заключаются в том, что важно не содержание и не цель организации, а сама идея организации.

Между организацией, как средством для достижения цели, и той „германской идеей" организации, которую нам теперь проповедуют, и которая рассматривает организацию, как самоцель, имеется существенное противоречие. Цивилизованный мир до сих пор рассматривал организацию, как орудие культуры. Он считал, что организация служит человеку, чтобы доставлять ему блага культуры. Вместо этого нам подносят теперь новую метафизическую идею организации. Теперь она уже не промежуточное звено, не механизм, созданный из людей и служащий людям, теперь она нечто высшее,—самодовлеющее. Раньше тоже считалось, что организация выше индивидуума и последний обязан подчиняться целому, приноравливаться к организации. Но такое подчинение вытекало не из обожания некоего метафизического существа „организации", а из демократического сознания, которое видит в целом интересы многих индивидуумов. Между тем идея организации 1914 года—это лес, за которым не видно деревьев.

Эта метафизическая идея организации представляет личный интерес для всех тех, на чьей обязанности лежит сохранение работоспособности организационного механизма. Организация, как самоцель, становится идеей, объединяющей бюрократов всех классов и всех видов.

Здесь кроется причина, объясняющая, почему должностные лица рабочего класса могли заразиться идеями 1914 года. Для примера мы попробуем демонстрировать ошибочные соображения, высказываемые некоторыми деятелями профессиональных союзов.

Работа профессиональных союзов является культурной работой в самом высоком смысле этого слова. Но профессиональное „миросозерцание" свидетельствовало бы только о крайне низком культурном уровне. Профессиональные союзы, которые смотрели бы на себя не как на орудие, служащее идеям социализма и демократии, а как на самоцель, действительно должны искать себе места в обществе 1914 года. Есть все основания критиковать таких профессиональных деятелей в Германии—по счастью, это единицы—которые, заразившись чиновничьей идеологией, возвели организацию на степень самоцели и забыли об идее демократии и социализма. И действительно их критикуют те профессиональные деятели, которые являются сознательными социалистами и против их доводов

бессильны такие подтасовки, будто критика посягает на профессиональные союзы, в целом, на их культурную работу.

Все наши учреждения, больничные кассы, профессиональные союзы, кооперативы, коммунальные и парламентские представительства выполняют работу, направленную на непосредственное улучшение материального положения рабочего класса. И хотя нельзя пренебрегать этой работой, но все же эти учреждения ценны только благодаря тому, что они считают себя не самоцелью, а лишь средством для достижения цели. Готовность к самопожертвованию и чувство солидарности, которые явились чем-то таким новым для буржуазии в этой войне, были для рабочего класса совершенно естественным явлением с самого начала рабочего движения. В начале 80 годов одна австрийская партийная газета имела следующий подзаголовок: „Мы отдаем свою жизнь тем высшим целям, для которых наше поколение является только жертвой". В рядах социал-демократии всегда господствовало убеждение, что все ее организации служат не задачам момента, а в последнем счете именно тем „высшим целям".

Ближайшим интересом пролетариата является интерес социальный, заключающийся в непосредственном улучшении материального положения. Но интерес этот отнюдь не является высшим и он по старой традиции социал-демократии подчиняется демократическому интересу, а в области внешней политики интернациональному. Интерес группы подчиняется интересу целого. Но и демократия не представляет собою ничего абсолютного. Она порою должна подчиняться высшему интересу пролетариата—идее социальной революции. Вся сущность так-называемого „пересмотра учения" заключается в том, что эта лестница ставится верхом вниз.

Организация является самым важным орудием социал-демократии. С ее помощью социал-демократия приближается к высшим целям демократии и социализма. Теперь же нам подносят новое учение, по которому социализм совпадает с организацией.

Пленге так и определяет: „Организация это есть социализм" (стр. 18). „Социалистическое сознание" он приравнивает к „организационному сознанию" (стр. 112) и потому легко приходит к убеждению, что „благодаря войне мы в бо́льшей степени, чем раньше, стали социалистическим обществом" (стр. 123). Единственно чего нам еще не хватает, это достаточного количества практически подготовленных экономистов, каковой недостаток Пленге собирается исправить посредством разработки „плана учебного заведения для подготовки практических экономистов". Ибо там, „где будут лучшие экономисты, будет и лучший социализм" (стр. 133).

Аналогичный ход мыслей замечаем мы у Карла Реннера. Он, правда, не так легко себе рисует переход к „социализму и дает обратное определение": социализм с правовой стороны

определяется как организация и администрация (стр. 190). Но он тоже заявляет, что „переход к свободному обществу возможен только посредством организации и администрации", и что предпосылкой социализма является „длительная подготовка масс в области экономической и социальной администрации" (стр. 191). Правда, при этом „отнюдь не требуется, чтобы каждый рабочий окончил высший политехникум". Нужно, значит, не высшее учебное заведение, а только „практическая школа".

Все мысли Реннера направлены на то, чтобы отвлечь пролетариат от борьбы за политическую власть. Система у него последовательная. Организация государства является делом самодержавного правительства, а путь к социализму ведет через кооператив. Вследствие этого становится понятной его глубокая антипатия к великой французской революции. Он с истинным ожесточением обрушивается на эти „опьяняющие картины буржуазных революций", на эту „волну ненужной крови".

Пора было бы пролетариату освободиться от последних остатков буржуазного суеверия и заново написать историю буржуазных революций, дабы рабочие остались свободными от тумана буржуазной фразы и от обманчивых впечатлений, производимых бунтом и скандалом. За последнее время социалисты снова аргументируют, как старомодные либералы, и декламируют, как старомодные демократы, причем такие аберрации выдаются за подлинный марксизм. (Стр. 188).

И не менее ясно говорит он в другом месте:

Тут становится понятной детская иллюзия некоторых людей, которые всё еще думают, что социализм можно создать посредством гениальной классовой авантюры, посредством государственного переворота снизу, который внезапно передаст государственную власть пролетариату и даст ему возможность путем декретов установить государство будущего. Эта иллюзия является плодом ложных представлений, которые слагаются по впечатлениям книг по истории французской революции, причем упускается из виду принципиальная разница между ходом развития буржуазии и пролетариата. Та революция представляла собою задачу для адвокатов, и она ничего общего не имеет с исторической миссией пролетариата. (Стр. 191).

И ту же идею можно встретить у Пленге:

Нет ничего легкомысленнее, как сравнивать создание высоко социализированного общества с той детской игрой, которая называется буржуазной эмансипацией. (Стр. 167).

В противовес современной теоретически прочно обоснованной, жизнеспособной идее организации,—доктринерский марксизм умеет только подстегивать инстинкты масс неосуществимыми теориями и требовать революции ради революции. Он утрачивает все притязания на научность и на освободительное величие своей цели и превращается в ожесточенную попытку, которая с рабской ненавистью требует равного уничтожения там, где необходимо объединить систематически организованные силы для созидательной работы. (Стр. 109).

Только здесь вполне выясняется значение антипатии к 1789 г. Особенно интересна она у Реннера, который неустанно доказы-

вает историческую необходимость насилия в борьбе между государствами и решительно отвергает его в классовой борьбе, как „бунт и скандал“. Неужели Реннер действительно полагает, что его „путь к социализму“ имеет что-нибудь общее с воззрениями Карла Маркса.

Реннер занимает сейчас ту же позицию, что когда-то занимал Эдуард Бернштейн. Но Бернштейн в настоящее время находится в рядах меньшинства, ибо, независимо от всех социалистических теорий, он всегда был честным демократом. Реннер основательнее в своем ревизионизме, он распространил его и на демократические идеалы. Он является в полном объеме сторонником „идей 1914 года“.

* * *

„Ныне наступил исторический час, когда Германия дала великий исторический пример народам Европы“. Так уверяет Пленге (стр. 38). И он не устает твердить об исторической миссии Германии, давшей миру „идеи 1914 года“.

Великое национальное переживание 1914 года породило идеи 1914 года, которые сверх-национальны и которые обеспечивают нации, создавшей эти идеи, культурное господство. В этом смысле 1914 год принадлежит истории социализма. (Стр. 80).

Нам нужно сохранение нашей силы, чтобы остаться здоровыми и стать мощной опорой, духовной главою Европы. (Стр. 15).

Ибо в царстве идей Германия была самым убежденным носителем всех социалистических мечтаний, а в царстве действительности она была самым мощным строителем высоко организованного народного хозяйства. Мы заключаем в себе всё XX столетие. Как бы ни окончилась война, мы останемся народом, который будет служить примером. Наши идеи будут определять жизненные цели человечества. (Стр. 20).

Все мирные предложения, все идеи о мире страдают неизлечимой ложью, если они отправной точкой своей не берут новую Германию с ее новыми идеями и новыми историческими задачами в разрушенной Европе. Если они не сознают, что империя, возродившаяся для новых, более высоких целей, должна быть основательно укреплена внутри и извне, чтобы служить прочной опорой для выскочившей из колеи Европы. (Стр. 130).

„Социализм“, как идея 1914 года, имеет только одну ахиллесову пяту. Пленге указывает на нее, когда говорит, что ничто так не противоречит социальной организации, как одностороннее подчеркивание классового самосознания (стр. 142).

Пленге совершенно прав. Социалистическая общественная организация и классовое сознание противоречат друг другу. Маркс желает разрешить это противоречие тем, что упраздняет классы посредством социализма. „Социализм 1914 года“ сохраняет существование классов и этого достаточно для его характеристики.

Не под знаком военного социализма и военного абсолютизма победит пролетариат. Не в 1914 году родились его идеи.

Это старые идеи Коммунистического Манифеста, идеи социализма и демократии, коротко говоря, идеи социал-демократии.

То, что ново в „идеях 1914 года“, то нехорошо, а то, что в них есть хорошего—не ново. Их внутреннюю сущность определяют следующие слова Пленге, в которых он объясняет нам, какая „организация“ соответствует „германской идее“ организации.

„Если когда-нибудь мы организуем празднество в память этой войны, то мы будем праздновать день мобилизации. Праздник 2-го августа! Праздник внутренней победы! Тогда родился у нас новый дух, дух сильнейшего сплочения всех экономических и государственных сил для нового целого, в котором все будут иметь равную долю. Родилось новое германское государство! Родились идеи 1914 года!“ (Стр. 19).

Пленге как нельзя более прав. „Германская идея организации“ есть прежде всего идея военной организации.

1789 год был проникнут идеей демократии, идеей равенства между людьми. В 1914 году восторжествовала идея империализма, идея насилия над людьми. 1789 год является началом революции, 1914 год—началом войны. Мы видим, что к идеям 1914 года как нельзя более применимы слова Маркса: „Господствующие идеи эпохи всегда были идеями господствующих классов“.

„Kampf“ („Борьба“). Сентябрь 1916 года.

Густав Экштейн.

(Некролог).

Когда два года тому назад вспыхнувшая война всё расшатала, когда социал-патриотизм и социал-шовинизм правили свои первые оргии, а для цензуры открылись почти неограниченные возможности, редакция „Kampf'а“, сообщая читателям о временном перерыве издания журнала, попыталась, несмотря на все препятствия, наметить свою точку зрения. Так как в то время невозможно было формулировать заново принципы интернационализма, то мы пытались отметить нашу верность прежней программе ссылкой на статьи, напечатанные уже раньше. В этом письме к читателям „Kampf'а“ в августе 1914 года говорится:

В прежних книжках журнала читатели найдут богатый материал по актуальным вопросам международной политики и по вопросу о принципиальной позиции марксизма. В последнем отношении мы считаем нужным специально отметить две статьи, которые в настоящее время представляют особенный интерес. Это статьи Генриха Вебера: „Социализм и война“

и Густава Экштейна: „Демократия и война с царем". Они были напечатаны в 3 и 4 книжках 11 года издания (1912—1913).

Из обоих авторов, на которых мы ссылались, свидетельствуя свою верность интернациональной политике пролетариата, один, Отто Бауер, напечатавший под псевдонимом Генриха Вебера ряд важнейших своих статей, оказался отрезанным от политической деятельности с первых дней войны. Другой—Густав Экштейн—теперь навсегда покинул нас.

Даже теперь, когда за нами уже два года напряженных споров по вопросам, которые война поставила рабочему классу, упомянутая выше статья Густава Экштейна еще представляет огромный интерес по заключающемуся в ней фактическому материалу. Вместе с тем она дает возможность судить о самостоятельности мышления и о том, что играло главную роль в работе нашего скончавшегося товарища. Еще до войны, Экштейн понял и высказал то, что большинство социалистов уяснило себе только во время войны и притом после продолжительного сопротивления, а именно, что историческое развитие указало европейской демократии новые пути и последняя не может более связывать никаких надежд с войной против царя. Эта ясно выраженная позиция Густава Экштейна явилась результатом серьезнейшего изучения проблем интернационализма, и потому он ни на минуту не поддался опьянению, которое вызвала война, а всё время с непоколебимой энергией отстаивал интернациональную идею и восстановление интернационального фронта пролетариата.

Густав Экштейн родился в Вене 19 февраля 1875 года. Здесь он провел свою молодость, окончил университет и получил степень доктора прав. Грандиозная избирательная борьба в 90-х годах впервые пробудила в нем интерес к социалистическому движению и вскоре он вместе со своей сестрой-товарищем, Терезой Шлезингер, стал ревностным членом партии. Уже первая его статья в „Neue Zeit" в 1902 году своей оригинальностью и ясностью обратила на него внимание всех товарищей, интересовавшихся теоретическими вопросами. Это была чрезвычайно меткая и остроумная полемика с Бем-Баверком под заглавием „Die vierfache Wurzel des Satzes vom unzureichenden Grunde der Grenznutzentheorie (Eine Robinsonade)".

После этой первой попытки в области теории политической экономии, интерес его направился на другие проблемы. Врачи посоветовали ему предпринять морское путешествие для излечения тяжелой болезни, которой он страдал в течение последней трети своей жизни и которая тогда была еще в первоначальной стадии. Экштейн происходил из семьи фабриканта, состояние которой позволяло предпринять такую попытку, и таким образом он имел возможность поехать на полгода в Японию. Это было не только осуществлением

мечты его юности, и самым лучшим воспоминанием его жизни, но определило также направление его научных работ. Он поехал не как путешественник, ищущий развлечений, а старался серьезно подготовиться к своему пребыванию в Японии. Он изучил литературу об этой стране, в то время еще мало известной, и постарался усвоить японский язык настолько, чтобы быть в состоянии кое-как объясняться. В результате он имел возможность изучить японскую жизнь на местах, куда до него не заглядывал ни один европеец. Он был первым, который завязал личные сношения с японскими социалистами и впоследствии он поддерживал их письменно. Впечатления этого путешествия он зафиксировал в письмах к матери, которые являются почти дневниками. Он напечатал также целый ряд статей об условиях труда и о рабочем движении в Японии. Особое значение имеет его этюд о развитии японского семейного права, появившийся в виде приложения к „Neue Zeit“. Но важнейшим результатом этого путешествия был толчек к изучению вопросов эмиграции и иммиграции. Экштейн рассматривал их с более широкой перспективы, нежели большинство социалистов, и это помогало ему отчетливо разбираться во всех вопросах интернационализма.

Любознательность у Экштейна была чрезвычайно разносторонняя. Он был хорошим юристом, обладал весьма основательными познаниями в экономической литературе, хорошо ориентировался в этнографии и серьезно занимался проблемами естествознания. Особенно много внимания он уделил принципиальным вопросам биологии и напечатал несколько весьма интересных статей о Ламарке и Дарвине. Он изучал также работы Эрнста Маха и других, писавших о теории познания, исходя из проблем физики. Идеи Маха он с успехом применял в своих методологических исследованиях.

В 1910 году Экштейн был приглашен преподавателем в германскую партийную школу в Берлине и вскоре после этого вступил в состав редакции „Neue Zeit“. Первая его деятельность вскоре была прекращена прусской полицией, которая пригрозила ему высылкой, так же как и другим преподавателям, не принадлежавшим к числу германских подданных. Таким образом, крупное педагогическое дарование Экштейна, к сожалению, не нашло себе полного применения. Летом 1912 года, австрийские товарищи пригласили его преподавателем в партийную школу в Клагенфурте, где он читал политическую экономию. В Берлинской школе его специальностью была история социализма. Руководство для этих лекций было напечатано на правах рукописи для его учеников. Насколько серьезны были его труды в этой области показывают работы о Сен-Симоне и Томасе Годскине, напечатанные в архиве Грюнберга.

За последние годы перед войной его всё больше занимало теоретическое исследование тактических и принципиальных вопросов рабочего движения. Он опубликовал (в пяти листах) исследование „О синдикализме и его жизненных условиях во Франции“, которое было напечатано в виде введения к немецкому изданию книги Поля Луи „История профессионального движения во Франции“. Затем он попробовал с исторической и принципиальной стороны осветить проблему „Практики марксизма“. Эта работа, занимавшая 110 страниц, должна была появиться осенью 1914 года в томе „Marx-Studien“, который предполагалось издать по случаю 60-летия рождения Карла Каутского. Работа Экштейна была уже совершенно набрана, когда вспыхнула война, и печатание книги пришлось отложить до более удобного времени [1]).

Война заставила Экштейна, который, вследствие состояния своего здоровья, преимущественно работал в тиши кабинета, принять более живое участие в политической борьбе. В целом ряде статей, напечатанных в „Neue Zeit“, „Vorwärts“, „Leipziger Volkszeitung“ и в „Sozialistische Auslandskorrespondenz“ Брейтшейда, он содействовал просвещению пролетариата относительно войны и пробуждению сознания необходимости вернуться к принципам социал-демократии. Постоянно он старался подчеркнуть, как самое важное, что надлежащее направление социал-демократической политики может быть достигнуто только, если идти „по линии интересов пролетарского движения в его целом“. Большую сенсацию произвела первая его статья, написанная во время войны, „Специалист в роли обывателя“, где он надлежащим образом осветил военный психоз, охвативший германских профессоров, которые, в своем нашумевшем торжественном воззвании, заявляли, что они „отвечают своим именем и своей честью“ за вещи, о которых они не могли иметь никакого представления. „Kampf“ обязан ему за время войны ценным этюдом „Чувство в политике“, в котором он, на примере августа 1914 года, показывает, как легко овладевают неясные чувства даже политиками, претендующими на серьезную репутацию, и как эти чувства торжествуют над работой рассудка. Во время войны он неоднократно отстаивал свои убеждения в докладах, которые читал в Берлине. Особенно ценен был его доклад „О партии и политике во время войны“, который он, в качестве корреферента Шейдемана, читал перед берлинскими уполномоченными.

[1]) Работа Экштейна должна была появиться под заглавием „Тактика марксизма“. Она заключала в себе следующие главы: 1. Социализм и рабочее движение в Англии, Франции и Германии до основания Интернационала. 2. Приветственный Адрес и Статуты Международной Ассоциации Рабочих. 3. Идеологическая и материалистическая политика. 4. Секта и партия. 5. Партия и профессиональные союзы. 6. Классовая борьба и компромисс. 7. Теоретическое познание.

Экштейн работал в последнее время с максимальной интенсивностью. К сожалению, в течение последней зимы всё сильнее стали сказываться последствия этой чрезмерной работы. За год до войны он подвергся операции в Цюрихе у профессора Зауербруха. Это был еще новый метод лечения туберкулеза легких, но Экштейн решился поставить всё на карту, чтобы усилить свою работоспособность. Операция удалась, и результаты ее превзошли на первых порах все ожидания. Но через два с половиной года врачи нашли, что нужно повторить операцию. Экштейн отправился для этого в июне снова в Швейцарию. Профессор нашел его слишком слабым для немедленного оперирования и рекомендовал предварительно отдохнуть несколько недель. Но и в течение этого времени он не позволил себе совсем уйти от работы, и написал, кроме ряда мелких статей, обширную работу для марксистского журнала „New Review“ в Нью-Йорке. Тема ее — „Социал-демократия в Германии и мировая война“. В критической повествовательной форме Экштейн излагал внешние и внутренние затруднения, переживаемые партией. Эта последняя его работа, надо надеяться, скоро будет издана в виде брошюры на немецком языке.

С величайшим оптимизмом и непоколебимым мужеством вошел он в операционный зал. Операция удалась, но через несколько дней обнаружилось воспаление легких, от которого он скончался 27 июля в кантональном госпитале в Цюрихе.

Все, кто лично был знаком с Густавом Экштейном, дивились энергии, с которой он, в течение долгих лет, переносил свои тяжкие страдания. Всегда, даже в самые тяжелые времена, дух одерживал победу над немощным телом. Экштейн был истинно добрым человеком и отличался образцовой скромностью. Он был свободен от всякого личного честолюбия и считал совершенно естественным, что посвящает свою жизнь работе на пользу идее. Когда мы знакомимся с его духовным развитием, и с грустью думаем, сколько просветительной работы извлек бы он еще из своих богатых знаний, нам приходят на память грустные строки, написанные Гервегом по поводу рано скончавшегося—тоже в Цюрихе—Георга Бюхнера:

Und die so reich vor seinem Geiste stand,
Er darf die Zukunft nicht zur Blüte treiben
Und seine Träume müssen Träume bleiben;
Ein unvollendet Lied sinkt er ins Grab,
Der Verse schönsten nimmt er mit hinab.

[И будущность, которая ему так заманчиво рисовалась, не сумеет уже расцвести. Мечты его останутся мечтами. Незаконченной песней сойдет он в могилу и унесет туда свой лучший стих].

У могилы его нашла себе выражение идея, которой он отдал свою жизнь—идея Интернационала. Все, кто остались верны старому знамени, постарались выразить скорбь по поводу этой тяж-

кой утраты, которая является вдвойне тяжкой в такое суровое время. Из Германии, вследствие затруднений для выезда, на могилу Экштейна прислали только цветы. Надписи на венках фракции социал-демократического рабочего союза и редакции „Neue Zeit“ свидетельствовали, какого важного и верного борца потеряли германские товарищи. На гробе лежали также венки от социалистических партий России, Польши и Италии. Представители этих партий произнесли на своем родном языке вместе с товарищами из Австрии и Швейцарии слова прощания скончавшемуся верному деятелю Интернационала. Международная социалистическая комиссия, избранная в Циммервальде, и представляющая собою, как сказала ее представительница, Балабанова, „попытку собрать, для деятельной борьбы, рассеянные и разбитые ряды социалистического Интернационала“, послала „теплый братский прощальный привет борцу, о котором, в самом лучшем, самом благородном смысле этого слова, можно сказать, что он до последнего издыхания служил делу Интернационала“. Похороны Густава Экштейна были, пожалуй, единственными интернациональными похоронами в этой мировой войне, в которой бесчисленное множество сознательных пролетариев поплатилось своей жизнью. И товарищ Мартов, представитель русской социал-демократии, мог сказать на могиле следующие слова утешения:

„Мы, которые могли следить за деятельностью Экштейна, знаем, что он, как немногие социал-демократы нашего поколения, обладал способностями, познаниями и революционной стойкостью, которую требует исторический момент. И тем глубже была наша скорбь по поводу этой смерти. Некоторым утешением для русских социал-демократов является то, что мы имеем возможность отдать последний долг человеку, который, с точки зрения, к сожалению, ныне разделяемой многими социалистами, является представителем „вражеского“ народа. Пусть же наше участие в скорби германских и австрийских единомышленников Густава Экштейна покажет нам всем, что, не взирая на все препятствия, соединенные усилия тех, кто стоит выше кровавой бойни народов, снова возродят рабочий Интернационал, тот самый Интернационал, которому Экштейн отдал всю свою жизнь“.

„Kampf“ („Борьба“). Октябрь 1916 г.

Имперская конференция германских социал-демократов.

Никаких видов на мир! Такое впечатление оставляет речь германского канцлера, и из этого надо исходить при оценке политического положения. Иллюзии, что удастся избавить Европу от третьей зимней кампании, рассеялись и в перспективе открывается неограниченная возможность для продолжения войны. В такой серьезной обстановке происходили заседания имперской конференции германских социал-демократов. Некоторые товарищи, несомненно воодушевляемые самыми лучшими намерениями, придумали диковинный план—занять это первое, за время войны, большое совещание представителей рабочего класса вопросами, которые далеки от политической злобы дня. Они предлагали если не устранить, то, по крайней мере, затушевать глубокие политические разногласия в среде социал-демократов. Эти благодушные люди убеждали: „Давайте поговорим о чем-нибудь другом“. На такое предложение, которое у австрийцев было бы несомненно благосклонно принято, немецкая конференция, разумеется, не согласилась. Она вполне сознательно поставила в центре дебатов основную проблему партии—политику ее по отношению к войне.

С начала войны значительное большинство социал-демократической фракции рейхстага решило отказаться от самостоятельной политики или, иначе говоря, оно усвоило политику фатализма и только старалось быть верной слугою г. Бетман-Гольвега, не уставая смиренно повторять: „да совершится воля твоя“ как на полях сражений, так и за зеленым столом дипломатических совещаний. Благодаря этой позиции—„моя политика—никакой политики“, рабочий класс всё определеннее превращался из могущественного политического фактора в пособника господствующих классов. В таком виде он как нельзя лучше годился для роли орудия против внешнего врага, но совершенно бездействовал при решении судеб своего народа.

Неутомимая и сознательная работа партийной оппозиции состоит и состояла в том, чтобы вывести пролетариат из состояния фатализма, убедить его в необходимости эмансипироваться от правительства и выработать собственную политику. Такова сущность великой борьбы за политическую позицию рабочего класса, которую оскорбительно называют партийным спором.

Активная политика пролетариата станет снова возможной только тогда, когда в партии одержит верх сознание ее необходимости, когда идея оппозиции овладеет массами. Сначала нужен субъект

для такой политики, прежде чем применять ее к объекту, а потому вся работа оппозиции направлена на то, чтобы завербовать соратников. Это борьба за овладение умами товарищей.

Это и дает возможность „объективным“ наблюдателям изображать положение в следующем виде: большинство социал-демократии не хочет вести никакой внешней политики, меньшинство занято только тем, чтобы извнутри будоражить партию. А следовательно, к чему вообще политика? Примиримся с необходимостью и будем говорить о чем-нибудь другом. Но, как я уже сказал, Германия не Австрия, и германские социал-демократы, даже если они сильно сбиваются с пути, не так легко могут опуститься до уровня христианско-социалистической идейной мягкотелости. А потому то, что понятно само собою, было понятно и для имперской конференции: а именно — что политическая партия должна иметь политическую позицию.

Борьба за политическую позицию партии заняла преобладающее место на конференции. Оппозиция вела борьбу с крайним напряжением, хотя и отказывалась признать за постановлениями этой конференции обязательную силу. Согласно организационному уставу, такие постановления может выносить только партейтаг. Но и он, при нынешних условиях, не мог бы быть истинным выражением партийной воли. Оппозиция имела для своих формальных возражений еще то основание, что правление партии изменило для этой конференции систему избрания делегатов в ущерб промышленным центрам, т.-е. в ущерб оппозиции. В мелких центрах, разумеется, реже встречаются товарищи, способные справиться с трудной задачей самостоятельно начать оппозиционное движение и выступить против объединившихся авторитетов государства и партии. Подобно юнкерству и всем консервативно-реакционным элементам, социал-патриотическая политика правления партии имеет главную опору свою в тех областях, которые менее доступны просветительному воздействию. Организационный устав предусматривает почти вполне пропорциональное избрание делегатов. На первые 6.000 организованных членов избираются три делегата, чтобы дать представительство маленьким округам. А затем уже вполне пропорционально полагается один мандат на каждые 6.000 членов организации. На этот раз правление партии установило максимум делегатов—по три на округ, вследствие чего получилось значительное понижение представительства промышленных центров, в особенности Берлина. Но, несмотря на все эти хитрости избирательной геометрии, австрийские товарищи могли бы позавидовать тому, как была организована имперская конференция в Германии. Выборы происходили по системе, приноровленной для целей реакции, но все-таки это были выборы. Существовала связь между входящими в партийную организацию товарищами и теми, кто вы-

ступает в качестве их представителей. Программа конференции была подвергнута основательному обсуждению во всех окружных организациях еще до избрания делегатов. Делегаты всюду подробно доложат потом о результатах конференции и товарищи в прениях снова примут участие в разработке вопросов, обсуждавшихся на конференции и тем самым будут участвовать в политической жизни партии. Притом всё делается публично. О созыве конференции было сообщено в партийной печати, об избрании делегатов в отдельных организациях—печатались сообщения изо дня в день. Дебаты на конференции были стенографически занесены в протокол, который можно будет напечатать только после отмены осадного положения, но уже и теперь прения были изложены настолько полно, насколько это допускали цензурные условия. Не прибегали к сохранению в тайне отдельных частей дебатов—якобы для поддержания партийного единства, а наоборот, в целях наибольшей объективности отчета, был образован комитет, в равной мере составленный из представителей оппозиции и представителей большинства.

Имперские конференции в Австрии по уставу являются простыми совещаниями должностных лиц. Но даже и партейтаги, которые в известной мере должны состоять из делегатов, избранных прямой подачей голосов, никогда не имели у нас той непосредственной связи с массами, какую они имеют в Германии. Это, в первую очередь, объясняется нашим прескверным законом о собраниях, который рассматривает жизнь политических партий все еще сквозь меттерниховские очки. Но, к сожалению, другой не менее важной причиной является отсутствие самостоятельности у наших товарищей, которые до такой степени приучены государством к патриархальному абсолютизму, что и в партии лучше всего себя чувствуют в такой обстановке. Они слишком охотно доверяют мудрости своих вождей и самостоятельное мышление считают напрасным трудом. Пример самодержавного государства, которое благополучнее всего обделывает свои дела, посредством поддержания авторитета, действует чрезвычайно вредно также и на доверенных лиц всяких степеней. Создается весьма своеобразное разделение труда, которое предоставляет вожакам монополию мышления и делает их как бы мыслительным аппаратом партии. А когда еще к тому, по примеру церкви, монополия мышления облекается в мантию авторитета, то иногда обнаруживается странное желание скрыть от товарищей, что вожди тоже люди, и могут расходиться во мнениях, и нуждаются в выяснении своих идей посредством сложного процесса мышления и посредством прений с другими товарищами. Желание о всех случаях говорить ex cathedra заменяет собою демократическую и столь необходимую тактику, заключающуюся в том, чтобы при содействии товарищей, путем общих усилий мысли, прокладывать путь для

партии. Такое разделение труда между массами и их уполномоченными должно было убить в конце концов всякую умственную жизнь в партии, и в тяжелые моменты неизбежно угрожает опасностью, что организационный аппарат, построенный на чисто механических основаниях, не выполнит своего назначения.

Попытки систематически заменять авторитетом самоопределение и самодеятельность масс ударяют по самому чувствительному нерву движения. Сложная проблема взаимодействия уполномоченных и масс вообще может быть разрешена только на почве самой широкой демократии. Рабочий, который желает отдать возможно больше энергии и времени на пользу своего класса, неизбежно совершает диалектический поворот в тот момент, когда отдает ему всю свою рабочую силу: он становится мелким буржуа, чиновником. К этому полчищу чиновников, состоящих на службе у рабочего класса, присоединяются еще литераторы-публицисты, юристы, консультанты, которые в нашем маленьком государстве могут выходить только из рядов буржуазии, так как для их деятельности необходима предварительная научная подготовка. А потому секретари и редакторы, а также всякие организаторы и вожаки рабочего класса по экономическим условиям своей жизни не являются пролетариями, и не могут быть ими, если только они хотят использовать все свои силы для своей квалифицированной деятельности. С этим противоречием движение сталкивалось постоянно, возникали всевозможные проекты, как его устранить—вплоть до синдикализма. Предлагали даже совсем отказаться от института чиновников, ради сохранения чисто пролетарского характера организации. Единственный возможный выход заключается в том, чтобы уполномоченные рабочего класса, которые не могут быть пролетариями в экономическом отношении, находились бы в духовном отношении в полной зависимости от пролетариата. Первое необходимое условие для этого заключается в том, чтобы массы непосредственно переживали зарождение политических идей, чтобы они не были механическим орудием в классовой борьбе, а являлись ее духовным определяющим фактором, чтобы они не смотрели на своих уполномоченных, как на „вождей“, а как на исполнительные органы пролетарской воли.

В Германии рабочие отнюдь не склонны отказаться от права на самоопределение, а потому так-называемая „партийная распря“ показывает нам, насколько рабочее движение в Германии стоит выше, чем у нас, где оно страдает от умственной неподвижности, этого наследственного недостатка всех австрийских партий.

* * *

Мнения, которые столкнулись на имперской конференции, достаточно часто уже высказывались за последние два года. Некоторые даже требуют, чтобы было сказано „что-нибудь новое“, и полагают, что таким требованием можно ликвидировать это серьезное политическое разногласие. Но политическая борьба существует не для развлечения и сенсаций. Если в течение десятков лет мы должны неустанно предъявлять всё те же требования к господствующим классам, и выяснять массам всё ту же программу, то в великой борьбе, которая ведется из-за вопроса, какой характер должна носить партия, к нам нельзя приходить с указанием на то, что борьба уже продолжается два года.

Слов нет, можно себе представить задачи более приятные, как для тех, кто вынужден постоянно убеждать, что на важном перекрестке партия избрала не тот путь, который следовало, так и для тех, кто сознает, что надо повернуть назад и снова обратиться на поиски правильного пути. Идти назад не легко, но необходимо. И хотя это дело неприятное, в нем все-таки заметен успех. Маленькая „кучка людей“, „всё путавших и всем мешавших“, как называли в первые месяцы войны тех социал-демократов, которые остались верны старому знамени—эта кучка стала в Германии внушительной силой. Как показала конференция, на ее стороне уже половина всех членов партийной организации, а может быть и больше половины. В том единственном голосовании, в котором оппозиция приняла участие, за ее предложение высказались 169 делегатов, а против него 276, т.-е. почти две пятых всех делегатов оказались на стороне оппозиции. Если взять результаты голосования только применительно к избранным делегатам, т.-е. исключить правление партии и фракцию рейхстага, которых нельзя считать беспристрастными при оценке их собственных деяний, то положение оппозиции окажется еще более благоприятным. А если принять во внимание искажение избирательной системы, специально приноровленной для нужд правления партии, то и окончательно станет ясным, как велико влияние оппозиции партии. Таким образом, у правления партии остается лишь одна надежда, что его политику не одобряют только товарищи, находящиеся в тылу. Относительно товарищей, находящихся в армии, очевидно нельзя предположить, что они собираются отказаться от политики войны до конца!

Если в начале войны считали возможным игнорировать и замалчивать оппозицию, если 14 депутатов, которые во фракции рейхстага еще в августе 1914 года голосовали против одобрения кредитов, изображались глупцами, не сумевшими достаточно быстро приспособиться ко всемирно-исторической ситуации, если позднее, когда оппозиция почувствовала себя обязанной отметить посредством голосования в самом рейхстаге свою верность интернациональной политике—считали возможным насильственно отстранить

ее, то имперская конференция показала, что даже в самой фракции уже две пятых настроены против политики 4 августа: из 100 присутствовавших депутатов 40 голосовали вместе с оппозицией.

Оппозиция стала мощною силой в партии, и это привело к тому, что имперская конференция приняла совершенно другой характер, по сравнению с тем, который намечался раньше. Правая группа партии давно уже лелеяла мысль о партейтаге для учинения форменного суда над левыми. „Нужно, наконец, заговорить с этими господами решительно"—открыто заявляли Кольб и его коллеги. Нарушителей „дисциплины" предполагалось торжественно исключить из партии. Но те, кого пренебрежительно называли „оппозицией литераторов", кого бранили, как „наивных теоретиков", как людей, которые „всюду мешают и всё путают",—оказалось, вели на этой конференции за собою более интеллигентную и чуткую половину организованного пролетариата Германии. И тогда затихли разговоры о всяких карательных мерах и с оппозицией пришлось разговаривать как с совершенно равноправными товарищами. Целость партии сохранилась благодаря силе оппозиции.

Оппозиция шествует вперед. Интернационально мыслящие социал-демократы в недалеком будущем окажутся руководящим элементом в политике германской партии. Пока они еще не играют такой роли, хотя может быть уже имеют за собою большинство в массах. Правда, они имеют возможность пропагандировать свои взгляды в важнейших партийных газетах, но правление партии, фракция рейхстага и большинство других инстанций исполнительного характера находятся в руках социал-патриотов и под влиянием самых злейших социал-империалистов. Но путь оппозиции уже теперь оказался правильным. В Австрии слабо это понимают, что объясняется общими воззрениями на сущность партии. В этом отношении характерен упрек, сделанный оппозиции „Венской Рабочей Газетой" в одной из немногих статей, которые она напечатала о „смуте в германской партии" (25 июня 1916 г.). Там выражается сожаление, что оппозиция ведет борьбу внутри партии, вместо того, чтобы концентрировать свои усилия на борьбе с классовыми противниками, и что „в органах так-называемого левого радикализма, на одну заметку, направленную против застрельщиков империалистического аннексионизма, приходится по дюжине статей, направленных против Шейдемана и его товарищей". В этой критике деятельности партийной оппозиции выкристаллизовалось старое и значительное разногласие о задачах партийной печати. „Рабочая Газета", особенно со времени избирательной реформы, считала, что ее главная задача заключается в просвещении господствующих классов. Между тем, германская социал-демократия усматривала ее всегда исключительно в просвещении пролетариата. Путь, ко-

торым нам надлежит идти, сложнее, чем тот, который рекомендует „Рабочая Газета“. Задача не в том, чтобы апеллировать при помощи хороших газетных статей к здравому смыслу господствующих классов. Надо поднять умственное развитие рабочего класса до такой степени, чтобы воля его могла оказать мощное давление на господствующие классы. Истинным социал-демократическим методом является не прямое воздействие печатной бумаги на представителей власти, а обходный путь, ведущий через мобилизацию пролетариата. Оппозиция, которая желает противодействовать военным целям господствующих классов, должна, поэтому, прежде всего, вернуть партию пролетариата к принципам демократии. Здесь естественная сфера ее агитации. Если не удастся заинтересовать рабочий класс требованием демократического мира, то вся борьба становится для пролетариата совершенно безнадежной. Борьба, которую надо вести в Германии против аннексионистского безумия, имеет задачей не „просвещение“ господствующих классов, а борьбу с ними за обладание властью. Поэтому оппозиция не должна брать на себя роль проповедника, предлагающего поститься тем, у кого силен аннексионистский аппетит. Она должна создать из пролетариата мощную силу. Но тогда нельзя требовать, чтобы мы боролись против аннексионистского движения, не считаясь с тем фактом, что большинство партии является защитной стеной для аннексионистов. Задача оппозиции может заключаться только в том, чтобы склонить на свою сторону пролетариат, и ее статьи должны обращаться к товарищам по партии и будить в них сознание их обязанностей. Поэтому оппозиция должна прежде всего направить свои силы против тех, кто отклоняет пролетариат от его прямых задач и заставляет его служить господствующим классам. Ей надо вести борьбу в первую очередь с Шейдеманом и Давидом, со всеми теми, кто недопускает теперь классовой политики пролетариата. Борьба за влияние на судьбу государства должна, поэтому, в настоящее время, стать прежде всего борьбой за влияние на судьбы партии.

Этот необходимый путь германской оппозиции плохо понят австрийскими товарищами, потому что деятельность их уполномоченных всё больше руководствуется правилом: всё для рабочих, ничего посредством рабочих. Они не понимают, что если демократическая партия должна произвести великий политический переворот, то это возможно только путем преобразования мышления не только в головах отдельных вождей, но и всех товарищей, так что вся партия должна пережить глубочайший внутренний процесс.

* * *

В подробном отчете, который был напечатан об имперской конференции в германской партийной прессе (см., например, берлин-

ский „Форвертс“ от 26 по 28 сентября), речи оппозиции, разумеется, несравненно больше пострадали от цензуры, чем речи правленского толка. Но все-таки отчет дает весьма интересную картину прений. Мы, разумеется, не можем здесь восполнить пробел, допущенный нашей повседневною печатью, и поместить подробный отчет о конференции. Мы должны ограничиться тем, что воспроизведем здесь ясное изложение существа прений, напечатанное вместе с отчетом в „Лейпцигской Народной Газете“ („Leipziger Volkszeitung“):

„Отношение партии к военной политике имеет не только решающее значение для судьбы германского и интернационального рабочего движения на десятки лет в будущем, это отношение также является внушительной гирей на весах, на которых взвешивается судьба войны. Отношение социал-демократии к войне имеет чрезвычайно важное значение для ответа на вопрос, выполнила ли социал-демократия известное постановление Штутгартского международного конгресса 1907 г., о котором так много говорили за последнее время. И с этим связан еще другой вопрос: делает ли она всё, что доступно ее силам, для достижения цели, к которой страстно стремятся все отдельные люди и все народы,—положить конец самоистреблению человечества и приступить к возобновлению общей культурной работы.

И правая и левая группы партии заявляют, что они намерены приложить усилия к тому, чтобы закончить борьбу народов. Никто не хочет брать на себя ответственности за продолжение войны, но каждая сторона упрекает другую, что ее политика дает именно такой результат. Кто же из них прав?

Как указал тов. Гаазе на конференции, существуют два пути для окончания войны. Один ведет через поле сражения и туда направляет военный метод, который является методом буржуазного мира. Этот метод стремится к миру, сокрушая противника силой оружия и диктуя ему условия мирного договора. Другой путь—есть путь соглашения,—международного договора. Этот путь был, и должен быть, путем социал-демократии. Он ведет к окончанию войны, одинаково почетному для всех, и исключает учинение насилия над каким-нибудь народом или частью его.

Правая группа партии желает идти первым путем, оппозиция—вторым.

Правая заявляет, что она должна идти этим путем, потому что другие несогласны избрать второй путь, потому что французские и английские социалисты отклонили ее попытки к соглашению. Она только забывает при этом, что нельзя способствовать соглашению, сохраняя оружие в руках, что противники не пожелают принять предложения, за которым скрыто требование признать себя побежденными. Доколе правая группа германской социал-демократии защищает политику правительства, стремящегося к миру на основании

карты военных действий, до тех пор согласительные предложения правых будут вызывать подозрения у социалистов враждебных стран и будут казаться им неприемлемыми. Социалистическое соглашение и всестороннее воздействие, в этом смысле, на правительства будут иметь место только тогда, когда социал-демократы снова займут вполне независимое положение по отношению к правительствам, когда они сложат с себя ответственность, которую никогда не должны были на себя брать. В этом направлении действует социал-демократическая оппозиция, как здесь, так и по ту сторону Вогез и Ламанша. Если она не сумеет переубедить правых, то постепенно социалистическая масса уйдет от них и объединится вокруг ее знамени.

Правая группа указывает на то, что социалисты в странах противников столь же решительно следуют за своими правительствами, как правые социалисты Германии следуют за Бетман-Гольвегом. И что они так же легко переваривают завоевательные вожделения своих правительств и своих буржуазных партий, как германские правые—ссылку канцлера на карту военных действий и прочие требования однородного характера. Из этого национального тупика, в котором оказался некогда интернациональный пролетариат Европы, выход возможен только в том случае, если социалисты какой-нибудь национальности подадут пример решительного поворота. Кто же призван к этому более, чем немецкие социалисты! С полным основанием заявил тов. Гаазе на конференции, что мы, германские социалисты, не должны спрашивать, как поступают другие. Если мы хотим быть передовыми борцами Интернационала, то нам надо идти впереди других!

Германская оппозиция и пошла впереди. Но она пока еще в меньшинстве или по крайней мере кажется меньшинством по числу депутатов, голосовавших в ее рядах. Ее пример мог, поэтому, склонить только меньшинство французских социалистов. Но чем сильнее будет оппозиция у нас, тем сильнее она окажется и там.

Если после всего этого взять военную политику правых в том виде, как она снова закреплена на имперской конференции в р е з о л ю ц и и Д а в и д а, то мы убедимся, что она не делает ни шага на пути к соглашению, а, наоборот, воздвигает перед ним новые, почти неопреодолимые препятствия. Ибо эта резолюция Давида, которая, по удачному выражению тов. Дункер, насквозь пропитана духом националистической идеологии и лишена даже легкого запаха пролетарского интернационализма, эта резолюция Давида снова крепкими цепями приковывает правых германских социал-демократов к правительству Бетман-Гольвега. Она снова развязывает руки последнему в деле ведения войны и в тот момент, когда правительство выдерживает серьезную атаку крупных землевладельцев и союзов тяжелой промышленности, эта резолюция дает

успокоительное заверение, что помощь социал-демократии во всяком случае обеспечена правительству, и что с этой стороны не приходится опасаться требования отказаться от карты военных действий и предложить мир без всяких оговорок, без всяких аннексий. Эта резолюция говорит правительству, что социал-демократия продолжает упорно считать его правительством оборонительной войны, не взирая на все заявления Бетман-Гольвега, заявления, которые так же пригодны для подобного истолкования, как бочка с динамитом годится в качестве подушки. Не нужно быть пророком, чтобы предвидеть, какое впечатление это вызовет заграницей, как среди буржуазии, так и среди социалистов. Эта резолюция, которая без всякого основания носит заголовок „К вопросу о мире", является, как основательно заметил тов. Бернштейн, „самым серьезным препятствием для соглашения между социалистами воюющих стран, для интернационального социалистического движения в пользу мира".

* * *

Резолюция Давида, за которую высказались 251 из 451 участников конференции, свидетельствует о твердом намерении держаться политики „войны до конца" и ясно показывает, в чем сущность конфликта между правыми и левыми. В то время, как правые отдают все свои силы на достижение военных результатов войны, левые считают основной задачей партии выяснение политических целей войны. Это разногласие носит принципиальный характер. Левая не заинтересована в результатах войны, которые принесли бы решительное поражение какому-нибудь народу. Правая, в течение двух лет, пыталась уклониться от занятия определенной позиции в вопросе о целях войны. Подобно господствующим классам, она была заменяющиеся цели войны, она не желала связывать себя принципиальными заявлениями, а предпочитала использовать при заключении мира конъюнктуру—в пределах возможного. Но „вздымающаяся и падающая волна счастья" заманчива только до тех пор, пока она вздымается, и так как виноград теперь повидимому скисает, то и социал-патриоты начинают понимать, что последовательным отказом от всяких военных приобретений они могли бы оказать германскому народу гораздо большую услугу, нежели слепо следуя за господствующими классами в их политике, проникнутой манией величия. Это разумеется еще далеко не означает возврата к принципам интернационализма, но всё-таки вызывает желание отмежеваться от наиболее беззастенчивых аннексионистов и не компрометировать себя так, как раньше. В то время, как правые в своих протестах против завоевательной политики прежде делали оговорки, что они протестуют только против „чрезмерной", „безбрежной", т.-е. преувеличенной

аннексионистской политики, но не против аннексий вообще, в резолюции Давида на сей раз говорится: „Но столь же решительно выступает социал-демократия против происков и требований тех людей, которые хотят навязать войне характер германской завоевательной войны. Эту политику она принципиально отвергает и решительно осуждает, так как она усиливает сопротивление воюющих с нами держав, служит на пользу агитации сторонников войны заграницей и способствует продлению войны". Это просветление несколько запоздало, но надо быть довольным и тем, что оно, наконец, наступает. От таких чисто оппортунистических соображений до серьезной интернациональной политики путь, конечно, еще далек. Это лучше всего показывает остальное содержание резолюции Давида. Здесь беззастенчиво провозглашается не одинаковая мера для своего народа и чужих, т.-е. то, что является истинным фундаментом всякого шовинизма:

„Социал-демократия ставит при заключении мира во главе своих требований, относительно целей войны, обеспечение интересов и прав своего народа. Но в то же время она требует внимания к жизненным интересам других народов, так как она убеждена, что только такие условия мира могут гарантировать его прочность".

„Собственные интересы во главе требований" и „внимание к чужим интересам", поскольку это допускают мотивы целесообразности — ведь, это как небо от земли далеко от того традиционного демократического воззрения, которое считало все народы равными между собою.

Протест против завоевательной политики можно будет только тогда принимать в серьез, когда правые определенно откажутся от военных целей, изложенных в августовской программе 1915 г., и когда они примут программу, которая может быть признана Интернационалом. Пока же резолюция Давида всё еще заявляет:

„Социал-демократия попрежнему исполнена решимости терпеливо нести оборону страны, пока противники не согласятся на мир, гарантирующий политическую независимость, территориальную неприкосновенность и свободу экономического развития Германии".

Выражение „свобода экономического развития Германии" открывает довольно широкую лазейку для завоевательной политики. Но и требование „территориальной неприкосновенности" можно признать демократическим только тогда, когда оно ставится не для одной Германии, а для всех стран.

Можно требовать осуществления принципа национальности или сохранения территориальной неприкосновенности существующих хозяйственных областей, но, оставаясь демократом, всякое требование можно ставить только как принцип общий для всех

и нельзя требовать для своего государства что-нибудь иное, чем для чужого. Можно требовать—как это делает резолюция Давида—„территориальной неприкосновенности Германии“, хотя она и не является вполне однородным национальным государством, но тогда надо с такой же энергией отстаивать неприкосновенность Бельгии и всех прочих государств. Или же: если ставится польский вопрос, вопрос о немцах в прибалтийских провинциях, тогда надо поставить и эльзас-лотарингский вопрос и вопрос о поляках в Пруссии. Нельзя одновременно требовать и территориальной неприкосновенности и осуществления национального принципа, а главное, нельзя брать от каждого принципа то, что выгодно для своей страны, а другим предлагать то, что останется.

Требование „территориальной неприкосновенности“ по своим демократическим выводам является ни чем иным, как требованием сохранить status quo ante. Но когда ставят такое требование, то Шейдеман смеется. Status quo ante? Для Германии, конечно! Но для других государств пограничные столбы, оказывается, „установлены дипломатами, кости которых давно истлели в гробах“. Таким образом неизбежно получается печальный вывод, что сохранение неприкосновенности Германской империи является для социал-патриотов минимальной программой в их военных целях. Пограничные столбы можно передвигать, но только с тем единственным исключением, чтобы они никогда не передвигались во внутрь Германской империи.

Программа, могущая быть программой Интернационала, в состоянии признать в качестве фундамента мира — status quo ante для всех. Если этого не сделать, если не окончить войны без изменения карты Европы, тогда нет ни одного вопроса, который можно было бы считать бесспорным. До тех пор, пока социал-патриоты в Германии смеются, когда им предлагают признать status quo ante для других, и в то же время заявляют, что вопрос об Эльзас-Лотарингии не подлежит обсуждению, все заявления их о готовности принять участие в совещаниях Международного Бюро являются притворством. К международной работе серьезно готов только тот, кто согласен применять одинаковые принципы для всех.

* * *

В том состоянии серьезного брожения, в котором находится германская социал-демократия, наблюдается, конечно, разнообразная дифференциация мнений. Как правые, так и левые не представляют из себя единого целого. Не говоря уже о всяких мелких различиях, можно на каждой стороне указать два определенно несовпадающих направления. Крайняя правая, которую справедливо называют

группою социал-империалистов, требует совершенно новой ориентации для рабочего класса. Она намерена и в мирное время вотировать кредиты на вооружение и вести последовательную политику рука об руку с господствующим классом. Наоборот, правление партии и остальные социал-патриоты изменили свое мнение только на время войны или по крайней мере думают, что сделали это только в пределах такого срока. Они тешат себя обманчивой надеждой, что когда наступит мир, они сумеют просто возобновить ту политику, которую партия вела до войны. Правая группа скреплена тем, что социал-патриоты во время войны на практике делают всё, чего требует политика социал-империалистов. Стремления последней получают полное удовлетворение, ибо партия подчиняет всё соображениям военного успеха и отказывается от всякой самостоятельной пролетарской тактики.

Левая группа объединяется тем, что верна принципам демократии и интернационализма также и во время войны. Но тогда как представители „фракции социал-демократического рабочего союза“ полагают, что надо осуществлять только то, что действительно всегда высказывалось на наших партейтагах и международных конгрессах, группа, наиболее популярным представителем которой является Карл Либкнехт, считает необходимым пересмотреть доктрину в „левом направлении“, особенно по вопросу о национальной обороне.

Чрезвычайно актуальное значение имперской конференции проявилось в том, что разногласия в рядах правых и левых отступили совершенно на задний план и борьба велась за ближайшую проблему дня. Вопрос стоял: должна ли партия впредь руководствоваться военными требованиями войны или политическими требованиями мира. Должна ли партия продолжать работать совместно с господствующими классами или вернуться к самостоятельной политике, которая могла бы стать политикой всего Интернационала.

Большинство конференции принятием резолюции Давида постановило, что оно и впредь будет считаться с военными, а не политическими соображениями. Меньшинство, вообще, не приняло участия в этом голосовании и с успехом доказывало, что борьба за возрождение политического сознания в рабочем классе должна продолжаться с напряжением всех сил и что в ней именно заключается в настоящее время просветительная деятельность социал-демократии. Товарищ Гаазе в заключение своего реферата в следующих словах ясно формулировал мысль, которую отстаивают все без исключения представители оппозиции:

„Нам надо свести счеты с партийным правлением. С социал-империалистами, с Кольбом, Леншем, Когеном, Гейне, Гейльманом и другими, мы не считаемся, ибо всякому ясно, что эти люди не

стоят на партийной программе. Между нами и ими нет ничего общего. В храме социалистических идей эти люди являются святотатцами. Первым условием для возобновления интернациональных сношений является отказ от политики 4-го августа. Единство партии основывается на единстве принципов. Если правление партии и фракция своей военной политикой подкапываются под этот фундамент, то организация должна расшататься и разрушиться. Нас упрекают в том, что своим расколом мы расшатываем партию. Но это, к сожалению. уже так основательно сделано партийным правлением, что нам ничего не оставалось доделывать. Правление партии и генеральная комиссия профессиональных союзов пользуются в своем известном воззвании и в других публикациях осадным положением для того, чтобы зажать рот неприятным для них элементам партии. Люди, которые ежедневно попирают ногами партийную программу и резолюции партейтагов, не должны говорить о дисциплине. Сохранение дисциплины по отношению к такому правлению партии было бы преступлением. Мы желаем сохранить Интернационал, способный воспрепятствовать навсегда повторение таких ужасных войн. Мы не желаем мириться с партией, которая явно или тайно поощряет аннексии. Мы не желаем мириться с уступками милитаризму, колониальной политике и протекционизму. Мы не желаем мириться с политикой, которая ослабляет классовую борьбу. Мы требуем политики, которая бы твердо придерживалась нашей программы, требуем ее потому, что считаем себя интернациональными социалистами".

Отдел второй.

Заметки, резолюции и рецензии

(с декабря 1914 г. по сентябрь 1916 г.).

„Kampf“ („Борьба“). Декабрь 1914 г.

Французско-бельгийское воззвание.

Последние месяцы принесли интернациональной социал-демократии жестокие разочарования. Только впоследствии удастся выяснить, почему в оценке мировых событий так часто социалистическая точка зрения оказывалась вытесненной буржуазными идеями. Но уже сейчас необходимо и возможно заняться обсуждением тех событий в рабочем движении, которые не связаны с войной, но вследствие которых разногласия, вызванные войною, будут, без всякой к тому нужды, внесены в организацию интернационального пролетариата.

Газеты из-за границы приходят к нам, к сожалению, неаккуратно, и нет возможности уяснить себе картину деятельности товарищей в различных странах. К сожалению, можно считать установленным, что досадные статьи Вальяна в „Humanité“ являются не единственными в своем роде. Почти во всех воюющих странах заслуженные товарищи дали себя увлечь до такой степени, что усматривают в других народах в настоящий момент только врагов и сохраняют это отношение даже тогда, когда дело идет о вопросах, касающихся рабочего класса, т.-е. о вопросах, которые лежат совершенно вне круга военных событий.

Но печальнее всего было для социал-демократов известие, что даже Международное Социалистическое Бюро — это наглядное выражение солидарности рабочего класса — оказалось во власти военного угара. Глубокого психологического впечатления, которое произвело это известие, уничтожить уже нельзя, но тем необходимее установить, как можно отчетливей, то, чего многие не

заметили среди бурных событий, а именно, что не Брюссельское Бюро совершило ошибку, а что вследствие недоразумения ему был брошен преждевременный упрек.

Если хотят, чтобы возродилась интернациональная солидарность, то всем социалистическим партиям, в различных странах, необходимо, прежде всего, уяснить себе, какие ошибки были допущены ими самими. В этом случае, необходимо признать, что правление германской партии, а вместе с ним часть партийной печати действительно не проявили той спокойной трезвости, которая была уместна при оценке воззвания, неправильно приписываемого Международному Социалистическому Бюро.

В доказательство того, что иная оценка была в то время действительно возможна, мы приведем здесь письмо, которое автор этих строк отправил в редакцию „Рабочей Газеты“ 11 сентября, т.-е. в тот день, когда в венской „Рабочей Газете“ (Arbeiter-Zeitung) было напечатано заявление правления германской партии вместе с передовою статьей, озаглавленной: „Воззвание и ответ на него“. Письмо это гласило:

В передовой статье сегодняшней „Рабочей Газеты“ говорится: „Мы считаем долгом решительно протестовать против того, что товарищи Вандервельде, Ансееле и Гюисманс до такой степени, под влиянием возбуждения, пользуются тем случайным обстоятельством, что Международное Социалистическое Бюро находится в Бельгии, и превращают его в орган, выражающий мнение бельгийцев и французов.

Было бы действительно чрезвычайно печально, если бы бельгийские товарищи, на самом деле, допустили такое злоупотребление властью. Но по тому, что известно из печати, не исключена еще возможность, что этот факт не имел места, а что здесь пред нами только недоразумение. Члены исполнительного комитета Международного Социалистического Бюро являются в этом Бюро в первую очередь—представителями бельгийской социал-демократической партии и фракции бельгийского парламента. В качестве таковых, они включаются в список членов Бюро и только на основании этой функции, они могут войти в президиум—исполнительный орган—Бюро. Эта специальная функция, однако, не препятствует тому, что в некоторых случаях они выступают в качестве представителей своей секции, в качестве бельгийцев, как то бывает с представителями всякой другой нации. Никто не станет спорить, что Гед, Лонге, Самба и Вальян имеют право подписывать воззвание от имени французской партии. Такое же право относительно бельгийской партии принадлежит бельгийским членам Бюро.

Опубликование манифеста, таким образом, еще не заключает в себе злоупотребления. Последнее может состоять только в том, что они его подписали не в том звании, в котором имели право подписывать. Кто знает, с каким тактом наши бельгийские товарищи в течение 14 лет выполняли работу в Бюро, для того нет сомнений, что в данном случае можно говорить только об ошибке в подписи, но отнюдь не о сознательном превышении власти. Однако, даже и ошибка еще не окончательно установлена. Нет никаких данных, которые бы подтверждали, что бельгийские товарищи подписались от имени Международного Социалистического Бюро, т.-е. от имени всех наций. Наоборот, в заявлении правления германской партии определенно говорится только об исполнительном коми-

тете. В самом же воззвании, по крайней мере, насколько оно воспроизведено в „Рабочей Газете", нет ни одного слова, которое хотя бы в отдаленной мере указывало на то, что воззвание выпущено исполнительным комитетом. Наоборот, там определенно говорится о **бельгийской и французской партиях.** „Рабочая Газета" даже сама это признает, так как напечатала воззвание под заголовком „Французско-бельгийское воззвание". Таким образом, весьма возможно, что тут простое недоразумение. В таком случае, мне кажется, мы обязаны отметить всё, что может свидетельствовать в пользу наших бельгийских друзей, которые всегда образцово исполняли свои интернациональные обязанности. Это тем более необходимо, что сами они выступить не в состоянии и может быть только несколько месяцев спустя узнают о направленной против них полемике.

„Рабочая Газета" 16 сентября решительно отказалась напечатать это письмо.

А 17 сентября правление германской партии напечатало следующее заявление:

По поводу нашего заявления от 9 сентября, направленного против исполнительного комитета Международного Социалистического Бюро, швейцарские партийные газеты сообщают нам, что воззвание к немецкому народу, по сообщению „Humanité" от 6 сентября 1914 года, подписано товарищами Ансееле, Бертраном, Гюисмансом и Вандервельде в качестве делегатов бельгийской рабочей партии в Международном Социалистическом Бюро.

Воззвание, пересланное правлению германской партии в письме одного товарища из нейтральной страны 3 сентября, по специальному поручению Международного Социалистического Бюро, имело, кроме подписей: „от имени французской социалистической партии—Жюль Гед, Жан Лонге, Марсель Самба, Эдуард Вальян", еще подписи: „От имени исполнительного комитета—Ансееле, Бертран, Гюисманс, Вандервельде".

„Рабочая Газета", напечатавшая это заявление 20 сентября, всё еще оставалась при том мнении, что ошибка была допущена членами исполнительного комитета, и признавала только, что чрезвычайно желательно, чтобы выяснилось, что бельгийские товарищи сами признали недопустимость опубликования манифеста от имени исполнительного комитета Международного Бюро и прилагают все старания, чтобы исправить ошибку.

Наконец, 4 октября „Рабочая Газета" напечатала следующее сообщение:

Французско-бельгийский манифест.

По поводу заявления правления германской социал-демократической партии, что присланный ей манифест о войне между Францией и Германией был подписан исполнительным комитетом Международного Социалистического Бюро, социалистическая фракция французской палаты депутатов опубликовала 19 сентября следующее заявление:

„Опубликованный в начале военных действий, манифест французской и бельгийской секций, имевший целью объяснить причину войны и действия секции в социалистическом и патриотическом направлении, не был подписан Международным Социалистическим Бюро, а представлял собою обращение **французской и бельгийской национальных секций** к другим национальным секциям Интернационала".

Мы можем с удовольствием констатировать, что этим инцидент окончательно выяснен.

Из сообщения нашего голландского партийного органа стало потом известно, что недоразумение возникло в Голландии, при переводе воззвания на немецкий язык с текста, напечатанного в одной буржуазной газете. В Германии и Австрии воззвание в оригинале, вообще, не было получено.

На этом примере можно видеть, какая осторожность требуется в настоящее время для избежания недоразумений, которые могут печально отразиться на отношениях между братскими партиями Интернационала.

* * *

„Kampf" („Борьба"). Январь 1915 г.

В „Sozialistische Monatshefte" от 9 декабря Гуго Печ снова печатает заявление правления германской партии от 9 сентября 1914 г., направленное против Брюссельского исполнительного комитета Международного Социалистического Бюро. К этому он добавляет: „Впоследствии сообщалось, что в Голландии, при переводе воззвания на немецкий язык, вкралась ошибка. В действительности, как сообщают, товарищи Ансееле, Бертран, Гюисманс и Вандервельде подписали воззвание только в качестве представителей бельгийской секции Интернационала. Окончательное выяснение этого вопроса, надо полагать, последует только по заключении мира.

Из заявлений фракции французской палаты депутатов и правления германской партии, перепечатанных в последнем номере нашего журнала, совершенно ясно, что упрек, сделанный исполнительному комитету, лишен оснований. Что выяснение этого вопроса не должно ожидать заключения мира, а во всех деталях возможно уже сейчас, видно из следующей заметки в „Humanité" от 25 августа, которую мы получили только теперь:

Groupe socialiste au parlement.

Vaillant appelle l'attention du groupe sur l'utilité qu'il y aurait pour la section française et le parti ouvrier belge à faire connaître aux socialistes des autres nations, le point de vue auquel ils se sont placés en défendant non seulement leur pays, mais l'avenir même du socialisme et de la civilisation européenne contre l'impérialisme allemand.—Après l'intervention de Longuet et Compère-Morel, la Commission exécutive prendra l'avis du P. O. B. pour agir utilement.

Социалистическая группа в парламенте.

Вальян указывает, что для французской секции и для бельгийской рабочей партии было бы полезно познакомить социалистов других национальностей с точкой зрения, которую усвоили французы и бельгийцы, защищающие не только свою страну, но также и будущность социализма и евро-

пейской цивилизации против германского империализма. После выступлений Лонге и Компер-Мореля постановлено, что исполнительная комиссия снесется с бельгийской партией для осуществления мер, которые будут признаны целесообразными.

Итак, инициатива воззвания исходит от французской партии и уже 25 августа говорилось только о бельгийской партии, но отнюдь не об исполнительном комитете. И то же самое было при опубликовании самого воззвания и манифеста. Так как правление германской партии, по его собственному сообщению, ознакомилось с воззванием только вследствие письма от 3 сентября, то все фантастические комбинации по этому вопросу лишены всякого основания.

„Kampf“ („Борьба“). Май 1915 г.

Документ позора наших дней.

В „Humanité“ от 22 апреля 1915 года постоянная административная комиссия французской социалистической партии напечатала следующее сообщение:

Постоянная административная комиссия имела в заседании от 19 апреля собеседование с товарищем Моргари, представителем итальянской партии и депутатом итальянского парламента. После обмена мнений по вопросу о созыве конгресса социалистических секций нейтральных стран и пленарного заседания Международного Социалистического Бюро, комиссия в полном объеме подтвердила свои мнения и постановления, вынесенные раньше по обоим этим пунктам.

В качестве представительницы партии, нация которой находится в состоянии войны, постоянная административная комиссия предоставляет секциям нейтральных стран судить самим, насколько целесообразно и полезно устройство ими конгресса в настоящий момент.

Что же касается заседания Международного Социалистического Бюро, то административная комиссия снова решительно высказывается против этого. Такое заседание, при нынешних условиях, представляется материально невозможным и морально нежелательным. Как уже заявляла административная комиссия, такое заседание будет противоречить цели, которую преследуют те, кто, руководствуясь наилучшими намерениями, вносит такое предложение.

На заседании административной комиссии присутствовало большинство членов ее и товарищ Эмиль Вандервельде, в качестве представителя от бельгийской рабочей партии.

Секретарь Дюбрейль.

Это чрезвычайно печальное заявление французской социалистической партии, почти совершенно исключающее возможность интернационального выступления социалистов во время войны, уже использовано некоторыми немецкими социал-демократическими газетами, как доказательство того, что „н е м ы виноваты“, если Интернационал не может произвести демонстрацию в пользу мира. Чтобы

уяснить действительную связь явлений, необходимо заглянуть глубже. Декларация французских социалистов есть лишь логический вывод из той политики, которую они усвоили в начале войны. Они признали войну делом партии и твердо держатся этого мнения.

Логика событий сильнее, чем это хотят признать представители социал-демократических партий Германии, Австрии и Венгрии, заявляющие в своем манифесте 13 апреля: „То обстоятельство, что социал-демократические партии воюющих стран защищают свой народ и свою территорию, не должно служить препятствием к сохранению интернациональной связи между всеми социалистическими партиями и продолжению деятельности интернациональных учреждений".

Факты показывают, что когда социал-демократические партии рассматривают защиту территории народа, как свою задачу, вместо того, чтобы всецело предоставить ее выполнение армиям, то политика Интернационала становится невозможной. Ибо нельзя одновременно отстаивать и политику войны, и политику мира.

Политика французских социалистов только последовательна. И, в сущности, заявление германской социал-демократии носит тот же характер, ибо и она фактически исходила из того же принципа и уже не может теперь освободиться от него, даже если хочет.

Если теперь всё сильнее и громче высказывается сожаление, что нельзя организовать интернационального социалистического выступления, то остается только указать на политику, которую считали нужным поддерживать социалисты во Франции, Германии и Австрии. На них оправдалась пословица: „Что посеешь, то и пожнешь".

Австрийская социал-демократия, Интернационал и мир.

I.

Резолюция Фридриха Адлера, предложенная им на второй имперской конференции партии в марте 1916 года и отклоненная всеми голосами против 16-ти.

Имперская конференция немецких социал-демократов в Австрии присоединяет свой голос к требованию страдающих народных масс во всех странах об окончании войны, продолжение которой повлечет только бесцельное нагромождение невероятных жертв и длительное истребление доставшихся тяжелым трудом культурных благ. Но стремление рабочего класса к миру может иметь силу лишь постольку, поскольку оно будет проникнуто сознательной полити-

ческой волей. В этой войне стало ясно, что великие проблемы, требующие разрешения своего в Европе—национальная автономия народов и упорядочение мирового хозяйства посредством свободы торговли и транспорта для всех государств мира—не могут быть решены силою оружия. Наоборот, мир и возвращение к культурным задачам наступят только тогда, когда все воюющие государства поймут, что продолжение войны бесцельно и что война может быть закончена только соглашением на демократической основе. Настойчивое отстаивание этого требования и резкая оппозиция против всякого правительства, которое не соглашается открыто заявить, что оно, в любой момент, готово приступить к мирным переговорам на основе этих принципов, является главнейшей обязанностью социал-демократии.

Как исполнение этой обязанности, мы приветствуем отказ от всех военных кредитов, приветствуем мужественные речи представителей большинства во фракции прусского ландтага и меньшинства в германском рейхстаге, в особенности же приветствуем мы последнюю речь товарища Гаазе. Мы приветствуем также все заявления социалистов о необходимости мира, сделанные группами меньшинства во всех странах, приветствуем самоотверженную борьбу социалистической фракции в русской Государственной Думе и прежде всего приветствуем образцовое поведение социал-демократии в Италии. Ни одна социалистическая партия не должна отказываться от исполнения этого долга в настоящее время, когда разрушено самое мощное орудие этой политики—социалистический Интернационал. Для нас не подлежит сомнению, что раскол в рабочем движении является неизбежным следствием той позиции, которую заняли по отношению к войне группы большинства социалистических партий. Пролетарии, стремящиеся победить друг друга, не в состоянии объединиться. Мы приветствуем все старания, направленные на возобновление сношений между социалистическими рабочими всех стран, что должно повести к возрождению Интернационала и солидарности рабочих в классовой борьбе. Выражение этих стараний и вместе с тем доказательство того, что традиционные принципы демократии и социализма могут и во время войны служить основой для Интернационала—мы усматриваем в Циммервальдской конференции.

Солидарность обновленного Интернационала может быть построена только на прочном базисе сильных и объединенных партий во всех странах. Такое единство социалистических организаций всегда особенно нужно в периоды обостренной классовой борьбы, а такой период несомненно предстоит выдержать пролетариату всех стран после войны. Объединение может быть достигнуто лишь в том случае, если социалисты всех стран согласятся признать для себя обязательным во всех интернациональных вопросах постановления интернациональных конгрессов.

II.

Резолюция Фридриха Адлера, предложенная на второй имперской конференции партии в марте 1916 года и отклоненная большинством всех голосов против 16-ти [1]).

Имперская конференция поручает правлению партии передать эти требования правительству и настоять на том, чтобы последнее, по соглашению с союзными правительствами, публично заявило, что центральные державы готовы, в любой момент, приступить к мирным переговорам, под единственным условием, чтобы все державы наперед отказались от завоевания чужих территорий и от контрибуций.

III.

Постановление клуба Карла Маркса в Вене, принятое в августе 1916 года по предложению Фридриха Адлера.

Австрийская социал-демократия давно уже совершенно молчит по вопросу о требовании мира. В настоящее время ее опередила даже та фракция германской социал-демократии, которая отстаивала войну до конца и которая, теперь, решилась, по крайней мере, подать имперскому канцлеру петицию о мире. Эта петиция, правда, далеко не отвечает принципам последовательной социал-демократической политики, и своим туманным требованием свободы экономического развития открывает лазейку для завоевательной политики, а, главное, не делает никаких выводов, которые необходимы для дальнейшей политики социал-демократов, в случае отказа правительства. Но петиция, по крайней мере, дает возможность выразить испытываемое народными массами стремление к миру.

В Австрии социал-демократия до сих пор довольствовалась робкими намеками о желательности мира и становилась даже все мягче в своих выражениях. Еще манифест правления партии и клуба депутатов в июле 1915 года говорил о желании и долге рабочих партий всех стран „открыто и энергично воздействовать на свои правительства“. Между тем на имперской конференции в Вене, в марте 1916 года, как раз по поводу такого воздействия, возникли оживленные дебаты и была принята ни к чему не обязывающая резолюция:

Имперская конференция поручает правлению партии передать эти требования правительству, и снова настойчиво потребовать, чтобы правитель-

[1]) Эта резолюция с формальной стороны являлась добавлением к предложению правления партии, где намечались требования партии в вопросах внутренней политики. Примечание издателя.

ство постаралось найти и использовать несомненно имеющиеся у него возможности для открытия мирных переговоров.

Формула оппозиции, требовавшая открытого заявления со стороны союзных правительств, — была отвергнута. Она гласила:

Имперская конференция поручает правлению партии передать эти требования правительству и настоять на том, чтобы последнее публично заявило, что центральные державы готовы, в любой момент, приступить к мирным переговорам, под единственным условием, чтобы все державы наперед отказались от завоевания чужих территорий и от контрибуций.

На имперской конференции требования оппозиции опровергались самыми забавными аргументами. В настоящее время даже „правление партии войны до конца“ в Германии намерено „требовать от союзных правительств, чтобы они заявили о своей готовности заключить мир“. Это показывает, что в марте меньшинство на имперской конференции предлагало минимум необходимого.

Но со времени декларации, принятой на имперской конференции, т.-е. за последние 5 месяцев, в Австрии, вообще, ничего не делалось и даже остается неизвестным, какая судьба постигла те скромные „действия“, которые правление партии должно было предпринять по отношению к правительству.

Мы не обманываемся на тот счет, что самое важное время для мирного выступления уже упущено, вследствие „политики войны до конца“, которой держатся группы большинства социал-демократии в Германии и в Австрии. Если бы год тому назад или еще раньше выступили хотя бы с той же петицией, то положение партии в настоящее время было бы совершенно иное. К сожалению, социал-демократия в Германии и в Австрии шла в политике на буксире у господствующих классов. В Германии после первого великого греха, совершенного в августе 1914 года, последовало, ровно через год (в августе 1915 г.), опубликование программы правления партии, с указанием целей войны. В этой программе нет ни одной искорки социал-демократического воодушевления и, повидимому, нужно было, чтобы военные события палочными ударами просветили сторонников „войны до конца“, чтобы они еще год спустя собрались, наконец, выступить в августе 1916 года с своей петицией о мире. Теперь они, повидимому, начинают понимать, что последовательная борьба против сумасшедшей завоевательной политики, борьба, являвшаяся всегда обязанностью социал-демократии, принесла бы больше пользы истинным интересам страны, нежели объединение в общем фронте с господствующими классами. Этот исторический грех социал-демократии, к сожалению, оставит прочные следы, и все народы, и в первую очередь пролетариат, еще долгое время будут страдать от него.

Насколько это еще возможно в настоящее время, социал-демократия должна решительно сбросить с себя роль покорного орудия господствующих классов. Главным образом необходимо перестать убаюкивать пролетариат надеждами на скорое наступление мира. Это идет только на пользу политики „войны до конца“. Во всех странах стараются такими обманчивыми надеждами на скорый мир увлекать народы от одного этапа войны к другому. В настоящее время необходимо заставить пролетариат признать ужасную истину, что война еще может длиться долгие годы. Радужная военная политика социал-патриотов, рассчитанная в свое время на войну, длительностью быть может в каких-нибудь три месяца, потерпела жестокое поражение. Теперь, когда мы знаем, что приходится ожидать третьей зимней кампании, пора, наконец, вернуться к действительно социал-демократической политике. Эту политику отстаивало меньшинство на имперской конференции в Вене. Ее позиция выражена в резолюции „Партия и Интернационал“ [1]).

В настоящее время нужнее, чем когда бы то ни было, чтобы во всех организациях был поставлен на обсуждение вопрос „О деятельности в пользу мира и социал-демократии“. Надо дать ясно понять, что не только меньшинство, но и подавляющее большинство партии желает порвать с нынешней политикой партии и требует более энергичных выступлений в пользу мира. Мы надеемся, что наши соображения будут одобрены всеми организациями.

IV.

Постановление клуба Карла Маркса в Вене, принятое в сентябре 1915 года по предложению Фридриха Адлера.

„Рабочая Газета“ с начала войны попала в фарватер чисто националистической немецкой политики и проповедывала прежде всего „войну до конца“. В дальнейшем течении войны, в „Рабочей Газете“ всё яснее проявляются три, исключающих одна другую, тенденции: немецко-националистическая, австрийская и пацифистская. Карл Лейтнер стоит на стороне своего народа, Карл Реннер на стороне своего государства, а мы желаем, чтобы наша газета стояла на стороне Интернационала, объединенного классовой борьбой. Но и тогда, когда „Рабочая Газета“ агитировала в пользу мира, она далеко не всегда исходила из социал-демократических принципов. Как ни ценно, что „Рабочая Газета“ в разгар военной травли заговорила о мире, но поощрение иллюзий о близости мира оказывает вредное действие. Скрывать от проле-

[1]) См. выше.

тариата всю затруднительность переживаемого положения и вытекающих отсюда задач значит служить только интересам политики „войны до конца“.

Разнообразие политических точек зрения, которые отстаиваются в „Рабочей Газете“, одна рядом с другой, вызывает такую смуту среди читателей, что даже некоторые написанные в социал-демократическом духе статьи (как, например, о Кезементе) могут быть поняты в шовинистическом смысле.

Так как „Рабочая Газета“ в настоящее время уже не является выразительницей однородных политических воззрений партии, то, для того, чтобы не сбивать с толка читателей, желательно, чтобы все статьи политического содержания подписывались авторами.

Это желательно в одинаковой мере также и для статей, посвященных внутренним партийным вопросам. По этим вопросам „Рабочая Газета“ информирует чрезвычайно неудовлетворительно и односторонне в интересах правого крыла партии. Газета доходит здесь до тактики замалчивания. Претендующие на объективность статьи о партийных разногласиях в Германии представляют собою тоже только выражение личных мнений отдельных товарищей и должны, поэтому, носить их подпись.

Авторы военных обзоров являются частью сознательными, частью бессознательными орудиями генерального штаба. Подобно сотрудникам буржуазных газет, они помогают создавать настроение, нужное для продолжения войны, и содействуют распространению известий, изображающих в прекрасном виде действия военных властей. Для того, чтобы быть осведомленными относительно всяких ложных вымыслов, бесспорно необходимо, чтобы „Рабочая Газета“ имела своего репортера в военном бюро печати. Но вместе с тем необходимо, чтобы сообщения, которые, таким образом, передаются из третьих рук, определенно отмечались, как исходящие от военного бюро печати.

„Kampf“ („Борьба“). Март 1915 г.

Социал-демократия и война.

Социалистическая литература, вызванная войною, занимается двумя проблемами. Во-первых, она пытается выяснить причины и цели всемирно-исторической борьбы народов, а, во-вторых, предметом исследования является сама социал-демократия. Разумеется, вторую проблему нельзя изучать совершенно независимо от первой. Оценка позиции социал-демократии будет разная, в зависимости

от того, оценивается ли, с историко-материалистической точки зрения, значение империализма, или же народы наивно делятся на хорошие и плохие и в качестве причины войны указывается на недоброжелательство „злого соседа“, который мешает „нашему народу“ жить „мирной и спокойной“ жизнью. Империализму было посвящено в нашем журнале столько обстоятельных статей, что мы можем ограничиться простым перечнем остальной социалистической литературы.

Первую попытку изобразить нынешнюю войну, как бунт производительных сил, создавших капитализм, и теперь восставших против эксплоатации в формах национального государства, представляет собою брошюра „Война и Интернационал“ русского товарища Троцкого [1]). Другую попытку в этом же направлении предприняли гамбургские товарищи Генрих Лауфенберг и Фриц Вольфгейм в брошюре „Империализм и демократия“ [2]). Сильно пропитана буржуазно-империалистической тенденцией брошюра Пауля Ленша „Германская социал-демократия и мировая война“ [3]). Особенно это сказывается в оценке английского империализма. Своеобразную позицию занимает автор по отношению к России. Он утверждает, что клич „долой царизм“, раздающийся за границей, особенно в Германии, совсем не так неприятен реакционным силам России. И даже, более того, сам царизм сильно заинтересован в потрясении экономических производительных сил России и будет доволен, если проиграет войну, ибо это означает экономическую отсталость на десятки лет, пробуждение национализма и политики реванша, т.-е. как раз то, что нужно царизму“ (стр. 34). Гораздо глубже разрабатывает мировые проблемы войны с точки зрения социал-демократии Карл Каутский в своей второй брошюре, озаглавленной „Национальное государство, империалистическое государство и союз государств“ [4]). Появившаяся раньше его брошюра „Интернационализм и война“ представляет собою отдельный оттиск статей, напечатанных в „Neue Zeit“.

Относительно позиций, которые занимают партии социалистического Интернационала в различных странах, осведомляет Эдуард Бернштейн в своей обширной работе „Рабочий Интернационал и европейская война“, напечатанной в военных

---

[1]) *N. Trozky,* „Der Krieg und die Internationale“ (Komissionsverlag de Grütlibuchhandlung. Zürich, 50 centimes).

[2]) *Heinrich Laufenberg und Fritz Wolffheim,* „Imperialismus und Demokratie“ (Hamburg, Verlag Laufenberg).

[3]) *Paul Lensch,* „Die deutsche Socialdemokratie und der Weltkrieg“ (Berlin, Buchhandlung „Vorwärts“).

[4]) *Karl Kautsky,* Nationalstaat, imperialistischer Staat u. Staatenbund (Nürnberg, Fränkische Verlagsanstalt).

выпусках „Архива“ Зомбарта и Яффе, выходящих под названием „Война и народное хозяйство“ (Krieg u. Wirtschaft). Было бы весьма желательно, чтобы этот обзор, своей объективностью выгодно выделяющийся на фоне столь распространенного теперь шовинизма, вышел отдельным изданием [1]).

Целый ряд брошюр посвящен оправданию и защите позиции германской социал-демократии со времени начала войны. Над этой задачей трудятся и радикал Конрад Гениш и стоящий на правом фланге Вольфганг Гейне. Антон Фендрих, претендующий на звание социал-демократа, вместе с Эрвином Бельгером, бывшим главным секретарем имперского союза для борьбы с социал-демократией, полны восторга от перемены, которая произошла в германской социал-демократии.

Нельзя сказать, чтобы защита германской социал-демократии велась очень удачно. Брошюра Гениша „Война и социал-демократия“ [2]) по литературному стилю примыкает к тем идеям, которые господствовали раньше в социал-демократии. Что касается аргументов, которыми он оперирует, то они не представляют особого значения. Всё доказательство строится на том, что германская социал-демократия занимает в Интернационале совершенно исключительное положение. Эту мысль высказал еще Энгельс в 1891 г., но с тех пор она, к счастью, устарела, благодаря росту пролетарского движения во всех странах. Гениш утверждает: „Если фундамент Интернационала, т. е. рабочее движение в Германии, рухнет, то вместе с ним рушится весь Интернационал“. Никто не будет отрицать, что поражение германской социал-демократии чревато тяжкими последствиями. Но ошибка в аргументации Гениша ясно сказывается уже в том образе, которым он воспользовался. Рабочее движение Германии точно так же, как и рабочее движение всякой другой страны, не может быть „фундаментом“, ибо это значило бы, что оно по существу своему является чем-то иным, нежели другие секции Интернационала. Мы не будем касаться вопроса, правильно ли утверждение Гениша, будто война „в высокой степени“ угрожает существованию германского рабочего движения (стр. 11). На этом строит и Ленш свою аргументацию (стр. 26). Мы хотим только констатировать, что подобная „угроза существованию“ рабочего движения в какой-нибудь стране является сама по себе уже столь значительным моментом, что нет надобности ссылаться на интересы Интернационала для того, чтобы оправдать борьбу за свое существование. Ссылка на Интернационал делается в данном случае только с целью затушевать тот факт, что рабочие всех стран, в одинаковой мере, имеют право

---

[1]) В настоящее время оно уже вышло. Примеч. издат.

[2]) *Konrad Haenisch,* „Krieg u. Socialdemokratie“ (Verlagsanstalt Auer u. Co Hamburg).

на обеспечение своего существования. А если так, то ни один народ не может претендовать на специальные привилегии под предлогом того, что он является „фундаментом“ Интернационала. Право на существование имеет социал-демократия каждой страны, а интернационализм требует, чтобы партии всех стран считались равноправными.

Если Гениш и другие не устают утверждать, что социал-демократия не стремится „варварски перемешать между собою народы“ и превратить их в „кашу“, то для нас, в Австрии, где социал-демократия вынуждена была серьезно заниматься национальными проблемами, такие рассуждения представляются чрезвычайно наивными. Не приходится, поэтому, удивляться, что в германских брошюрах национальная автономия, которой требуют социал-демократы, постоянно смешивается с понятием территориального суверенитета.

Значительно ниже этого уровня стоит брошюра Вольфганга Гейне „Против скандалистов“ [1]). Он довольствуется тем, что всё время осыпает бранью и подозрениями товарищей, которые расходятся с ним во взглядах. Нам нет надобности цитировать выдержки из этой брошюры, так как вскоре должна появиться, в отдельном издании, штутгартская речь Гейне, которую он, как сообщалось в телеграммах, „закончил внушительной манифестацией в честь германского императора“ [2]). После этого в самых широких кругах партии не будет места сомнениям, что всякий, кого Гейне назовет „скандалистом“, с гордостью может носить это почетное звание.

Много шума вызвала в буржуазной печати брошюра Антона Фендриха „Война и социал-демократия“ [3]). Указывали на то, что здесь, в серии брошюр чисто империалистического характера, представлен автор социал-демократ. Действительно, Фендрих был когда-то социал-демократическим депутатом в баденском ландтаге, но был удален вследствие его „богемских“ наклонностей. То же настроение „богемы“ сказывается и теперь в его мировоззрении, для которого „душевное переживание“ выше всякого научного познания. Для Фендриха принципы являются „роскошью“. По его мнению, социал-демократия „слишком подпала под влияние Маркса и Энгельса“, а теперь „осенние листья Интернационала опали“. Поэтому не приходится удивляться его заключению, что „эта война показала несостоятельность догмата, будто освобождение рабочего класса мо-

---

[1]) *Wolfgang Heine*, „Gegen die Quertreiber“ (Verlag „Volksblatt für Anhalt“, Dessau).

[2]) Она уже появилась и называется: „Политическая будущность Германии“ („Die politische Zukunft Deutschlands“). Примеч. издат.

[3]) *Anton Fendrich*, „Der Krieg u. die Socialdemokratie“ (7 серия „Der deutsche Krieg“, вып. 25-ый).

жет быть только делом рук самого рабочего класса". „Все это— выспренняя теория, создавшаяся в пору бессилия... По мере того, как будет возрастать влияние рабочей партии, всякое кокетничание с революцией будет прекращаться". Фендрих утверждает, что „корпуса организованных рабочих, отправившиеся походом во Францию и Россию, пели „Wacht am Rhein" с неменьшим подъемом, чем прочие их товарищи, и что тщетны все попытки воспретить молодежи нашей петь „Deutschland, Deutschland über alles". Что Фендрих считает настоящий момент благоприятным для обратного проникновения в партию „героических натур", вроде его собственной, этому удивляться не приходится. Но весьма печально, что находятся социал-демократические газеты, где его не выставляют за дверь.

Куда мы придем, если последуем за Гейне, Фендрихом и т. д., это ясно видно из брошюры Эрвина Бельгера „Социал-демократия после войны" [1]). Бывший генеральный секретарь имперского союза для борьбы с социал-демократией приходит здесь к следующему выводу: „если рабочие станут патриотами, то всю партийную и профессиональную организацию можно рассматривать с иной точки зрения. Ибо тогда за требованиями рабочих не стоит более интернациональная организация, стремящаяся к перевороту, и не причастная к упованиям и стремлениям немецкой нации. Тогда это будет германская рабочая партия, признающая силу национальной идеи, склонная к деловому и мирному соглашению и решительно защищающая интересы своих сторонников".

Гуго Гейнеман выходит далеко за пределы попыток оправдать позицию германской социал-демократии. В своей брошюре он восторженно прославляет „социалистические завоевания за время войны" [2]). Не подлежит сомнению, что методы капиталистического строя, до известной степени потерпели крушение в этой войне, и социал-демократия впоследствии часто будет указывать на это обстоятельство своим противникам. Но, по случаю „чрезвычайного благоразумия, проявленного правительством", не следует еще самим терять рассудка. Гейнеман так счастлив, что никто уже не может усомниться в его патриотизме, что заявляет: „подчеркивание нашей любви к отечеству представляется нам осквернением наших лучших чувств".

Критика нынешней тактики германской социал-демократии сведена, по милости цензуры, до минимума. В самой Германии появились только две брошюры этого направления. Юлиан Бор-

[1]) *Erwin Belger*, „Die Socialdemokratie nach dem Krieg" (Verlag Concordia, Berlin).

[2]) *Hugo Heinemann*, „Die Socialistischen Errungenschaften der Kriegszeit" (Verlag Landgraf und Co, Chemnitz).

хард обсуждает в брошюре „Перед и после 4 августа 1914 года“ [1]) вопрос — обанкротилась ли социал-демократия. Бывшие сотрудники „Schwäbische Tagwacht“ Криспин, Герле и Вальхер издали брошюру „К борьбе за наши принципы“, которая, главным образом, посвящена внутренним делам редакции. Как известно, означенные товарищи были уволены, потому что их патриотизм оказался не на высоте требования правления вюртембергской социал-демократии. Ответ правления появился в брошюре „Что произошло в „Schwäbische Tagwacht“ и чем это вызвано“.

Более серьезную критику дает только вышеупомянутая брошюра Троцкого „Война и Интернационал“. Она представляет собою попытку уяснить события в их историческом развитии, попытку, ценность которой значительно умаляется тем, что она написана под первым впечатлением, вследствие чего часто страстное возбуждение одерживает верх над спокойной оценкой. Некоторые упреки, которые сделаны Троцким, лишены основания. Особенно упреки по адресу „Форвертса“, который в первые недели после объявления войны держал себя образцово, если принять во внимание цензурные затруднения. Слабой стороной брошюры является также и то, что она выдвигает на первый план германскую и австрийскую социал-демократии и уделяет слишком мало внимания критике других партий. Правда, потом Троцкий восполнил этот пробел. Он, по личным наблюдениям, познакомился с тем, что делается во Франции, и подверг французскую партию такой же резкой критике, как сделал это в своей брошюре по отношению к германской и австрийской.

Полноты ради назовем еще две брошюры, заключающие в себе перепечатку речей, представляющих значительный интерес. Это брошюры Вольфганга Гейне „Культура и нация“ [2]) и Вильгельма Кейля „Германский народ в войне“ [3]). В издании „Грютли“, в Цюрихе, появилась брошюра: „Война и социал-демократия“ [4]), посвященная пропаганде кооперативного движения, и брошюра Пауля Пфлюгера „Военный вопрос и социал-демократия“, посвященная вопросу о голосовании военных кредитов в Швейцарии [5]).

---

[1]) *Julian Borchard,* „Vor und nach dem 4 august 1914“ (Verlag Lichtstrahlen, Berlin-Lichterfelde).

[2]) *Wolfgang Heine,* „Kultur und Nation“ (Verl. Landgraf und C°, in Chemnitz).

[3]) *Wilhelm Keil,* „Das deutsche Volk im Kriege“ (Ulmer Volksbuchhandlung).

[4]) „Der Krieg und die Socialdemokratie“ (Grütliverlag, Zürich).

[5]) *Paul Pflüger,* „Militärfrage u. Socialdemokratie“ (Grütliverlag. Zürich).

Конец и счастье одного социал-демократа.

Пауль Ленш, выбранный депутатом в рейхстаг в качестве социал-демократа, находится в несколько затруднительном положении при конструкции идеологической надстройки, необходимой в виду его определенного желания изменить свой экономический базис. До войны его нельзя было превзойти в радикализме, и еще после 4 августа 1914 г. он так горевал по поводу позиции, занятой фракцией рейхстага, что, по его словам, лишь с трудом воздержался от выхода из партии. Но уже несколько недель спустя он оказался самым решительным и смелым бордом крайняго правого фланга партии, а теперь явно хочет пойти еще дальше и открыто поступить на службу к господствующим классам. Конец его социал-демократической карьеры должен стать началом его счастья. Так, по крайней мере, можно объяснить загадочное название его книги: „Социал-демократия, ее конец и ее счастье“ [1]). Она уже выпущена буржуазным издательством и в три раза толще его брошюры, появившейся больше года тому назад в издательстве „Форвертса“, под названием: „Германская социал-демократия и мировая война“. Но новых мыслей там нет и некоторый интерес представляет только его полемика с преобладающей частью большинства, которая изменила свои воззрения уже 3 августа, а не через несколько недель спустя, как это сделал Ленш.

Ленш открыто заявляет: „Мы видим, что последствия 4 августа угрожают стать роковыми для германской социал-демократии. За огромную услугу, которую она несомненно оказала в тот день германскому народу, она, повидимому, заплатит если не своей жизнью, то, по крайней мере, ослаблением своих сил на продолжительное время. И, повидимому, обстоятельства сложатся таким образом, что ближайшие месяцы и годы, когда будет решаться судьба немецкого народа, его финансовая, торговая, социальная и военная политика,—рабочий класс не будет принимать в этом почти никакого участия“ (стр. 55).

В то время, как Давид, Гениш, Шейдеман и другие не устают повторять слова декларации 4 августа: „мы подтверждаем то, что мы всегда говорили: „В минуту опасности мы не оставим своего отечества на произвол судьбы“, Ленш решительно возражает против этих блестящих, но пустых фраз (стр. 136). С горькой иронией напоминает он постоянно об этой „близорукой апологии“. Он говорит:

---

[1]) *Dr. Paul Lensch,* „Die Socialdemokratie, ihr Ende und ihr Glück“ (Verlagsb. Hirzel, Leipzig).

„Если германский народ 4 августа действительно радостно приветствовал единогласное голосование кредитов, то для социал-демократии затруднения в тот день не закончились, а только начались. Начались в значительной степени по вине тех усердных, добрых людей и плохих музыкантов, которые бурно „доказывали“, что всякое другое решение было 4-го августа „совершенно невозможно“ и что всякое сомнение в правильности этого решения оскорбляет германскую социал-демократию“ (стр. 104). „Один тот факт, что партия рискует погибнуть вследствие политики 4 августа, доказывает, что здесь кроется что-то неладное. Такие затруднения, какие приходится партии преодолевать, сейчас не могут быть результатом вполне безупречной и единственно возможной политики“ (стр. 59)... „Бебель сказал, что он даже стариком возьмет ружье на плечо, но он никогда не говорил, что предварительно одобрит кредит на войну“ (стр. 71).

Эти критические замечания насчет того, „что мы всегда отстаивали“, весьма элементарны. Но так как они исходят от представителя крайних правых, то может быть они заставят задуматься некоторых социал-патриотов. То же самое относится и к размышлениям Ленша об Интернационале. Он сожалеет, что „германская социал-демократия до настоящего дня судорожно отказывалась признать, что Интернационал окончательно уничтожен“ (стр. 100). Он постоянно повторяет: „Если германская социал-демократия открыто признает, что второй Интернационал прекратил свое существование, то этим она только констатирует исторический факт“ (стр. 75). Но, к сожалению, он вынужден констатировать, что „германская социал-демократия до сих пор прибегает к несколько сомнительной уловке, и официально отрицает крушение Интернационала. Между тем необходимо не только признать и констатировать это крушение, но также установить причины, в силу которых оно стало неизбежным“ (стр. 118). Для него речь идет об „исторически обоснованном и, следовательно, необходимом явлении“, заключающемся в том, что „рабочие классы всех стран, участвующих в войне, фактически единодушно отказались от Интернационала и стали на сторону своих национальностей“ (стр. 106). Особенно важно, что Ленш также констатирует, что в Германии партия „уже 4-го августа поступила так, как будто бы Интернационал перестал уже существовать“ (стр. 103).

С положительными взглядами Ленша нам нет надобности полемизировать [1]). Они те же, что у Реннера, Пленге и других „новей-

[1]) См. превосходную статью *Карла Каутского* в „Neue Zeit“ от 21 июля 1916 г.: „От Радека к Бетман-Гольвегу“.

ших“ авторов. Война—это „германская революция“ (стр. IV). Социализм есть „организующий принцип хозяйственной жизни“ (стр. 194). „Он скрытыми путями, развивается внутри“. Относительно новой германской революции нам категорически заявляют, что „в ней не будет уличных сражений, баррикад, изгнания короля, а тем более его казни“ (стр. 124). На этот счет мы уже были совершенно спокойны, когда прочли введение в книгу, ибо там совершенно сериозно написано, что „во главе германской революции стоит Бетман-Гольвег“.

Прочтешь это и скажешь:

Человеческое, слишком человеческое...
Леншевское, слишком леншевское.

„Kampf“ („Борьба“). Сентябрь 1916 г.

Размышления социалиста о мире.

Макс Адлер: „Два года!.. Размышления социалиста о мировой войне“ [1]).

Напечатанные в этом сборнике размышления, как указывает автор, „направлены на то, чтобы поддержать сознание в бесчеловечности всякой войны, сознание, которое всё время затемняется предрассудками, ленью мысли и отупением“. Они стремятся „показать, какой ужасной катастрофой является эта война не только для экономической культуры, но и для нашей духовной жизни“. Вся брошюра представляет собою сплошную полемику против всех способов прославления нашего „великого времени“, безразлично, облекаются ли они в форму философских рассуждений или агитации в пользу „военного социализма“. Уже в первой статье, которая написана в самом начале войны, культурная программа тыла во время войны определяется, как ликвидация военного настроения, развенчание всякого рода военных и героических представлений. В настоящее время, когда каждый день всё сильнее убеждает в необходимости этого, указанная статья имеет большое просветительное значение и заслуживает внимания широких читательских кругов. Очень интересна принципиальная позиция по вопросу „гуманизации“ войны и ее „экономической необходимости“, изложенная во введении в сборник. Для автора важно „не устранение так-называемых военных бедствий, не сожаление по этому поводу, а критика самой войны“. Выражение „военные бедствия“ он считает совершенно нелепым и

[1]) *Max Adler*, Zwei Jahre! Weltkriegsbetrachtungen eines Socialisten, Nürnberg, Fränkische Verlagsanstalt, 88 Seiten.

вредным понятием. Сама война есть бедствие, и если ее признают, то уже ни о каких бедствиях говорить не приходится, так же как вскрытие брюшной полости нельзя считать бедствием, вызываемым лапаратомией.

В прекрасной главе о мученической смерти, подчеркивается значение сознательной смерти, во имя идеи. Вместе с тем автор постоянно указывает, что классовая борьба выше борьбы народов, потому, что только она приведет к уничтожению классов и тем самым установит мир среди народов, „который будет лишь одним из проявлений классового мира". Но проблема применения насилия в классовой борьбе остается до некоторой степени открытой и мы надеемся, что автор еще выскажется и по этому поводу.

Отдел III.

Политические статьи довоенного времени.

„Neue Zeit“ („Новое Время“), 1909 год.

Тактика австрийской социал-демократии.

1-го января этого года австрийская социал-демократия будет праздновать 20-летие своего рождения: это не значит, что до 1889 года в Австрии не существовало рабочего движения. Но, после состоявшегося тогда под новый год партейтага в Гайнфельде, начинается непрерывный подъем рабочего класса в Австрии. Этот съезд объединил обе враждовавшие группы „радикалов“ и „умеренных“ и положил конец периоду чрезвычайно ожесточенной внутренней борьбы, единственным хорошим результатом которой было то, что с тех пор австрийские социал-демократы всегда ясно сознавали, как опасно суеверное убеждение в возможности единой, всеспасающей тактики.

И действительно, австрийская социал-демократия за эти 20 лет применяла самые разнообразные виды тактики, вполне следуя постановлению Гайнфельдского партейтага, который рекомендовал пользоваться „всеми целесообразными средствами, допускаемыми естественным правосознанием народа. Но при всем разнообразии этой тактики, в одном она всегда оставалась себе верна: она всегда была пролетарской, всегда соответствовала программе, сущность которой была тогда в Гайнфельде формулирована следующим образом: „Организовать пролетариат, научить его сознавать свое положение и свои задачи, подготовить его к борьбе в духовном и физическом отношениях и всегда сохранять его боевую готовность, — вот в чем заключается программа социал-демократической рабочей партии в Австрии“.

Австрийская социал-демократия применяла в процессе своего развития все виды тактики и готова применять их все без разли-

чия, до настоящего дня. Раскол, существовавший до съезда в Гайнфельде, научил ее никогда не ставить вопроса, хороша ли та или иная тактика „сама по себе“, научил никогда не обсуждать вопросы тактики вне времени и пространства. Сознательные рабочие в Австрии понимают, что в зависимости от обстоятельств один и тот же тактический прием может быть гениален и безумен. Подобно тому как некоторые решения при голосовании в парламенте, при одних условиях—дают наибольший эффект, при других—причиняют невообразимый вред, точно так же тактический прием, например, вроде всеобщей забастовки, в одном случае—может быть преступлением по отношению к рабочему классу и его будущему, а в другом случае актом высшей мудрости.

Нельзя раз навсегда наперед расценить все тактические приемы. Всегда приходится взвешивать, где и когда следует применить данное средство. Нельзя дать одинаковый ответ для России и Швейцарии, Соединенных Штатов и Германии. Ответ не может быть одинаков для Австрии 20 лет тому назад или 10 лет, три года тому назад или сейчас. Ответ зависит от экономических и политических условий, а в особенности от тактики противников. А потому не имеет смысла, как это иногда делают, за последнее время, говорить о тактике австрийской социал-демократии. Эта тактика претерпевала разнообразные изменения так же, как и те условия, при которых партии приходилось бороться. И такая же эволюция ожидает ее в будущем. Поэтому тактику австрийской социал-демократии, как и всякую тактику, нельзя понять с принципиально-логической точки зрения. К ней надо подходить с историческим критерием. Она является наилучшим примером того, каким разнообразием отличаются и должны отличаться наши тактические приемы. По своей тактике 20 лет австрийского рабочего движения могут быть легко разделены на четыре периода.

В начале первого периода пролетарии жили в условиях, которые теперь принято называть „русским режимом“. Почти каждый номер социалистической газеты подвергался конфискации, часто газеты вообще закрывались, ввоз заграничных изданий воспрещался, собрания закрывались, союзы распускались, ораторов и редакторов засаживали в тюрьмы, словом, на социал-демократических рабочих натравливали всех полицейских собак. Господствующие классы не соглашались признать права на существование за рабочим движением Австрии. Хотя они старались затушевать это прекрасными фразами, но, в сущности, они стояли на той точке зрения, которая классически формулирована наглым заявлением министра Гискры: „Социальный вопрос оканчивается у Боденбаха“ (т. е. у германской границы). Против этой системы гнета нелегальные средства

были бессильны, так как по части нелегальности австрийские власти всегда могли перещеголять простых граждан. Поэтому партия была вынуждена повернуть копье и попытаться стать на почву законности, стараясь извлечь из законов всё, что было возможно. Законы были плохи, но еще хуже была практика их применения чиновниками, которые беззастенчиво попирали скромные права, предоставленные рабочим в силу законов. Поэтому первой задачей было воспитание властей. Нужно было выяснить им, что, если они требуют соблюдения законов, то первые должны подавать тому пример. Эта обстоятельная педагогическая работа была сделана социалистической печатью, которая под рубрикой „Как с нами обращаются“ печатала приказы окружных начальников и приговоры судей и каждого в отдельности публично изобличала в недостаточном знакомстве с законами или в сознательном нарушении законов. Правда, часто власти пытались прикрыть свой произвол смелым толкованием растяжимых, как каучук, законов. Но партия сумела и этот метод использовать в своих целях. Если уже допускалось „толкование“, то и она могла применять его. Все народные собрания воспрещались, но так называемые „собрания по § 2“, на которые публика допускалась только по приглашению, не нуждались в разрешении властей. Поэтому однажды партия, когда ей настоятельно понадобилось устроить народное собрание, не остановилась перед тем, чтобы письменно пригласить 4.000 рабочих и перед началом собрания представила, как и требовалось, надзирающему полицейскому комиссару список участников, который оказался хорошо переплетенной толстой книгой. Запрещались всякие публичные шествия, а потому партия предложила товарищам 1-го мая отправиться на Пратер „отдельными группами“. Эти „отдельные группы“, которые все „случайно“ оказались на Рингштрасе в 2 часа дня, образовали там компактную массу в несколько десятков тысяч человек, но это не было шествие. Законность в тот период была самой целесообразной тактикой, но разумеется товарищи не так уж упивались ею, чтобы непременно соблюдать все ее требования. Наоборот, когда можно было как-нибудь ловко обойти закон, они с радостью были на это готовы. Это прежде всего сказывалось при распространении газет, которые удавалось доставлять подписчикам, опережая самую прыткую по части конфискаций прокуратуру и полицию. Основной задачей того первого периода было сделать вообще возможным существование партии. Партию нужно еще было построить и укрепить изнутри и вместе с тем предохранить против наиболее грозных внешних напастей. Власти всегда подстерегали момент, чтобы ее уничтожить, но, руководствуясь правилом: „мы не позволим себя запугать, но и не поддадимся на провокацию“, партия постепенно обеспечила себе арену действия. Вну-

шительное празднование 1-го мая в 1890 г. и в последующие годы показало, что рабочие решились защищать право своей партии на существование, а 10 октября 1893 г. показало, что и правительство убедилось в необходимости считаться с рабочим движением в Австрии, как с серьезным фактором.

В этот день 10 октября 1893 года, с которого можно считать начало второго периода в истории австрийской социал-демократии, министр-президент граф Таафе внес в парламент к изумлению депутатов свой достопамятный проект избирательной реформы, который, правда, не отменял системы курий, но предполагал установить всеобщее избирательное право в курии городов и сельских общин. Таким образом впервые признавалось право рабочих участвовать в решении государственных дел. Мотивы, которыми руководствовался Таафе, были отнюдь не демократического свойства. За 14 лет его управления страной рабочее движение подвергалось самым кровавым преследованиям. Но в результате он оказался со своей политикой в тупике. С „соединенной немецкой левой“ он всегда был в плохих отношениях, а „железное кольцо“ из клерикалов поляков и чехов раскололось вследствие разногласий чешской буржуазии с феодальным дворянством. Избирательная реформа, острием своим обращенная в первую очередь против либералов, стремилась восстановить в прежней силе старое большинство, на мандаты которого законопроект не собирался посягать. Но партиям все их разногласия показались ничтожными по сравнению с тем страхом, который внушала избирательная реформа. Они образовали новое большинство. Против этого Таафе ничего не имел, но большинство оказалось направленным против него и прежде всего против избирательной реформы. Это новое большинство образовалось из „коалиции“ либералов, консерваторов и польского клуба.

Для социал-демократии, которая еще за год перед тем перенесла центр тяжести своей агитации на требование избирательного права, правительственный законопроект независимо от его истинных мотивов представлял огромную важность. Широкие массы, которые впервые обратили внимание на социал-демократию, благодаря празднеству 1-го мая, но которые еще весьма скептически оценивали возможность ее успеха, должны были усмотреть в этом проекте избирательной реформы результат агитации партии. Доверие к социал-демократии сильно возросло в широких кругах населения и в то же время существование партии получило внутреннюю прочность и разрушительные замыслы полиции и других властей были несколько обузданы. Партия могла уже перейти от обороны к наступлению. Начинался период уличных демонстраций и массовой борьбы, период угроз господствующему классу.

В этот момент партия стояла перед самым критическим вопросом всего своего дальнейшего развития. Коалиция буржуазных партий была создана для борьбы с избирательной реформой. В то же время эта коалиция была направлена против министерства Таафе. Выход на улицу для демонстрации в пользу избирательной реформы мог быть истолкован, как манифестация в пользу графа Таафе, того Таафе, от которого рабочее движение никогда не видело ничего, кроме ненависти и презрения. Партия стала сильной и самоуверенной, но одна видимость того, что она прощает графу Таафе, могла снова расшатать ее до основания. Возможно, что если бы тогда пролетариат всеми своими силами поддержал избирательную реформу графа Таафе, то победа его избавила бы австрийское государство от многих лет анархии, но социал-демократическая партия вышла бы сильно пострадавшей из этой авантюры и никогда бы не достигла нынешней своей высоты. И потому тогда было принято решение отказаться от непосредственного успеха в интересах будущего партии.

Граф Таафе ушел в отставку и на сцене появилось коалиционное министерство Пленера-Виндишгреца. Оно было вынуждено признать избирательную реформу задачей первой важности, но преследовало только одну цель: затормозить эту реформу. Тогда вся мощь революционной энергии могла беспрепятственно направиться на пользу избирательной реформы. В Австрии, специально в Вене, происходили бурные демонстрации, в печати и на собраниях с презрением и ненавистью обрушивались на свирепов и в то же время комическое правительство. В 1894 году партейтаг даже обсуждал вопрос о всеобщей забастовке и только после страстных прений принята была резолюция, признававшая забастовку „крайним средством, которое правление партии должно применить в надлежащий момент“. Значительная часть делегатов была готова провозгласить забастовку немедленно.

Правительство отбоярилось при помощи старых излюбленных средств: преследования, конфискаций, запрещений, судебных приговоров. Были пущены в ход полицейские сабли и солдатские ружья. Но всего этого оказалось недостаточно. Партия уже вышла из того состояния, когда такие приемы могли причинить ей серьезное расстройство. Она осталась стойкой и добилась падения правительства.

Избирательная реформа стала неизбежной, и новому министру-президенту графу Бадени было поручено серьезно заняться ее осуществлением. Как известно, он вышел из затруднительного положения, благодаря тому, что оставил неприкосновенной старую куриальную систему, т.-е. уступил желаниям господствующих партий, дрожавших за свои мандаты. Но к этой системе он прибавил новую пятую курию всеобщего избирательного права с

72 мандатами. В ней избирательное право хотя и ограничивалось при помощи таких хитростей, как оседлость и двустепенное представительство, но всё же подача голосов была всеобщая и в ней участвовали все, даже те, кто уже пользовался избирательным правом по другой курии.

Эта избирательная реформа была отвоевана социал-демократами у правительства и парламента, но она далеко не удовлетворяла их требованиям. Правда, на первых порах достигнутый частичный успех приостановил движение. Нельзя было сразу создать такое напряжение сил, какое требовалось для нового натиска в борьбе за избирательное право. К тому же требовалось приложить всю энергию, чтобы использовать то, что уже было достигнуто.

Однако, период насильственных демонстраций еще не закончился. Новый парламент, избранный на основании реформы Бадени, и имевший в своем составе 14 социал-демократов, очень скоро загудел от обструкции немецких буржуазных депутатов, протестовавших против указов Бадени о языках. Тогда Бадени пришла в голову неудачная мысль водворить в парламенте порядок посредством полиции. Немецкие буржуазные депутаты готовы были удовольствоваться бумажным протестом против этого правонарушения, но кучка социал-демократических депутатов шутить не желала. Она заявила, что в присутствии полиции не потерпит продолжения прений, бросилась штурмовать президиум и вступила в драку с полицией. После упорного сопротивления полицейские на руках вытащили социал-демократов из зала, но цель была достигнута: заседание стало невозможным. А несколько часов спустя улицы гудели от массы демонстрантов и выпущенных против них кавалерийских эскадронов. Бадени в течение двух дней не терял надежды саблями восстановить порядок, но потом должен был подать в отставку. Этот день 28-го ноября 1897 года можно считать концом второго периода в австрийском рабочем движении.

Наступил продолжительный тяжкий период политического з а с т о я. Парламент растрачивал силы в национальной борьбе буржуазных партий и никак не мог одолеть „соглашения“ с Венгрией. Министерства, быстро сменявшие друг друга, работали при помощи § 14, того комического параграфа, который считает себя в силах сделать а б с о л ю т и з м „конституционным“ при помощи специальной статьи закона. Социал-демократические депутаты в парламенте держались стойко, пользовались всяким случаем для критики и превратили парламент в прекрасную агитационную трибуну для улицы. Положительной работы по усовершенствованию законов при таких условиях разумеется делать они не могли, хотя их успехи, вроде отмены налога на газеты, закона о 9-ти часовом рабочем дне в горной промышленности, были, относительно говоря, огромны. Центр тяжести того периода заключался не в политиче-

ском творчестве, а в укреплении занятых позиций. Широкие массы, в избирательных записках высказавшиеся за социал-демократию, нуждались в том, чтобы их навсегда привлекли к партии. Нужно было воспитать их социалистами, ввести в политические и профессиональные организации. Сама организация требовала разработки, приспособления к разноязычному населению. Партия воспользовалась возможностью, которой она, к сожалению своему, была лишена в годы упорной борьбы, и принялась на своих партейтагах обсуждать и выяснять свое отношение к целому ряду основных вопросов, как проблема национальностей, государственно-правовые отношения с Венгрией, кооперативное движение и т. д. К этому периоду внешнего и внутреннего собирания сил, продолжавшийся почти восемь лет, относится также и новая редакция партийной программы в 1901 году.

Если с объективной стороны этот период был чрезвычайно полезен для развития партии, то вполне понятно, что субъективно товарищи сильно страдали в это время. Сознание, что государственная смута в Австрии является каким-то роком и что негде приложить рычаг, при помощи которого можно было бы выйти из болота, это сознание вызывало тягостное настроение, как ясно показывают прения на партейтагах того времени, особенно в Зальцбурге (в 1904 году). Лекарство было хорошо известно: всеобщее равное и прямое избирательное право. Но как провести его—вот был вопрос, на который пока еще не было ответа. Благоприятная ситуация, которая освобождает все запасы энергии, открывает удобные пути, такая ситуация не могла быть создана волшебством. Ее нужно было выждать, хотя бы и со скрежетом зубовным. И то, что товарищи тогда сумели себя сдержать, не растратили порох понапрасну и во вред партии, это было немалой заслугой с их стороны. Сохранить самообладание было так же трудно, как при других случаях совершать подвиги мужества.

Но благоприятный момент наступил. В Венгрии на выборах победила партия независимых и в соответствии со своей старой программой она угрожала интересам династии. Тогда министр внутренних дел Кристофи и предложил императору ввести всеобщее избирательное право с целью запугать Кошута и его товарищей. Партия независимых располагала большинством в парламенте, но ее избиратели составляли только ничтожную часть населения. Угроза апеллировать к народу возымела действие. Кошут немедленно принес повинную, и император достиг своей цели. Правда, желания бесправного венгерского народа остались неисполненными и по сие время, ибо избирательная реформа всё еще находится в проекте, но для Австрии эти события имели огромное значение. Австрийский министр-президент Гаутч заявил императору протест против проекта избирательной реформы в виду ее возможных последствий для

Австрии. Но именно протест способствовал тому, что социал-демократия настойчиво занялась этими последствиями и с новой энергией повела борьбу за избирательное право. А когда через несколько недель, 31 октября (нов. стиля) 1905 года, в результате русской революции появился манифест царя, боевое настроение австрийских рабочих достигло высшей точки кипения. Заседавший в Вене в то время партейтаг подал сигнал для начала кампании и рекомендовал готовиться к массовой политической забастовке.

31 октября (нов. стиля) 1905 г., с которого можно считать начало четвертого периода в истории австрийской социал-демократии, насильственные средства воздействия, которыми располагает пролетариат, достигли максимального развития. Рабочие были уже вполне мобилизованы, всеобщая забастовка подготовлена во всех деталях и нужен был только сигнал, чтобы осуществить ее в любой момент. Уличные демонстрации приняли размеры, дотоле небывалые. Происходили кровавые столкновения с полицией. На флагштоке парламентского здания подняли красные знамена. Вся Австрия была охвачена движением, которое достигло высшего напряжения 28-го ноября, когда в Вене 250.000 рабочих, мужчин и женщин, молча, но решительно прошли перед парламентом, собравшимся на первое заседание. Процессия продолжалась четыре часа. Это была самая внушительная демонстрация, какую видала Европа до тех пор.

Но при всей грандиозности всех этих демонстраций в них не было ничего нового, что позволяло бы говорить о новом периоде в смысле тактики. Все эти средства борьбы применялись уже раньше, и теперь они приняли только обостренную форму, граничившую с открытой революцией. То, что отличает этот период от предыдущего, это то, что партия не только бросает на весы всю свою силу, но и начинает использовать для своих целей бессилие и растерянность „господствующих“ классов.

Это бессилие и растерянность являются специфическими австрийскими явлениями, как и национальная борьба, которой они вызваны. В Австрии создаются ситуации, от которых избавлены рабочие партии других стран, и становятся возможными тактические приемы, прибегать к которым в других странах нет ни повода ни возможности. В Австрии угнетаются все нации. Но все нации или, выражаясь точнее, имущие классы всех наций хотят вместе с тем быть угнетателями. Немцев теснят в Праге, чехов в Вене, но и немцы и чехи исповедуют централизм и только сферу его действий каждый из них намечает по своему. Чехи стремятся к „богемскому государственному праву“, немцы желают установить „государственное право“ для всей Австрии. Проще говоря, это значит следующее: чешская буржуазия желает неограниченно властвовать и установить национальный гнет в землях чешской короны, а немцы желают произвести то же самое во всей Австрии.

Социал-демократия противопоставляет свою программу автономии и равноправию национальностей буржуазному идеалу национального гнета, господства одной нации над другими, тому идеалу, который требует самостоятельности только для своей нации и считает „национальным предательством" отказ от угнетения других национальностей. Социал-демократия желает, чтобы вместо угнетающих и угнетаемых были свободные народы, которые в мирном соперничестве друг с другом самостоятельно и на демократических основаниях устраивали бы свои дела.

Уже в силу своей программы социал-демократия должна выступить против борьбы между национальностями, но она должна это сделать также и по той причине, что только таким образом можно создать почву для отчетливого выявления классовых противоречий, почву, на которой потерпят неудачу все попытки отвлечь пролетариат посредством националистических фраз от защиты им своих действительных интересов, от классовой борьбы.

Но эта позиция по отношению к национальной борьбе тесно связана с позицией по отношению к государству.

Классовая борьба пролетариата, которая стремится устранить государство, как машину гнета, эта борьба может происходить только при наличности государства, которое служит ареной для борьбы и переговоров. Наличность демократической конституции является непременным условием пролетарской борьбы. Австрийская социал-демократия находится в своеобразном положении вследствие того, что это условие постоянно является сомнительным, так как постоянно есть опасность, что эта арена ускользнет из-под ног социал-демократии.

В то время, как во всех странах пролетариат может направить все свои силы против государства, как машины гнета, в Австрии он был и до сих пор еще остается отчасти вынужденным противодействовать бесцельным нападкам буржуазных шовинистов всех наций на государство, как на арену борьбы и соглашений. Австрийский парламент, австрийская конституция разумеется не являются идеалом, но они все-таки во сто раз лучше, нежели австрийский абсолютизм. Этот абсолютизм всегда был готов напомнить о себе, как о единственном выходе, когда волны националистической демагогии смывали последние остатки здравого смысла. Поэтому в Австрии борьба против абсолютизма не является, как в других странах, прежде всего борьбой против правительства, а направляется в первую очередь против вспышек припадков безумия у буржуазных партий, вспышек, которые могут служить оправданием для абсолютизма.

Более того! Династия с ее придворным штатом, бюрократия и офицерство, словом, все, кто заняты правительственным ремеслом, или косвенным образом связаны с ним своим существованием, оказываются

непосредственно заинтересованными в работоспособности государства и притом не только, как машины гнета. Между тем эта работоспособность постоянно парализуется националистическими эксцессами и не исключена даже возможность, что центробежные силы ирредентистов всех наций когда-нибудь достигнут таких размеров, что Австрия распадется, хотя бы только на короткое время. А стать „безработным", хотя бы временно, это самое страшное для тех, кто занят в правительственном аппарате.

Поэтому в Австрии бюрократы, офицеры и т. д. в большей степени, чем во всех других странах, выступают в качестве самостоятельного класса. Как и повсюду, задачей их является защищать интересы других эксплоатирующих классов, но они находятся в антагонизме к этим эксплоатирующим классам, ибо они противники национальной борьбы. Это имеет последствием то, что в то время, как в других странах проявляются только противоположные интересы правящей бюрократии и пролетариата, причем бюрократия стремится улучшить машину гнета, а пролетариат устранить ее,—в Австрии порою замечается устремление интересов в одну и ту же сторону.

Это есть не что иное, как отрицательное отношение к борьбе национальностей, вызванное, правда, различными мотивами, но одинаково наблюдающееся у пролетариата и бюрократии.

Впервые и наиболее ясно этот параллельный интерес проявился в заключительной стадии борьбы за избирательное право! Император на стороне социал-демократии за избирательное право! Это вызывало всеобщее изумление и породило самые разнообразные толкования, свидетельствовавшие о довольно слабом понимании происходящего. Буржуазные газеты лепетали о симпатиях рабочих к престарелому монарху, и даже социал-демократическая печать за пределами Австрии с трудом разбиралась в этом положении. Если не следовать строго материалистическому пониманию истории, то легко впасть в соблазн и недооценить значение монархов. Мы обыкновенно не обращаем достаточно внимания на то, что мы могли бы многому научиться у этих императоров и королей, что они являются как раз примерами классового сознания, свободного от всякой сентиментальности. Франц-Иосиф I за все время своего правления старался с железной последовательностью отстаивать интересы династии, т.-е. того класса, к которому он принадлежал. Не увлечение демократией сделало его, который взошел на трон в разгар свирепой контр-революции,—сторонником всеобщего избирательного права, а трезвое соображение, что это избирательное право может стать обручем, столь необходимым для государства.

А с другой стороны, у социал-демократии не было никакого основания отказываться от поддержки императора в избиратель-

ной реформе. Ведь в этой заключительной борьбе партия прекрасно умела пользоваться всеми возможностями и извлекать выгоду из расхлябанности буржуазных партий, которые постоянно запутывались в сетях своего собственного национализма. Такие проникнутые классовым сознанием люди, как Франц-Иосиф и австрийские социал-демократы, свободно могут принимать участие в одном и том же деле, не рискуя быть заподозренными в глубоких симпатиях друг к другу. Социал-демократия тем спокойнее могла применить тактику, дававшую столь успешные результаты, так как борьба против государственной машины гнета не прекращалась ею вследствие этого ни на момент.

14-го мая 1907 года происходили первые выборы на основании всеобщего голосования, и в парламент вошли 87 социал-демократов. Первый шаг для преодоления трудностей австрийской национальной проблемы был сделан. Но только первый шаг. Вскоре снова вспыхнула обструкция националистов, и вопрос, чему быть — парламентаризму или абсолютизму — не сходил с очереди. В этом вопросе для социал-демократии не было сомнений, и тактика нашей фракции диктовалась сама собою. Эта ситуация нашла себе характерное выражение, когда дюжина чешских шовинистов попыталась помешать принятию бюджета. Тогда социал-демократы подали свои голоса за то, чтобы обсуждение бюджета было признано спешным. Без них это предложение не могло быть принято. Тех, кто не посвящен в тайны австрийского парламентского наказа, пытались убедить, будто социал-демократы голосовали за бюджет и, следовательно, пошли вразрез с тактикой германских социал-демократов. Эта ложь скоро была опровергнута, но порою она повторяется и посейчас. В действительности австрийская социал-демократия приложила только все старания к тому, чтобы сохранить права бюджетного контроля, и в данном случае она действовала вполне в духе тех резолюций, в которых ставилось требование бюджетного контроля. Но, разумеется, после обсуждения бюджета социал-демократия, как и прежде, отказалась голосовать за него.

Можно было бы на примере всех остальных вопросов показать, что в тех крайне сложных ситуациях, в которых постоянно находится австрийская социал-демократия, она всегда умеет сильно и резко выражать классовые интересы пролетариата. И если иногда случается мелкая оплошность, от которой не избавлен ни один художник, ни один ремесленник, то всегда решительная критика со стороны других товарищей тут же на месте устраняет опасность сколько-нибудь серьезного вреда [1]).

[1]) Мы имеем здесь в виду постановление фракции, разрешавшее товарищу Пернерсторферу принять приглашение императора, полученное им в качестве вице-президента. Это постановление уже на следующий день под-

Австрийская социал-демократия проникла в парламент, она прекрасно умеет пользоваться этой выделяющейся над всей страной трибуной и заставляет считаться с силой пролетариата. Но вместе с тем австрийская социал-демократия не стала „парламентской партией", полагающей, что массы вне парламента могут предаваться бездействию. Наоборот, подобно тому, как она уже в Гайнфельде выставила требование всеобщего избирательного права, „отнюдь не обманываясь относительно ценности парламентаризма", точно так же и теперь парламентаризм означает для нее прежде всего устранение абсолютизма. Она не отказывается ни от одного средства, полезного для ее деятельности и подобно тому, как она в прошлом применяла всевозможные средства, она и в будущем будет отдавать всегда предпочтение той тактике, которая ведет к цели. И потому она могла встретить 20-летие своего рождения радостным признанием: „Мы остались и впредь останемся тем, чем были!". Как и до сих пор она будет продолжать бороться всеми средствами для достижения своей единственной цели, которую гайнфельдская программа формулировала, как „освобождение всего народа, без различия национальностей, расы и пола, из оков экономической зависимости, политического гнета и духовной тьмы.

В этой Австрии, где постоянно колеблются, подобно маятнику, то пытаются объединить буржуазные партии и призывают их к „окружению" социал-демократии, то, когда эта попытка не удается, кланяются социал-демократии и просят, чтобы она помогла вытащить завязший по милости буржуазных партий в грязи воз, в этой Австрии, где всё шиворот на выворот, где христианские социалисты свергают правительство Бека из опасения, что оно слишком идет навстречу социал-демократии, в этой Австрии социал-демократия кроме своих обычных задач выполняет еще одну функцию: среди полной растерянности она одна знает, что надо делать. И народ тысячами примыкает к ней, видя в ней единственный выход из путаницы, созданной буржуазными партиями. Таким образом всё шире становятся массы, доступные социалистическому воспитанию и растет надежда, что недалеко то время, когда снова придется переменить тактику, когда социал-демократия революционизирует головы большинства населения и приобретет силу, достаточную для осуществления конечной цели.

верглось жесточайшей критике на столбцах центрального органа партии. Затем оно вызвало порицание со стороны всех почти ораторов на партейтаге в Рейхенберге и теперь уже наверное никогда не повторится. Но если это хождение ко двору явилось излишним, то во всяком случае оно не могло вызвать смущения в массах. Об этом позаботилась сама фракция... ибо из всех австрийских социал-демократов как раз Пернерсторфер чаще других резко высказывался против монархии.

„Kampf“ („Борьба“). Август 1911 года.

Интернационализм второго сорта.

Если бы мы не знали этого сами, то торжество наших противников достаточно убедительно показывает рабочему классу Австрии, что его силе и авторитету нанесен ущерб действиями чешских сепаратистов. Обычно буржуазия пренебрежительно отзывается об интернационализме, старается изобразить его, как нечто совершенно незначительное и даже вредное для рабочего класса. А теперь, когда австрийский пролетариат утратил часть своего интернационализма, буржуазия ликует. Теперь уже не говорят о ничтожном значении интернациональной солидарности, теперь можно убедиться, что эксплоататоры Австрии и их политические помощники прекрасно знают, что национальный раскол среди профессиональных союзов и трещина в парламентской фракции лишают рабочий класс части его силы, части его авторитета. Теперь яснее, чем когда-либо, что интернационализм—не пустой призрак. Противники ликуют и, к сожалению, ликуют с полным основанием, ибо надежда, которую мы еще могли питать год тому назад во время Копенгагенского конгресса, что чешские сепаратисты не решатся стать в оппозицию всему Интернационалу, что они еще подумают и передумают, эта надежда теперь исчезла: чешский сепаратизм существует и уже не скоро исчезнет. Факт этот печален, но его надо признать и с ним должна считаться наша тактика. С полным основанием обращает товарищ Ганних внимание на этот пункт в своей статье, которая вызвала много шума как в самой партии, так и за ее пределами. Он говорит:

Чешские рабочие в большинстве и слышать не желают об интернационализме, как его понимали и проповедывали до сих пор мы, немцы, и как он воплощен в централизованной профессиональной организации. У нас нет средств снова вернуть их в централизованную профессиональную организацию или удержать тех, кто из нее еще не вышел... И нет никаких оснований думать, что чешские товарищи откажутся от своих сепаратистских стремлений и в качестве раскаявшихся грешников вернутся к признанию централистического принципа профессиональных союзов.

Товарищ Ганних прав: мы должны считаться с чешским сепаратизмом, как с существующим фактом. И было бы неправильным думать, что немецкие товарищи в состоянии восстановить интернациональную сплоченность—против воли чехов. Как и во всех случаях, разрушитель здесь сильнее строителя. Чешские сепаратисты презрительным жестом отметают мнения и постановления пролетариата всех национальностей. Они лишены сильных уз международной солидарности, а средств понуждения нет у немецких социал-демократов, да они и не желают их применять. Нельзя принудить к солидарности.

Не будем поэтому обманываться: наши лучшие намерения сокрушаются о сопротивление сепаратистов, ибо идеал Интернационала в области профессиональных и политических организаций достижим лишь в том случае, если к нему стремятся все нации. В этих пределах мы вполне согласны с товарищем Ганнихом; согласны с ним также и в том, что необходимо смотреть действительности прямо в глаза и уяснить себе, каким образом можно приноровить нашу тактику к создавшемуся печальному положению. Но мы решительно несогласны с предложениями товарища Ганниха, касающимися этой новой тактики. Он говорит, что нам надо изменить свои мнения, надо „перестать клеймить сепаратизм, как измену социал-демократическим принципам", а наоборот „надо самим тоже стать на национальную точку". Полемизировать против этого чрезвычайно странного предложения нет надобности, ибо все партийные органы немецких социал-демократов самым решительным образом восстали против него. Зато нелишним будет еще раз основательно обсудить взаимные отношения немецких и чешских социал-демократов. Настал момент, когда нужно и можно высказать то, что есть. Вопрос, который ставит товарищ Каутский в этой книжке „Kampf'a" и многие подобные вопросы на устах у всех, и в наших организациях уже проявляется некоторое недовольство по поводу того, что поток неосновательных нападок на интернациональное профессиональное движение и на немецкую социал-демократию, в которых ежедневно упражняются сепаратисты, у нас упорно замалчивается, в особенности нашим центральным органом.

Такое молчание бесспорно было полезно, пока еще оставалась надежда, что сепаратисты скоро опомнятся. Тогда молчание представляло собою крайнее проявление той тактики, которой немецкие социал-демократы всегда держались в противоположность некоторым заграничным социалистическим партиям. Они всегда проводили строгую разницу между полемикой с врагами и друзьями. Тогда как на войне считается за правило, что лучше нанести врагу десять лишних ударов, чем не додать одного, в разногласиях с друзьями всегда следует держаться обратного—лучше десять недоданных ударов, чем один лишний.

Эту тактику германские социал-демократы в Австрии довели до крайности по отношению к чешским сепаратистам. Они вообще не оборонялись, хотя сепаратисты совершенно не стеснялись обращаться с ними, как с врагами и даже хуже, чем с врагами. Мы не последуем примеру сепаратистов. Мы и впредь не будем обращаться с ними так, как они с нами. Но настал момент, когда молчать уже невозможно, а необходимо сказать с трезвым спокойствием то, что должно быть сказано.

Нам не надо подробно доказывать, что немецкие социал-демо-

краты в Австрии всегда с глубоким убеждением отстаивали полное равноправие чехов с немцами, что они всегда требовали, чтобы обеим национальностям открыты были одинаковые возможности развития, что они всегда считали обе национальности вполне равноценными.

Но, как ни больно это сказать, надо признаться, что в одном пункте немцы действительно уже много лет считают чехов товарищами второго сорта. Этот единственный пункт есть интернационализм.

Мы не намерены отрицать, что порою и немецкие товарищи могут согрешить против требований интернационализма. Статья товарища Ганниха является как раз убедительным примером для таких, по счастью, весьма редких случаев. Но общая масса немецких товарищей никогда не соблазнялась подобными ошибками отдельных лиц и оставалась непоколебимо верна принципам Интернационала.

Точно также мы не хотим сказать, что этот суровый приговор заслужен всеми чешскими социал-демократами. Исключенные из чешско-славянской партии товарищи: Юра, Мерта, Веска и другие лучше всего доказывают, что можно быть чехом и в то же время убежденным интернационалистом. Но относительно преобладающего большинства чешских социал-демократов мы вынуждены, к сожалению, констатировать, что они всё еще интернационалисты второго сорта.

Мы отнюдь не думаем считать эту второсортность „национальным свойством“. Мы прекрасно знаем, что всё это объясняется историческими условиями, знаем, какую тяжелую борьбу приходится вести чешским товарищам с буржуазной сволочью всех оттенков, знаем также и то, что главным оружием против них служила всегда национальная фраза. Но, к сожалению, нам также известно, что шаг за шагом они сдавались противнику и, из страха согрешить перед нацией, они, наконец, совершенно забыли, что бывают грехи и в отношении Интернационала.

Второсортность интернационализма у чешских социал-демократов вполне обнаружилась, собственно говоря, только после Копенгагенского конгресса. Но существует она уже с тех пор, как существует организованная чешская партия, и немецким социал-демократам в Австрии всегда приходилось с этим считаться. И они считались. Можно сказать без похвальбы, они всегда братски относились к чешским товарищам. На долю немцев именно вследствие второсортности чешского интернационализма выпадала роль старшего, более сильного брата, который должен защищать младшего, более слабого. В этом смысле немецкие социал-демократы из года в год служили для чешских ширмой. Они прилагали все старания для того, чтобы не обнаружить при других

слабости чешских товарищей, чтобы сохранить видимое единство рабочего движения в Австрии, дабы и чешские товарищи считались полноценными интернационалистами.

Мы не собираемся здесь излагать всю историю партии, но каждая страница ее доказывает, что чешские товарищи отдавали всё большую дань своим националистическим вожделениям, а заботу об Интернационале целиком предоставляли немцам.

Как далеко шли немецкие социал-демократы, скрывая слабость чешских, в этом может убедиться всякий, кто ознакомится со статьями сепаратистской печати, которые переводились по указанию немецких профессиональных и партийных учреждений для того... чтобы сохранить их в архиве. Эти переводы не опубликовывались, ибо было ясно, что простая публикация без всяких критических добавлений вызовет бурю негодования в немецком пролетариате против чешских сепаратистов. Даже по отношению к своим собственным товарищам, немецкие социал-демократы прикрывали чешский второсортный интернационализм, желая сохранить авторитет всего движения в его целом и надеясь на то, что сепаратисты еще образумятся.

Немцы с гордостью могут сказать, что они до конца исполнили свой долг, предписываемый им Интернационалом. Правда, недостижимого они достичь не могли. Второсортность чешского интернационализма они могли скрывать так долго лишь благодаря тому, что избегали публичных объяснений. Для созыва общего партейтага, для общего обсуждения и дальнейшей разработки национальной программы, у австрийской социал-демократии за последние годы не хватало сил. Интернациональный престиж сохранялся так долго лишь благодаря тому, что к нему предъявляли как можно меньше требований.

Шаг за шагом, чехи выступали против интернационализма. В 1907 году по их настоянию были созданы национальные клубы в социал-демократической фракции рейхсрата. Они никогда не принимали участия в совещаниях и решениях социал-демократических депутатов, как равные среди равных, а всегда появлялись на общих заседаниях в виде сплоченного клуба с готовыми резолюциями. Из-за них соглашение по всякому мелкому вопросу в общей организации становилось чрезвычайно сложной проблемой. Они в целом ряде случаев помешали соглашению и, не задумываясь, доставляли посторонним такое зрелище, как голосование социал-демократических депутатов в парламенте друг против друга [1]). Они не

---

[1]) При таких условиях даже комично звучит, когда недавно одна чешская газета сообщение об образовании немецкого соц.-дем. клуба напечатала под заголовком: „Немецкие с.-д. выходят из общей организации".

стеснялись ставить всё более широкие национальные требования, так как рассчитывали, что немцы согласятся на все жертвы, ради сохранения интернационального и партийного единства.

Но слишком натянутая тетива лопнула. Полное пренебрежение сепаратистов к копенгагенским резолюциям, безнадежность всяких переговоров с ними—тяжелым бременем ложились на деятельность партии в парламенте, которому за последние недели перед роспуском приходилось работать при все усиливающихся трениях.

Когда товарищ Модрачек, не считаясь с мнением партии, по личной инициативе примкнул к обструкции, невозможность партийной организации в нынешнем ее виде стала слишком ясной. Чаша переполнилась, когда сепаратисты выставили своих кандидатов против немецких социал-демократов в Богемии.

Стало очевидным, что на будущее время нельзя сохранить прежние отношения между немецкими и чешскими социал-демократами. Нельзя было требовать, чтобы и впредь немцы прикрывали дефекты чешского интернационализма. В силу крайней необходимости создались новые формы отношений между чешскими и немецкими социал-демократами. Немцы не могут более продолжать играть роль „старшего брата“. Было бы не только невозможно, но даже вредно для движения, если бы они и впредь считали своей задачей скрывать перед обществом ошибки чехов, вытекающие из второсортности их интернационализма. Немцы должны привыкнуть обращаться и в этом вопросе с чехами, как с вполне совершеннолетними людьми, которые сами отвечают за свое поведение. Немцы должны отказаться от попыток принимать на себя и исправлять неприятные последствия чешских поступков. Чехи должны сами нести эти последствия. Только факты научат чешских социал-демократов понимать, куда ведет их образ действий, их манера требовать проявления интернациональных чувств от других, тогда как сами они совершенно не заботятся о сохранении интернационализма.

Первым результатом этой новой точки зрения было то, что немецкие социал-демократы приравняли себя в парламенте к чешским и придали своему клубу такое же значение, какое до тех пор имел только чешский.

Немцы предприняли этот шаг не потому, что отдают предпочтение системе национальных клубов перед общей организацией. Совсем наоборот: они по-прежнему видят в общей организации самое лучшее представительство интересов пролетариата, но, конечно, только в такой общей организации, которая действительно отвечает своему назначению, в которой все не только имеют одинаковые права, но и несут одинаковые обязанности. Тем, что немцы временно переносят центр тяжести своей работы в клуб, они осуществляют только педагогическую меру. Чешские

социал-демократы могут теперь убедиться, какие последствия получатся, если все предъявят такие же требования, как и они. Принятая немцами мера вызвана не потребностью в автономии, как можно думать при поверхностном отношении к делу. Эта мера стремится новыми путями придти к прежней цели, к усилению интернациональной сплоченности нашей парламентской фракции.

В то время, как в сфере политической деятельности последствия сепаратизма только еще начинают проявляться, в профессиональном движении мы уже имеем дело с законченными фактами. Интернационалистическая деятельность немецких социал-демократов в профессиональном движении не может уже ограничиваться одними выводами из разрушительных действий, ибо здесь уже пора подумать о восстановлении возможно более сплоченной объединенной организации. Товарищ Отто Бауер, как мне кажется, совершенно правильно заявил в последнем номере „Kampf'a", что, „пока идет борьба из-за профессиональных организаций, невозможно единство политической борьбы". Исходная точка для мира может быть только там, где была исходная точка войны в профессиональных союзах. Товарищ Бауер признает также, что интернационализм может воскреснуть только в результате всеобщего убеждения, и не может быть восстановлен принудительной силой. Можно, конечно, отменить по отношению к тем, кто вредит профессиональному движению, все договоры о взаимности, лишить их всякой финансовой помощи, но такие средства оказываются недействительными, когда разрушительная работа приняла столь значительные размеры, как у сепаратистов. Единственным средством обороны является просвещение, единственной надеждой— надежда на то, что в конце концов чехи придут к сознанию экономической необходимости. Товарищ Бауер не верит, чтобы в ближайшем будущем удалось осуществить в профессиональных союзах вполне централистический интернационализм. Сепаратисты раскололи профессиональную организацию и, к сожалению, только они могут исправить разрушенное, а не те, кто остались верны интернационализму. А потому, в положении, созданном сепаратистами, не остается ничего другого, как, следуя традиции интернационализма, искать, где будет меньшее зло. Бауер усматривает его в территориальном разграничении сфер деятельности интернациональных и чехославянских профессиональных союзов. Австрийскую профессиональную организацию надо разделить таким образом, как если бы Австрия распалась на два государства. Тогда между обеими профессиональными организациями создались бы точно такие отношения, как, например, между профессиональными союзами Германии и Англии. Вместо дробления организации в каждом отдельном предприятии следует

установить деление на две территориальные области, в каждой из которых будет находиться только одна центральная профессиональная организация. Для каждого, кто знает условия профессиональной борьбы, ясно, что это действительно является меньшим злом.

Предложение Бауера, несомненно, идет на пользу интернационализму. Но сомнительно, чтобы сепаратисты в нынешнем их состоянии согласились принять это меньшее зло. Пока что они удаляются от нас не только по вопросам профессиональной и политической организации. Последние события—„общее выступление“ с буржуазными партиями всех оттенков Моравии—ясно показали, что проклятие национализма не только разъединяет их с товарищами других наций, но и заставляет совершенно забывать о требованиях классовой борьбы.

Тактика немецких социал-демократов направлена на то, чтобы достичь максимума интернациональности. При этом они не обращают внимания на вопли немецких националистов о „национальной измене“. Они знают, что не совершают предательства по отношению к своей нации, когда требуют равноправия для всех наций. И подобно тому, как они не дадут себя убедить немецким нацоиналистам и не пойдут на сделки во вред чехам, точно также они не согласятся уступить чешским националистам и не позволят чехам предъявлять более высокие требования, чем предъявляют немцы. Предел требований чешской нации, отстаиваемый немецкими социал-демократами, определяется всецело размером требований немецкой нации, представителями коей они являются.

То, что удалось чешским буржуазным националистам, то не удастся немецким. Немецкие социал-демократы не поддадутся влиянию националистической травли. На затруднения, которые созданы в рабочем движении сепаратистами, они не ответят понижением своей позиции до того уровня, при котором они бы стали тоже интернационалистами второго сорта. Наоборот, предметом гордости немецких социал-демократов в Австрии является то, что они были, есть и будут верны Интернационалу.

„Kampf“ („Борьба“). Ноябрь 1912 г.

Наука и партия.

На партейтаге германской социал-демократии в Хемнице исключен из партии весьма почтенный человек. Личные достойные качества Гергардта Гильдебрандта признавали в дебатах все его противники, но вместе с тем подавляющее большинство партейтага решительно высказалось в том смысле, что Гильде-

брандт не является убежденным социал-демократом, а потому не может оставаться в рядах партии.

Мы не собираемся писать здесь исследование о воззрениях Гильдебрандта, об их основательности, которой не отстаивал никто из товарищей, даже из тех, кто желал пощадить его от исключения. Оставляем также в стороне вопрос, насколько его воззрения согласуются с принципами социал-демократии. Достаточно взять брошюру Гильдебрандта „Социалистическая внешняя политика", чтобы понять, что он преследует совершенно иные цели, нежели социал-демократы. Он и сам это вполне сознает. В предисловии он прямо указывает, что уже Иенский партейтаг „единогласно отклонил" в 1911 году то, что он, Гильдебрандт, считает „актуальной задачей германской социал-демократии". Но это не остановило его от дальнейшей пропаганды его идеи, что и с социалистической точки зрения для Германии обеспечение колониальными владениями стало актуальной экономической необходимостью, точно так же, как и для прочих западно-европейских промышленных государств. О „необходимости обеспечения колониальными владениями" мы здесь спорить не будем. Достаточно установить, что германская социал-демократия решительно отвергает эту необходимость и что требования Гильдебрандта затрагивают не какой-нибудь второстепенный, а один из самых важных и злободневных пунктов ее политической деятельности, причем идут вразрез с ее борьбой против империализма и милитаризма.

К требованию „мощной и созидательной колониальной политики [1])" Гильдебрандт пришел на основании своих научных изысканий. Неудивительно поэтому, что многие уже после появления его книги „Потрясение промышленного господства и промышленного социализма" (Die Erschütterung der Industrieherrschaft und des Industrie-Sozialismus) могли понять, какие практические выводы логически следуют из его теорий. Товарищи в Золингене, где он был редактором партийной газеты и где на собраниях агитировал в пользу своих идей, вынуждены были признать, что Гильдебрандт не стоит более на почве социал-демократии. Не подлежало сомнению, что в этой книге он совершенно иначе оценивает возможность обобществления средств производства, чем это делают социал-демократы. Таким образом, он разошелся с партией в вопросе о конечной цели точно так же, как и в требованиях, касающихся ближайшего момента. В аграрном вопросе и в вопросе о покровительственных пошлинах он пошел другим путем. Мирную политику социал-демократии он прямо осмеивал и говорил

[1]) „Sozialistische Monatshefte" 1912 г., стр. 1158 (все дальнейшие цитаты из этого журнала относятся к 1912 г.).

о необходимости расширить колониальные владения Германии хотя бы ценою войны.

Как сильно разошелся Гильдебрандт с социал-демократией во взглядах на колониальную политику, об этом свидетельствует заявление Эдуарда Бернштейна, что социал-демократия рисковала бы потерять свой компас, если бы приняла его точку зрения [1]).

Но, как я уже сказал, мы не собираемся здесь анализировать мнения Гильдебрандта. Он никого с собой не ведет и его причуды вряд ли будут иметь политическое значение. Но исключение его из партии вызвало весьма странную дискуссию по вопросу о принципиальной допустимости такого акта. В кругу товарищей, занимающихся исключительно литературным трудом, господствует чрезвычайное возбуждение по поводу „подавления свободы мнений в партии". Круг этот охватил Иозефа Блока, Евгения Дицгена и Франца Меринга, а сотрудники „Sozialistische Monatshefte" вместе с еще несколькими товарищами опубликовали даже формальный протест, в котором говорится: „Нижеподписавшиеся выражают опасение, что постановление партейтага затормозит научную работу в партии, и полагают, что оно противоречит старому социал-демократическому принципу, согласно которого практическая политика партии должна основываться на научном изучении фактов".

Статьи Меринга в „Chemnizer Volksstime" приходят к тому же выводу, к какому пришли ревизионисты из „Sozialistische Monatshefte", хотя Меринг исходит из совершенно других предпосылок. Поскольку его аргументация вообще касается существа дела, выводы его объясняются неправильным пониманием значения науки. А выводы ревизионистов основаны на неправильном понимании значения партии.

По мнению Меринга, не партия имеет свои корни в науке, а, наоборот, наука в партии. Эта точка зрения, которая уже не раз приводила его к несостоятельным выводам и которая, пожалуй, красочнее всего выражена в словах Паннекука,—„история философии есть история буржуазного мышления [2])",— ведет строго логически как раз к тем выводам, которые Меринг действительно и делает. Если партия является единственным убежищем науки, то она должна создать для нее благоприятные условия и допускать в своих рамках выражение всех мнений.

Мы не станем здесь возобновлять неоднократно повторявшиеся дебаты о сущности пролетарской науки". Для нашей цели доста-

---

[1]) „Soz. Monatshefte", стр. 1147.

[2]) Введение Паннекука к книге *Дицгена* „Das Wesen der menschlichen Kopfarbeit" (Сущность умственной работы человека).

точно констатировать, что всякий, кто не разделяет мнения Меринга [1]), полагающего, что наряду с „партией, как политической боевой организацией", существует „партия научного исследования", которая резко отличается от первой и нуждается в иных условиях существования, тот, конечно, не придет к его выводу и счастливо избавится от дилеммы, заставляющей калечить либо партию, либо науку.

Гораздо более необходимой является полемика с теми, кто всегда до чрезвычайности издевались над ложным понятием „пролетарской науки", а теперь по иронии судьбы оказались солидарными с ее защитниками. Приходится воистину удивляться, сколько путаных мнений относительно того, что такое партия, было высказано при обсуждении истории с Гильдебрандтом.

Например, не признается такой простой факт, что партия есть боевое товарищество, имеющее целью вести борьбу против враждебных классов, причем она ведет ее тем успешнее, чем больше наблюдается единомыслия в ее рядах относительно цели и пути, которым эта цель может быть достигнута. Таким образом оспаривается то положение, что боевое товарищество предполагает солидарность во взглядах. Вольфганг Гейне даже прямо утверждает: „Реальные факты опровергают мнение, будто партии создаются на почве одинаковых убеждений [2])". Бернштейн обосновывает эту точку зрения еще таким тонким анализом: „Секта отстаивает прежде всего определенные мнения... партия же представляет интересы" [3]). Как будто и интересы, выраженные в мыслях, не являются мнениями и как будто для успешной защиты интересов не нужно, чтобы мнения были одинаковы. Но мы можем ограничиться тем, что предоставим разбить Бернштейна самому Гейне, который, защищая Гильдебрандта, однажды сгоряча сделал совершенно верное замечание: „Разве для честных людей есть какая-нибудь разница между исследованием, мнением и выводами отсюда для практической жизни. Общность интересов имеет силу лишь постольку, поскольку ей соответствует общность мнений [4])".

Итак, партия, как союз, основанный на общности убеждений, отвергается из боязни, что он будет назван церковью. Но это не мешает провозгласить его государством. „Если партия достигла таких размеров и организации, как германская социал-демократия, то она представляет собою общественный союз, обладающий значительной частью признаков государства и несущий

---

[1]) Chemnitzer Volksstimme от 15 октября 1912 г.
[2]) „Sozialistische Monatshefte", стр. 537.
[3]) Там же, стр. 1148.
[4]) Там же, стр. 1292.

в силу этого его обязанности [1])". Так говорит Бернштейн, а Гейне даже неоднократно заявляет: „К партии теперь принадлежат в силу рождения так же, как к государству [2])". В этой идее ревизионизм, как иногда бывает, соприкасается с синдикализмом. Синдикалисты тоже говорят, что организация не есть союз, основанный на общности мнений, а должна включать в себя всех членов рабочего класса, не считаясь с их целями и программами. Организация рабочего класса, которая для нас является задачей, для синдикалистов оказывается предпосылкой. Но ревизионизм говорит не о классе: он провозглашает социал-демократию великим движением нации [3])". Понятно почему. Ибо, если неправильно мнение синдикалистов, будто рабочие, в силу рождения, принадлежат к движению, иначе, к сожалению, пришлось бы признать, что пока еще преобладают выкидыши—то уже и подавно не может быть речи о том, что интеллигенты, а ими только интересуются ревизионисты,—„в силу рождения" принадлежат к классовой рабочей партии. Однако, даже если понимать партию, как „движение нации", то, в данном случае, пользы от этого будет мало, ибо Гильдебрандт, выражаясь языком Гейне, „по праву рождения" принадлежал к национал-социальной партии. И вот здесь можно согласиться даже с Гейне. Национальный социалист Гильдебрандт, судя по всем его писаниям и речам, действительно был „рожден для своей партии, крепко с нею спаян и не может выйти из ее рядов".

Все обстояло бы вполне благополучно, если бы, к сожалению, национал-социальная партия с ее безжизненными воззрениями не скончалась раньше времени, а так как „родиться" можно только один раз, то Гильдебрандт был вынужден найти себе другую партию, и полагал, что для его воззрений „нет более благоприятного поля деятельности, чем работа в рядах социал-демократии [4])", а приятели его теперь утверждают, что никто не имеет права возражать в таких случаях и что человек решает сам и только он один—какую партию должен он осчастливить, избрав ее „полем своей деятельности". Мауренбрехер [5]) заявляет, что существенно только желание быть членом партии, а Пеус [6]) говорит: „Надо предоставить совести каждого решать, принадлежит ли он по своим убеждениям к партии или нет".

Сам Гильдебрандт, правда, после опыта, вынесенного из Хемница, признает: „О принадлежности к социал-демократической ор-

---

[1]) „Soz. Monatshefte", стр. 1148.
[2]) Там же, стр. 1294 и 537.
[3]) Там же, стр. 1148.
[4]) „Sozialistische Monatshefte", стр. 537.
[5]) Там же, стр. 1158.
[6]) Там же, стр. 1306.

ганизации решают две стороны—данный ее член и сама организация [1])". Но, не желая показывать смущения в плохой игре, он тут же придумал новое определение партии. Слушайте и удивляйтесь: „Кто поддерживает кандидатов партии на всех выборах и борется с кандидатами противной стороны, тот является товарищем, безразлично, что бы он ни думал и ни говорил", [2]).

Итак, можно публично говорить и писать, что угодно, можно не принадлежать к организации, но, если человек надлежащим образом пользуется своим тайным избирательным правом, то он, по мнению Гильдебрандта, является товарищем. Так думали многие, когда мы еще были бессильны, и когда только отдельные лица понимали значение организации. Исходя из своего замечательного определения, Гильдебрандт теперь заявляет: „О принадлежности к социал-демократической партии может решать только каждый о себе [3])". Пользуясь этим определением, которое делает честь его пониманию сущности социал-демократии, он написал после своего исключения статью „Почему я был и остаюсь социал-демократом".

Этих образчиков мнений о том, что такое партия, будет пожалуй достаточно: исчерпать весь кладезь мудрости „Soz. Monatshefte" все равно не удастся.

Защитники Гильдебрандта изображают дело таким образом, будто право критического исследования партийных принципов, право на свободу научных изысканий не допускается партией. Квесселъ с негодованием протестует против того, что „принципы Эрфуртской программы приобретают значение догматов веры, которые допускается схоластически интерпретировать, но не разрешается подвергать критической оценке [4])". Пернерсторфер [5]) так же озабочен свободой научного исследования, как и Меринг. И та же забота вызвала упомянутый уже выше протест. А Гейне в довершение всего призывает во свидетели даже Лассаля: „Наука должна быть свободна, хотя бы она даже злоупотребляла своей свободой".

Откровенно говоря, насколько нам известно, не найдется никого, кто бы в партии не согласился с этим. Мы только держимся того скромного мнения, что спор идет не о праве критического исследования и что вопрос здесь совсем не в том, можно ли заниматься научным исследованием и критическими изысканиями, а в том, может ли человек, на основании своих исследований

---

[1]) Там же, стр. 1282.
[2]) Там же, стр. 1283.
[3]) Там же, стр. 1282.
[4]) Там же, стр. 1301.
[5]) Там же, стр. 1150.

пришедший к несоциал-демократическим убеждениям, оставаться и впредь в партии.

Разницу можно объяснить на простом примере. Квессель [1]) с торжеством сообщает, что той же проблемой, что и Гильдебрандт, занимался никто иной, как Фридрих Энгельс. Более того, что во всей литературе по торговой политике нет никого, кто в „пессимистической оценке возможностей экспорта мог бы соперничать с Гильдебрандтом" в такой мере, как Энгельс. И вот Квессель патетически вопрошает: „Неужели Гильдебрандт совершил преступление, занявшись проблемой, которая так интересовала наших великих теоретиков?". Разумеется, научное исследование не было преступлением ни со стороны Гильдебрандта ни со стороны Энгельса. И точно также результаты этих исследований, те убеждения, к которым они пришли, ни в каком случае нельзя назвать преступлением.

Энгельс, на основании своих научных изысканий, пришел к выводу о необходимости социальной революции. Гильдебрандт убедился в ее бесполезности. Кто прав — для нас здесь совершенно безразлично. Убеждения Энгельса, так же как и убеждения Гильдебрандта, не являются преступлением. Ни то, ни другое не наказуемо, но оба убеждения имеют то общее, что они суживают свободу выбора поля деятельности для тех, кто их высказывает. Они определяют их дальнейший образ действий.

Убеждение, которое почерпнул Энгельс из своих научных изысканий, укрепило его в намерении продолжать работу на пользу социал-демократии. Убеждение Гильдебрандта указывает ему иные задачи, нежели те, которые признает социал-демократия. Энгельс, благодаря своим исследованиям, еще теснее сблизился с партией; Гильдебрандт—отошел от нее. Критическое исследование, научное изыскание совершенно свободны, но сложившиеся мнения, взгляды, претворившиеся в убеждения, определяют отношение человека к партии.

Нам нет надобности останавливаться на вопросе, в какой мере убеждения Гильдебрандта совпадают с убеждениями социал-демократов, и остается ли он на почве социал-демократических воззрений. Мы поставим вопрос в общей форме: может ли оставаться товарищем тот, кто перестал быть социал-демократом?

Мы можем ответить вместе с Перне рсторфером: „Кто... окажется в противоречии с основными принципами социализма, тот тем самым исключает себя из партии [2])". Но, к сожалению, остальные сотрудники „Soz. Monatshefte" не в состоянии понять этой

[1]) Там же, стр. 1301.
[2]) „Soz. Monatshefte", стр. 1153.

простой мысли, а главное остается открытым вопрос, как должна поступать партия, если данное лицо „не исключит самого себя“ не выступит добровольно из партии.

* * *

Партийная программа—не Священное Писание, в ней нет неприкосновенных догматов. Напротив, мы беспрерывно стараемся углубить наше понимание и тем самым улучшить нашу программу. Партийная программа не есть последнее слово мудрости, но она есть показатель того, в какой степени мы мудры сегодня.

К этому „сегодня“ и сводится все дело, ибо мы представляем из себя партию действия. Мы не можем выжидать, подтвердит или не подтвердит наука наше мнение по тому или иному вопросу несколько поколений спустя. Жестокая нужда заставляет нас не пропускать неиспользованным ни одного дня, заставляет нас действовать беспрерывно. Мы должны быть готовыми к выступлению в любой момент, и выступления наши могут опираться только на ту степень понимания, которою мы располагаем уже сейчас. Это понимание мы стараемся формулировать в партийной программе, а потому последняя если и не обладает абсолютным совершенством, то все же является самой лучшей руководящей нитью, какой мы располагаем.

Для нас признание партийной программы есть признание совместного действия, а потому мы должны требовать от каждого члена партии, чтобы он признавал эту программу, которая говорит нам, к каким целям мы все стремимся, каким путем мы все намерены идти. Всякий, кто не признает партийной программы, или какой-нибудь ее части, всякий, кто стремится к другим целям и желает идти иными путями, только мешает действию, является препятствием для стремлений партии, задерживает ее прогресс и, следовательно, во имя задач партии не должен быть терпим в ее рядах.

Но признание партийной программы предполагает, по крайней мере, у всякого человека с характером, убеждение в ее правильности. Таким образом, партия может быть только союзом людей, убежденных в правильности принципов социал-демократии.

Мы знаем, что у нас в партии имеются слои, неодинаковые по своей политической подготовке. Если кто-нибудь еще не уяснил себе некоторых вопросов, то это не должно мешать ему быть членом партии, но совсем другое дело, когда кто-нибудь уже пришел к иному мнению, несогласному с тем, которое господствует в партии, когда кто-нибудь уже усвоил несоциал-демократические убеждения.

Хотя это всё элементарные соображения, тем не менее постоянно

приходится слышать упрек, что социал-демократия превращается в церковь и проявляет такую же нетерпимость, как последняя.

Если бы католическая церковь действительно была повинна только в такой „нетерпимости", какую проявляет социал-демократия, то никто бы не мог ничего против нее возразить. Но существуют два вида нетерпимости: внешняя и внутренняя нетерпимость. Если католическая церковь отлучает всякого, кто не верит в „таинство причастия", то никто из посторонних не может ничего возражать против этого, ибо вопрос о том, в какой мере церковь может быть нетерпимой внутри себя, т.-е. по отношению к своим членам, касается исключительно самих сторонников церкви. Но церковь с основанием заслуживает упрека за отношение к людям, вне ее стоящим, за преследование иноверцев и неверующих, за использование средств государственного насилия для того, чтобы загнать людей в церковь и силою их там удерживать. За то, что церковь не желает терпеть в своей среде еретиков, ее не имеет права упрекать никто из посторонних. Но она отрицала право на существование у протестантов, которые уже более не принадлежали к ней,—и это есть насилие над свободой мнений, против которого все должны бороться. Это—нетерпимость внешняя, достойная проклятия.

Социал-демократы позволяют Гильдебрандту говорить и писать, что ему угодно. Мы будем опровергать его теории, но не будем их конфисковывать. Но решать, стоит ли этот человек в основных вопросах на почве социал-демократии или нет, может он оставаться нашим товарищем в борьбе или нет—решать это можем только мы, руководствуясь нашими практическими потребностями, которые определяются решением большинства товарищей по партии. Тот, кто не убежден, тот не может быть товарищем, тот не годится для борьбы вместе с нами.

Какое место может занимать наука в партии? Как должен поступить человек, обладающий партийным чувством, если он, подобно Гильдебрандту, придет к заключению, что обобществление средств производства не в состоянии устранить бедственное положение пролетариата.

Страшный кризис, который должно вызвать такое убеждение в мыслях и чувствах подлинного социал-демократа, должен побудить его прежде всего устраниться от практической борьбы. Он должен почувствовать, что лишился той силы, которая почерпается только из глубины убеждения. И прежде всего из верности к старым товарищам он не станет вызывать беспорядка в марширующей армии, а постарается удалиться незаметно, как этого требует уважение к людям, в рядах которых он был принят, как равный среди равных. И только, когда он выполнит этот тяжелый для всякого честного социал-демократа шаг, только тогда наступит

момент, когда он может начать действовать в пользу своих новых убеждений. Если же он полагает, что для него еще есть место в социал-демократии, если он полагает, что он в состоянии обслуживать интересы сознательного пролетариата лучше, чем это делают принципы партийной программы, если он убежден, что ему удастся обратить партию в свою веру, тогда он может продолжать действовать в пользу своих новых убеждений, оставаясь в рядах партии. Но действовать он должен не агитацией среди индифферентных элементов, а только посредством науки. Он может производить научные исследования, он может вести теоретические дебаты, но активным политиком он может стать только тогда, когда его воззрения будут восприняты партийной программой. Так поступит в случае подобного болезненного кризиса человек, чувствующий себя внутренне связанным с партией. Наука в партии возможна, но только, как наука. Деятельность, агитация может опираться исключительно на партийную программу.

Партия должна быть государством, должна терпеть в своей среде членов, даже таких членов, которые лишены партийных убеждений. Трудно представить себе, какие непреодолимые затруднения создаются таким образом для совместного действия. А между тем это мнение решаются отстаивать именно те люди, которых даже теперь, когда партия еще принимает только убежденных людей, трудно склонить к солидарному действию. Вся борьба, которая велась на германских партейтагах—припомним хотя бы вопрос о голосовании бюджета,—преследовала только одну цель—обеспечить возможность солидарных выступлений. И те, кто иронически заявляют, что условия „случайно“ позволяют им считаться с постановлениями партейтагов, фантазируют о какой-то партийной конституции, которая должна создать непреодолимые трудности для совместных выступлений. Если партия превратится в „государство“, тогда, быть может, перестанут говорить о „преследовании еретиков“, но будут жаловаться на военную субординацию, без которой ни одно государство не воевало и никогда не будет воевать. Партия, как государство, равносильна для социал-демократов отказу от деятельности, отказу от способности к борьбе.

* * *

Многие товарищи предпочли бы вместо исключения Гильдебрандта отлучение его на основании предложения, внесенного Лауфенбергом. Гильдебрандт от этого ничего бы не выиграл, зато критики партии заменили бы упрек в преследовании еретиков тем, что назвали бы партейтаг церковным собором или даже комиссией, заведующей составлением „индекса“. Предложение Лауфенберга было компромиссом, но компромиссом излишним, ибо партии нечего бояться открыто заявить: „Тем, кто не убежден, нет места в

наших рядах, они не могут быть хорошими товарищами по борьбе".

И все-таки партейтаг чувствовал, что в деле исключения что-то неблагополучно. Подавляющее большинство было убеждено, что следует исключить, но с сердечным сокрушением голосовало за это. Спрашивается, почему?

Гейне утверждал, что исключать можно только за действия, а не за убеждения. И хотя вывод его неправилен, но суть вопроса заключается именно в таком противопоставлении. Только действия, ни в каком случае не мнения и не убеждения, могут быть признаваемы „грубым нарушением" или „преступлением". Только действия, но ни в каком случае не убеждения или мнения, могут быть наказуемы. Но отсюда не следует, что мы должны терпеть в своих рядах людей всяких мнений и всяких убеждений.

Ошибка заключается в организационном уставе. Исключение носит характер наказания, связанного с лишением чести. У нас не предусмотрено исключения без лишения чести, как оно уместно в таких случаях, как с Гильдебрандтом. Это можно демонстрировать на проекте нового австрийского организационного устава; § 42, говорящий об исключении, относится только к § 2, говорящему о „грубых нарушениях" и „бесчестных поступках". § 1, требующий от членов партии, чтобы они „признавали принципы партийной программы", в параграфе 42-ом, который говорит об исключении, совершенно не упоминается.

Если поэтому найдут необходимым установить специальные нормы для таких чрезвычайно редких случаев, как с Гильдебрандтом, то следовало бы провести резкое различие между обычным исключением и исключением без лишения чести. Можно было бы ввести, например, такое постановление: „Устранение из списков членов". „Если член, не признающий более принципов партийной программы (§ 1), не выступит из партии по собственной инициативе, то партейтаг, по предложению партии, может поручить организации его района вычеркнуть его имя из списка членов".

Такое постановление устранило бы все трудности и все недоразумения. А вместе с тем было бы признано право партии требовать от своих членов, чтобы они были хорошими товарищами в борьбе. Ибо важно получить возможно большее количество социал-демократической работы, а не иметь возможно больше людей, именующих себя социал-демократами.

„Kampf“ („Борьба“). Июнь 1911 г.

Ценность парламентаризма.

С воодушевлением вступает пролетариат в избирательную борьбу. Забыто все раздражение против парламента, который, вследствие националистического безумия и реакционных интриг, не оправдал возлагавшихся на него ожиданий. Все охвачены одним только чувством. Редкая, чересчур редкая в Австрии, возможность избирательной борьбы должна быть использована полностью для того, чтобы завербовать в ряды социал-демократии непросвещенные еще массы. Мы отлично знаем, что не всякий, подающий голос за социал-демократического кандидата, уже усвоил наши принципиальные воззрения. И все-таки огромное значение имеет тот факт, что человек впервые решается вписать в свой избирательный листок имя социал-демократа. Тот, кого уже не пугают сказки о всеобщем дележе и свободной любви, кто в состоянии преодолеть все прочие предрассудки, старательно взращиваемые попами и наемными писателями капитализма, и пишет на своем листке имя социал-демократа, тот может, конечно, не быть еще вполне подготовленным товарищем, но своим голосованием он уже записывается в школу социализма.

Относительно ценности избирательной борьбы в нашем движении не существует никаких сомнений. Но уже Гайнфельдский партейтаг предостерегал от переоценки значения парламентаризма. В чем заключается такая переоценка? Быть может, будет нелишним указать на это именно теперь, в самый разгар избирательной борьбы. Для ясности воспользуемся простой аналогией.

Современная техника научила нас превращать энергию горного ручья в тепло и свет и применять последние для механической работы на далеких расстояниях. Всякий знает, что для этого нужна машина. Вода передает свою скорость турбине, которая вращается одновременно с якорем динамомашины. Благодаря вращению якоря, образуется электрический ток, возникающий по мере того, как массы воды утрачивают свою скорость. Энергия воды трансформируется в электрическую энергию.

Машины—турбина и динамомашина—не являются источниками энергии. Из них можно получить ровно столько энергии, сколько в них входит. Они являются не источниками, а только трансформаторами,—преобразователями энергии.

Все недоразумения, связанные с парламентаризмом, в конечном итоге объясняются тем, что в нем ищут источник энергии, подчиняясь суеверной мысли, будто парламентская машина в состоянии

сама что-нибудь произвести. Надо постоянно помнить ту истину, что парламентаризм является только трансформатором энергии классов. Парламенты не представляют из себя таинственных источников энергии, которые могли бы избавить пролетариат или какой-нибудь другой класс от самой интенсивной деятельности. Они только машины, в которых деятельность классов преобразуется в деятельность государственных чиновников.

Энергия, которую классы передают парламенту, не пропадает. Это мы чувствуем на себе каждый день, когда приходит чиновник с повесткой, предлагающей нам платить налоги, поступать на военную службу, идти в суд и т. д. Мы чувствуем, что принуждение, которое вызвано постановлением парламента и применяется к нам, что это принуждение исходит не от клочка бумаги, не от чиновника, а от энергии классов. Какие чиновники находятся на службе, что именно они делают—это зависит от степени энергии отдельных классов. Если в настоящее время рабочий имеет дело с государством не только в лице полицейского, если на фабрику приходит также фабричный инспектор, который может указывать предпринимателю, какие меры по охране труда должен тот соблюдать, то несомненно в этом, как и во многом другом, мы имеем проявление энергии, приложенной рабочим классом к законодательной машине.

Но, может быть, мы с гораздо бо́льшей пользой применим энергию пролетариата, если вместо того, чтобы обращать ее на законодательную машину, используем ее в виде непосредственного действия масс.

Возьмем тот же пример. Горный ручей тоже производит непосредственное действие. До вмешательства человека, оно было даже единственным. Стремительное горное течение останавливалось и в былые времена, когда еще не знали машин. Сила воды использовалась, превращалась в теплоту и труд, вода глубоко внедрялась в горные породы, сносила в долины песок, камни, даже целые скалы. Это была работа, чрезвычайно большая работа, но за незначительными исключениями она не принесла никакой пользы человеку.

Принципиально мы отнюдь не отвергаем непосредственного действия—открытого бунта. Мы знаем, что иногда он отвоевывал уступки у господствующих классов, а главное мы знаем также и то, что именно возможность массового восстания оказывает давление в нашу пользу на остальные классы, придает значение словам наших представителей в парламенте. Но мы не верим, что прямое действие может быть длительной формой для достижения пролетариатом своих целей. Перманентное восстание есть не только самый неразумный вид деятельности, но является невыполнимым

требованием для целого класса. Тактика социал-демократов отличается от тактики синдикалистов и прочих противников парламентаризма тем, что мы пользуемся непосредственным действием масс, как последним средством, а обычно ограничиваемся готовностью к такому действию. Противники же парламентаризма желают пользоваться этим средством в повседневной борьбе. Готовность к действию мы тоже встречаем в приведенном нами примере. Это—масса воды, которая задержана плотиной высоко в горах. Ни малейшего течения незаметно в этом пруде, а между тем он заключает в себе ту же энергию, которую мы наблюдаем в долине у быстро мчащегося потока. Вода наверху обладает потенциальной энергией, энергией покоя, которая тем сильнее превращается в энергию движения, в энергию кинетическую, чем глубже падает вода.

Из этих двух видов энергии социал-демократы опираются, главным образом, на потенциальную, а синдикалисты исключительно на кинетическую. За всяким внушительным массовым действием должен следовать значительный период покоя, восстановления использованных запасов энергии. Уже в виду этого одного исключается возможность перманентного беспрерывного массового действия, как его проповедуют противники парламентаризма. Социал-демократы гораздо более рационально пользуются накопленными запасами энергии. Прежде, чем использовать их, они применяют их в качестве угрозы, и заставляют исполнять свои желания под влиянием одной возможности действия. Они применяют тактику боевой готовности.

Парламент работает под давлением классов, готовых всей своей энергией подкрепить слова вождей. Противники парламентаризма рекомендуют предоставить другим классам возможность беспрепятственно прилагать свою энергию к законодательным машинам. Пролетариат должен отказаться от попытки парализовать, т.-е. обезвреживать, хотя бы часть этой энергии. Право, трудно дать совет, более удобный для господствующих классов.

Мы в Австрии, конечно, слишком хорошо знаем, что парламентская машина иногда может действовать впустую, и что самые затяжные совещания часто не дают никакого результата. Но все-таки лучше, когда машина действует впустую, чем когда она работает исключительно в интересах господствующих классов.

Мы не верим, что законодательные машины сами от себя в состоянии создать что-нибудь самостоятельное. Но у нас нет никакого желания предоставлять их господствующим классам, которые прекрасно знают, как надо с ними обходиться. Мы не переоцениваем парламентаризма, для нас энергия пролетариата остается на первом плане, мы желаем собирать ее и прилагать там, где можно ожидать в данный момент наибольшего успеха. А это в большинстве случаев возможно у законодательных машин.

Но в настоящий момент в Австрии недостаточно опираться на боевую готовность. Надо осуществить массовое действие. жертва, которую каждый должен принести, незначительна, но если 13-го июня сотни тысяч людей понесут социал-демократические избирательные листки к урнам, это будет иметь колоссальное значение.

„Kampf“ („Борьба“). Сентябрь 1912 г.

Суды присяжных и социал-демократия.

Суды присяжных окружены ореолом революции. Они появились, как завоевание демократии, были введены временным указом в мае 1848 года и закреплены законом в марте 1849 года. Их требовали для того, чтобы вырвать печать из когтей кабинетного правосудия. Они считались необходимой составной частью свободы печати. Первая, даже единственная функция, которую тогда им указывали, заключалась в суде над уголовными деяниями, выразившимися в содержании печатных произведений.

Решительная победа контр-революции уничтожила и эту гарантию против произвола правительства. Новогодний патент 1851 года постановляет в качестве основного положения абсолютизма: „Суды присяжных отменяются“. Только, когда удары, полученные под Сольферино и Кениггрецом, вбили австрийскому правительству некоторое понимание конституции, только тогда вместе с конституционным строем выплывает и вопрос о судах присяжных. Но только 23 мая 1873 года был издан закон, сохранивший свое действие и поныне. Со времени 1874 года присяжные заседатели решают вопрос о виновности лиц, обвиняемых в преступлениях, которые караются более, чем пятью годами каторжной тюрьмы, а также обвиняемых в преступлениях и проступках „политического“ характера или совершенных путем печати

Длившаяся в течение десятилетий борьба всех демократических элементов за суды присяжных, главным образом, руководилась целью заменить народную юстицию юстицией кабинетной. Это принципиальное соображение сильно повлияло на позицию демократов в 1873 г., когда внушительное меньшинство в парламенте предлагало создать вместо суда присяжных суд шеффенов. Суд шеффенов, в котором люди из народа выносят приговор не одни, а сообща с судьями, назначенными государством, считался менее доброкачественным: в нем усматривали фальсификацию подлинного народного суда.

Когда социал-демократия к началу 1889 г. выработала свою программу в Гайнфельде, в Австрии еще в полном расцвете была та правительственная мудрость, которая рассчитывала искоренить

рабочее движение при помощи бесцеремонных полицейских чиновников и „надежных“ судей. Социал-демократия вела с властями еще тяжкую борьбу за существование, и естественным последствием этого было то, что в вопросах правосудия она всю свою энергию концентрировала на нападках, направленных против тех судей, которые являлись послушным орудием правительства. Проблемы 1848 года сохраняли свой живой интерес для пролетариата еще сорок лет спустя. Его насущные заботы в этой области облекались, разумеется, в формы, унаследованные от буржуазной демократии. Гайнфельдская программа поэтому требовала: добросовестного обеспечения независимости судов, безвозмездности правосудия, распространения компетенции судов присяжных на все преступления и проступки, а также всенародного избрания присяжных заседателей на основании всеобщего и тайного избирательного права.

Те прекрасные дни, когда только один австрийский министр мог воображать, что социальный вопрос кончается у Боденбаха, давно уже миновали. Завоевание всеобщего избирательного права, несмотря на жалкую курию, устроенную Бадени, принесло с собою решительный поворот уже в 1897 году. Если до тех пор господствующие классы передавали рабочее движение властям „для дальнейших распоряжений“, то теперь они должны были сами руководить борьбой с пролетариатом. Отношение властей резко изменилось, правда, полицейский дух не исчез и по сие время, но уже окончательно оставлена вздорная мысль, будто можно подавить социал-демократию насильственными средствами. Вследствие этого должна была измениться также и позиция социал-демократов. Если 25 лет тому назад воспитание властей в духе законности являлось делом первой необходимости и ставилось выше всех других задач, то в настоящее время на первом плане стоит борьба с имущими классами, борьба с буржуазией, которая в своей политической и экономической организации все откровеннее ставит себе целью сокрушение пролетариата. Изменившаяся позиция рабочего класса выдвигает перед ним новые проблемы в вопросах правосудия. Суды имеют для него значение уже не только как орудие государства в борьбе с „переворотом“. Они все больше выносят решения, касающиеся повседневной политической борьбы, которую социал демократия ведет против буржуазных партий. Если в свое время всякий суд присяжных являлся идеалом по сравнению с кровавым судом какого-нибудь господина Гольцингера, то в настоящее время все тягостнее ощущается классовый характер нынешнего суда присяжных.

Процессы, которые возникают вследствие борьбы политических партий, ведутся не для того, чтобы подвергнуть виновника наказанию. Они должны способствовать восстановлению истины. Наказания, которые в подобных случаях определяются судами, имеют совершенно

второстепенное значение. Их главная функция заключается в том, чтобы очистить атмосферу и поднять уровень политической жизни. Они являются местом, где доказывается истина. С этой задачей наши современные суды справиться совершенно не в состоянии. Если они проявляют мало понимания и много недоверия, когда судят рабочего за какое-нибудь уголовное деяние, если они враждебно и мстительно относятся к подсудимому, который заявляет себя социал-демократом, — то в политических процессах, где социал-демократы судятся с какой-нибудь буржуазной партией, их приговор всегда бывает обвинительным. В Вене присяжные заседатели за немногими исключениями христианские социалисты, в Северной Богемии они—немецкие националисты. Известно, что во многих случаях они в приговорах, которые выносили социал-демократам, выражали вместо юридических убеждений политические. Дошло даже до того, что в некоторых случаях, когда социал-демократы имеют возможность выбора, они рассчитывают встретить более объективное отношение со стороны правительственных судей, чем со стороны присяжных заседателей. В политических делах, в том смысле, как их понимает закон, т. - е. в случае ограничения свободы мнений действиями властей, суды присяжных еще несравненно выше правительственных судов, хотя вкус к травле против „бунтовщиков" все возрастает. Но если разбирается политический процесс между социал-демократами и буржуазными партиями, то здесь уже не присяжные заседатели, а правительственные судьи являются более беспристрастной инстанцией. В делах по оскорблениям в печати, когда можно выбирать между судом присяжных и коронным судом, — в зависимости от того, назван ли автор или редактор, принимающий на себя ответственность, — социал-демократы все более вынуждаются отказываться от суда присяжных. Не потому, что они боятся более высокой меры наказания, а потому, что они ищут более объективного судьи для представления своих доказательств.

Что суды присяжных в нынешнем своем составе должны превратиться в орудие классовой юстиции, это германские социал-демократы узнали на своем опыте уже очень давно. Приговор по лейпцигскому процессу о государственной измене в 1872 г. побудил Либкнехта и Бебеля сделать следующее резкое заявление, которое было напечатано в „Volksblatt'e":

„Социал-демократия стоит выше суда присяжных. Наша партия будет жить, будет расти и одерживать победы. Вы же, господа присяжные, своим вердиктом вынесли смертный приговор институту современного суда присяжных заседателей, которые, рекрутируясь исключительно из имущего класса, являются только средством классового господства и классового угнетения [1]).

[1]) Помечена 27 марта 1872 г. и перепечатана из № 26 „Volksstaat'a" в приложении к отдельному изданию отчета о процессе.

Ту же точку зрения отстаивал Либкнехт в качестве референта по вопросу о программе на конгрессе в Готе в 1875 г.

Мы желаем, чтобы суд, так же как и законодательство, являлся выражением народного суверенитета. Во всяком случае мы отвергаем современный суд присяжных, который является ничем иным, как классовым судом, подобно тому, как наше современное законодательство является классовым законодательством. Юстиция должна перестать быть классовой монополией. Только в социалистическом обществе юстиция станет справедливостью.

Конгресс, заседавший в следующем году снова в Готе, еще раз занялся вопросом о суде. Он принял без дебатов следующую резолюцию, предложенную Браке, Фриком, Фритше, Грилленбергером, Гассельманом, Либкенхтом и Мостом:

В вопросе, чему отдать предпочтение—судам присяжных, суду шеффенов или профессиональным коронным судьям, конгресс, руководствуясь социал-демократической программой, заявляет, что классовое государство не может нам гарантировать такой судебной организации, в которой было бы обеспечены право и справедливость. Поэтому необходимо стремиться к установлению свободных народных судов на основе всеобщего и равного избирательного права.

Прошло три десятилетия со времени готского конгресса, прежде чем германская социал-демократия снова официально формулировала свою точку зрения на суд. Она сделала это на мангеймском конгрессе в 1906 году, когда, после обстоятельного реферата Гаазе, без дебатов была принята очень детально разработанная резолюция по всем вопросам, касающимся суда. За эти 30 лет профессиональные судьи приложили все старания к тому, чтобы затмить позорные приговоры, когда-либо выносившиеся судами присяжных. Как низко опустились они в своей слепой ненависти к рабочим,—это останется навсегда в памяти. Из довольно скудных замечаний о суде присяжных за последнее десятилетие приведем здесь следующие характерные слова Меринга:

Приятные иллюзии, будто бы со введением судов присяжных достигнут идеал правосудия, остались далеко позади. Но тем не менее суды присяжных, по сравнению с профессиональной юстицией, являются все-таки прогрессом, точно так же как буржуазный парламентаризм, несмотря на все свои уродливые проявления, является прогрессом по сравнению с профессиональной бюрократией... Как мы уже сказали, мы не чувствуем с собой симпатии к современному суду присяжных, но он нам все-таки кажется светлее, чем эфиопская профессиональная юстиция [1]).

В Австрии социал-демократы на своих партейтагах никогда не уделяли много внимания суду. При пересмотре программы в 1901 году прения, касавшиеся принципиальной части, приняли такие размеры, что нельзя было подробно обсудить отдельные

[1]) „Neue Zeit" т. XII, 1, стр. 417 (1893—1894), статья: „Aus dem sogenannten Rechtsstaat".

требования, касавшиеся ближайшего момента. Поэтому было принято совершенно бесспорное положение об избрании присяжных заседателей на основании всеобщего равного и тайного избирательного права, а все прочие вопросы оставлены открытыми.

В этом году на партейтаге австрийская социал-демократия должна будет очень подробно заняться судебной практикой и законодательством о суде. Проект уголовного уложения, принятый палатою господ, переходит на обсуждение палаты депутатов, и партии настоятельно необходимо выяснить свою позицию.

Вполне естественно, что даже самые злейшие реакционеры считают необходимым, издавая новый уголовный кодекс, сделать его более совершенным, чем тот, который уже существует 110 лет. Профессор Ламмаш, в качестве докладчика комиссии палаты господ, говорит о законопроекте, как о колоссальном шаге вперед по сравнению с устаревшими принципами действующего кодекса, который уже не соответствует ни справедливым интересам общества, ни интересам личности (стр. 192). Хотя мы, социал-демократы, вполне согласны с уничтожающей критикой уголовного кодекса, которому мы в настоящее время подчинены, но, разумеется, у нас нет никакого основания скромно измерять прогресс по масштабу 1803 года. Для нас этот уголовный кодекс, глубочайшим образом затрагивающий все социальные проблемы, является желанным поводом для того, чтобы поставить на обсуждение весь наш общественный строй. На сей раз, впрочем. мы намерены ограничиться только вопросом, в котором палата господ считала нужным особенно бурно проявить свои реакционные вожделения. Это вопрос об организации судов.

Согласно проекту нового устава уголовного судопроизводства, непрофессионалы, „люди из народа“, должны принимать участие в суде в двоякого рода форме: как присяжные заседатели и как шеффены. В качестве присяжных заседателей, они, как и до сих пор, должны выносить вердикт о виновности, причем по-прежнему установление размера наказания предоставляется правительственным судьям. Как шеффены, они образуют вместе с правительственными судьями общую коллегию, которая решает вопрос о виновности и вопрос о размерах наказания. Таким образом, если до сих пор обыватели должны были руководствоваться в приговорах собственным правосознанием, то в будущем, в качестве шеффенов, они, так же как и правительственные судьи, должны будут приводить свой приговор в соответствие с законом. Это кажется значительным расширением сферы влияния судей-непрофессионалов. Они привлекаются к разрешению более трудной задачи, но в действительности их влияние значительно меньше, чем в суде присяжных, так как судьи-профессионалы принимают участие уже в решении вопроса о виновности, причем они, разумеется, обладают превосход-

ством над шеффенами, так как занимаются законами ежедневно, между тем как шеффен приглашается на пять заседаний и потом, может быть, ни разу в своей жизни не попадет в состав суда. Но суды шеффенов являются прогрессом в том смысле, что они заменяют чисто правительственные суды, состоявшие только из судей по назначению, и таким образом „люди из народа“ будут принимать участие в суде по всем преступлениям и проступкам. Но этот успех возмещается тем, что суживается компетенция судов присяжных. Впредь они будут судить только общеуголовные преступления, по которым полагается наказание свыше десяти лет каторжной тюрьмы. Их компетенция в политических делах суживается прежде всего в том смысле, что к шеффенам переходит прежняя их задача судить за все проступки и преступления, совершенные путем печати. Существовавшее раньше столь важное для свободы печати обособленное положение процессов по делам печати сведется к тому, что они всегда будут рассматриваться „большими судами шеффенов“, т.-е. в коллегии будут заседать вместо двоих судей и двоих шеффенов трое судей и трое шеффенов. Суду присяжных будут оставлены из политических дел лишь немногие, которые специально перечислены в ст. 6-ой закона о действии судебных учреждений. В этой статье не упомянут ряд несомненно политических преступлений, а в новой редакции ст. 6-ой круг их еще более ограничен. Таким образом, в будущем нарушение богослужения или оскорбление величества не будет рассматриваться судом присяжных даже в том случае, если оно совершено путем печати. Совершенно неожиданно даже „возбуждение населения“ (§ 302) оказалось неполитическим преступлением, хотя как раз этот параграф пользуется исключительной любовью прокуроров, ибо он позволяет предписывать конфискации там, где уже нет никаких других разумных оснований.

Таким образом суд присяжных, если у него будут отняты дела о печати, почти совершенно утрачивает свое значение гарантии политических прав. Профессор Ламмаш старается затушевать это обстоятельство тем, что отожествляет понятие „политических преступлений“ с теми деяниями, которые перечислены в ст. 6-ой. При помощи такой сознательной передержки он утверждает (стр. 181), что „при сколько-нибудь беспристрастной оценке говорить о возможности давления на судей-профессионалов со стороны ведомства юстиции можно только применительно к преступлениям и проступкам, перечисленными в ст. 6-ой“. Но это слишком прозрачная уловка: ибо легко можно себе представить, что коронным судьям будут известны желания министра юстиции в процессе об оскорблении величества в такой же мере, как в процессе о государственной измене. Можно весьма почтительно относиться к „беспристрастному убеждению“, но кто видел, как в течение всех этих месяцев австрий-

ские прокуроры, словно музыканты в оркестре, следили за палочкой дирижера, тот вряд ли сумеет понять, почему нельзя допустить возможность воздействия ведомства юстиции на коронных судей при обвинениях, возбуждаемых по частной жалобе, если § 302 и ряд других преступлений несомненно политического характера, хотя они и не перечислены в ст. 6-ой, изъяты из компетенции присяжных заседателей. Ибо, как бы мы ни оценивали суды присяжных, во всяком случае ту задачу, которая была возложена на них в 1848 году, они выполнили полностью.—Господа прокуроры не решаются более возбуждать процессов по делам печати.

В настоящее время карательные действия против печати всецело ограничиваются рамками „объективного производства". С того момента, как место судов присяжных заступят суды шеффенов, господа обвинители снова появятся на сцену. По отношению к свободе печати реформа устава уголовного судопроизводства является колоссальным шагом назад. Действительно нужно было, чтобы пришел наш великолепный „немецко-либеральный" министр юстиции для того, чтобы отказаться от действительного завоевания 1848 года, от участия судов присяжных в делах печати. Господин фон-Гохенбургер не постеснялся в своих последних предложениях с в я з а т ь ограничение позорной системы „объективного производства" в новом законе о печати с ограничением компетенции присяжных заседателей в новом уставе уголовного уложения. В качестве „реформ" нам подносятся предложения, в которых сохраняется в неприкосновенности все реакционное содержание нашего допотопного законодательства о печати. Всякий шаг вперед компенсирован, даже чрезмерно компенсирован.

* * *

Противопоставление обывателей и с у д е й-профессионалов и непрофессионалов не представляет собою главного пункта, на который обращен интерес рабочего класса. Долголетний опыт нас научил, что обыватели могут становиться орудием классовой юстиции точно так же, как и судьи-профессионалы. А в свою очередь судья-профессионал может в такой же мере гарантировать справедливость, как и обыватель, если бы у нас были п р о ф е с с и о н а л ь н ы е с у д ь и и з н а р о д а. Преимущество, которое в настоящее время несомненно имеют непрофессионалы, в конечном итоге заключается в том, что если выбор их не соответствует принципу н а р о д н о г о с у в е р е н и т е т а, то все-таки они независимы от правительства.

Правда, нам говорят, что у нас имеется „независимость судей", и, несомненно - несменяемые, неподлежащие произвольному переводу, судьи являются существенным шагом вперед по сравнению с марионетками абсолютизма. Но „независимость" их проявляется лишь в отрицательном направлении. Судья не может быть на-

казан, но он может быть награжден. Не может быть смешен, но может получить повышение. „Независимость“ функционирует подобно тормозу на велосипеде, который предохраняет от падения в пропасть, но не имеет никакого значения, когда подымаешься вверх. Достаточно вспомнить о судах, вынесших свои приговоры 17-го сентября, чтобы понять, на что способна такая „независимость“. Презрение, с которым член палаты господ Каль отозвался о присяжных заседателях, упрекая их в том, что они „неоднократно обнаруживали свою непригодность вследствие моральных дефектов, так как недостаточно проникались сознанием предстоявшей им задачи и значительности их миссии“—это презрение в несравненно более высокой степени заслужено „независимыми“ судьями. Наши профессиональные судьи слишком часто заслуживают защиты § 300 угол. улож.: они ведут себя в полном смысле слова, как „органы правительства“.

Но корень зла лежит гораздо глубже. Он—не в моральных дефектах отдельных личностей. Пускай наши судьи все совершенно свободны от всякого карьеризма и в самой широкой мере соответствуют идеалу „независимости“, и все-таки вследствие преград, поставленных на пути к судейскому креслу, преград, которые преодолеть может только состоятельный человек, они все, как на подбор, выходят из господствующих классов. Уже вследствие того пути, который им приходится пройти, прежде чем они добиваются своего назначения, наши судьи являются чуждыми нуждам и заботам народа, даже если они лично исполнены самых благих намерений. Они чужды народу или даже относятся враждебно к борьбе пролетариата за свое политическое и экономическое положение. Профессия судьи является монополией имущих классов. Она осуществляется в их духе, в соответствии с воззрениями их среды. Поэтому пролетариату при нынешних условиях всегда угрожает классовая юстиция.

И в этом отношении с присяжными заседателями и с шеффенами дело обстоит не на много лучше. Известно, что состав присяжных заседателей бывает почти сплошь мелко-буржуазным. Новый закон о составлении списков присяжных заседателей и шеффенов в данном пункте никакого улучшения не принесет. Правда, ценз отпадает, и в общинах будет выставляться вполне демократический основной список, в который будут включаться все мужчины, могущие быть призванными в качестве присяжных заседателей или шеффенов. Для включения в этот список требуется только: 30-летний возраст, умение читать и писать, австрийское подданство и двухгодичная оседлость. Но эти „основные списки“ являются лишь бюрократическим пособием, ибо затем появляется, как и до сих пор, г. окружной начальник, а в городах, пользующихся самоуправлением, председатель общины и „вы-

бирает из основных списков тех, кого считает наиболее подходящими в виду их благоразумия, справедливого образа жизни, добропорядочности и честности. Таким образом составляется „предположительный список“.

Но этого простого сита оказывается еще недостаточно, а потому на будущее время предполагается, кроме того, комиссия, состоящая из председателя суда, трех судей и трех уполномоченных, которые будут выбирать, из представленных им списков, лиц, „коих они считают наиболее способными и достойными исполнять обязанности присяжных заседателей и шеффенов“. Среди этих избранных производится жеребьевка во имя справедливости, а результат ее именуется—„людьми из народа“! Надо только представить себе, кого наметит венский бургомистр, вроде нашего Вайскирхнера, если ему надо будет избирать людей, которые кажутся ему „наиболее достойными по своему благоразумию, „справедливому“ образу мыслей, добропорядочности и честности“! Тогда получится чистейший образчик объективности, направленной против рабочего класса и прежде всего против социал-демократии!

Судьи из среды обывателей или судьи-профессионалы, все они, при нынешних своих качествах, являются орудием господствующих классов. Ко всем формам существующих судов, рабочий должен относиться с величайшим недоверием у всех, он должен опасаться стать жертвой классовой юстиции.

Судьи обыватели и судьи-профессионалы одинаково необходимы для современного суда. Черствость судей-профессионалов, у которых рутина заглушила чувство, должна уравновешиваться людьми, для которых быть судьями является целым событием, которые рассматривают каждый отдельный случай в его индивидуальных особенностях. У нас нет судов, составленных исключительно из непрофессионалов и, при нынешних наших законах, такие суды невозможны. Судьи профессионалы необходимы; только они могут справляться с задачей выносить решения применительно к закону. Нам и нет надобности отказываться от судей-профессионалов, если только мы преобразуем этот институт в демократическом духе. Судьи должны не назначаться императором, а избираться народом.

Избрание всех судей народом, будут ли то присяжные заседатели, шеффены или судьи-профессионалы, таково требование, которое единственно соответствует интересам пролетариата. В партийной программе германской социал-демократии это требование формулировано следующим образом: „Судопроизводство при помощи судей, избранных народом“. А резолюция Мангеймского партейтага (1906) говорит по этому поводу следующее:

Социал-демократия требует в области судоустройства и уголовного процесса—избрание судей без различия пола, на основании всенародного, равного, прямого и тайного избирательного права. До осуществления этого требования необходимо сохранить суды присяжных, расширив их компетенцию.

Предложение подчинить народному суверенитету даже судей-профессионалов покажется в настоящее время совершенно немыслимым кое-кому из членов палаты господ. Но в свое время законодатели, „по праву рождения", считали немыслимым народное избрание депутатов парламента. Однако, достаточно было нескольких лет, чтобы окончательно забыть, как еще недавно в палате депутатов тон задавали крупные землевладельцы. Если припомнить все это, то осуществимость социал-демократического требования не будет вызывать сомнений.

В демократическом государстве, в Швейцарии, это требование фактически осуществлено. Судьи-профессионалы, а также присяжные заседатели избираются на основании всеобщего избирательного права и только судьи высшей инстанции избираются в некоторых кантонах парламентскими корпорациями—кантональными советами. Результаты налицо. Доверие к судам возрастает по мере демократизации юстиции. В Цюрихском окружном суде целый ряд бывших рабочих фигурирует в качестве профессионалов судей. Президент верховного суда и его заместитель—социал-демократы и никогда еще ни один буржуа не имел оснований сомневаться в их абсолютной объективности. Конечно, для успешной работы демократических учреждений необходима наличность демократических чувств, но для этого нельзя ждать, пока созреют народы. Это чувство может быть приобретено только в самом ходе демократической жизни.

Осуществление судебных функций социал-демократами не означает, что решения будут выноситься в социал-демократическом духе. Наоборот: судья-социал-демократ очень часто окажется в затруднительном положении, будучи вынужден применять законы классового государства, противоречащие его разуму и чувству. Только строго держась существующих законов, может он выполнить ту функцию, для которой он избран. Участие пролетариата в правосудии может только охранить его от злоупотребления законом. Несправедливость закона он может устранить, лишь пользуясь своей политической властью в народном представительстве. Участие в отправлении правосудия есть только осуществление демократического принципа. Устранении законов классового государства является задачей социализма.

Организация нового Интернационала.

(Из сборника, предполагавшегося к изданию в июле 1914 г. по случаю международного конгресса в Вене).

Первой значительной попыткой приложить на практике, в виде пролетарского метода, теоретическое понимание задач рабочего класса—являлся старый Интернационал. Он наметил пути во всех сферах деятельности, показал пример как своим отношением к современным ему историческим событиям, так и своими успехами по насаждению солидарности при забастовках. Но главное значение Интернационал приобрел благодаря своей попытке объединить все пролетарские силы в своей организации. Эта организация через несколько лет распалась, но не как механизм, пришедший в негодность, а как созревший плод, разбрасывающий во все стороны жизнеспособные семена. В каждой стране по образцу Интернационала возникла новая организация, и Либкнехт на Парижском конгрессе в 1889 году мог с основанием сказать: Международная ассоциация рабочих не умерла, она претворилась в могучие рабочие движения отдельных стран и в них она продолжает жить.

Но если внутренняя сила старого Интернационала возросла во много раз у его наследников, то круг организационной деятельности ограничился отдельными странами. И тем самым интернационализм, который раньше заключался уже в самой организации, стал теперь целью, которая еще требует достижения. Этому посвятил себя новый Интернационал. Он представляет собою явление совершенно иного рода, нежели его предшественник. Задачи у него тоже совершенно иные, как и у партий отдельных стран, из которых он состоит. Новый Интернационал сам по себе не является организацией. У него нет круга деятельности, который можно было бы отделить от круга деятельности его секций. Он не может записывать свои успехи в собственную бухгалтерию, ибо они выражаются исключительно в успехах рабочего движения в отдельных странах. Значение нового Интернационала нельзя измерять тем, что он делает, а только тем, что он собою представляет.

Всякая наша организация уже одним фактом своего существования представляет из себя силу. Особенно это применимо к Интернационалу. Австрийские рабочие, которые лишились своего собственного Интернационала, лучше всего могут это оценить. Они знают по горькому опыту, сколько они потеряли в уважении противников и в сознании собственной силы. Меньше всего не достает им того, что делал австрийский Интернационал, и больше всего не достает того, чем он был. А он был показателем солидарности.

Задача Интернационала, таким образом, прежде всего в том, чтобы заявлять о своем существовании, указывать, что рабочие всех стран находятся в соглашении, что они едины в мыслях и воле. Пролетарии всех стран испытали на себе силу международной солидарности, когда на первом заседании Парижского конгресса в 1889 году оба председателя Вальян и Либкнехт пожали друг другу руки и тем заявили: „После ужасной междоусобной войны, в которой наши народы истребляли друг друга, в нашем лице обе нации подают друг другу руку,—социал-демократическая Германия и социал-демократическая Франция". И точно так же был охвачен гордостью и уверенностью в победе весь пролетарский мир, когда в 1904 году эта сцена повторилась на Амстердамском конгрессе, где русский Плеханов и японец Катаяма обменялись братским рукопожатием, в то время, как пушки их монархов делали свое губительное дело на Дальнем Востоке.

В такие праздники интернациональной солидарности пролетариата особенно ярко выражается единодушный отпор против национальной травли и международной бойни. Но Интернационал должен достичь еще большего. Он должен установить единомыслие относительно целей и методов в отдельных вопросах повседневной борьбы. Здесь возникают колоссальные трудности, здесь нужна упорная работа, для того, чтобы ясно ориентироваться, чтобы различать общеобязательное от того, что обусловлено специальными особенностями экономической и политической структуры каждой страны. Процесс этого уяснения делает успехи с каждым конгрессом. Что это значит станет понятным только лишь, если мы себе представим, какие трудности нужно было преодолеть, чтобы создать хотя бы лишь технические возможности для такого соглашения. В дальнейшем мы отметим основные шаги этой будничной работы нового Интернационала.

Международные конгрессы.

Когда 14 июля 1889 года было открыто первое заседание международного социалистического конгресса в Париже, Вальян, принимая на себя обязанности председателя, с полным основанием заявил: „Каковы бы ни были результаты наших дебатов, их значение будет ничтожно по сравнению с тем, что уже достигнуто—по сравнению с фактом созыва этого конгресса". И действительно, то обстоятельство, что снова представители пролетариата всех стран собрались для выработки соглашения относительно условий и возможности борьбы—это обстоятельство стало историческим событием.

Международные конгрессы стали главным учреждением нового Интернационала. На конгрессах он организовался, окреп,

выработал условия своего существования. Пройден долгий и тяжкий путь, путь, цель которого еще до сих пор не достигнута, но какая разница между силами последних конгрессов и того, который собрался 25 лет тому назад!

Началось с того, что 14 июля 1889 года в Париже собрался не один, а два международных социалистических конгресса. Марксисты и поссибилисты заседали рядом, вели переговоры о своем объединении, но не объединились. Жизнеспособным оказался только один конгресс, марксистский,—тот, который установил празднование 1 мая.

Через два года, в Брюсселе состоялся уже только один социалистический конгресс, и впредь это не менялось, но великое дело внутреннего распорядка еще предстояло впереди. Кто имеет право участвовать в конгрессе? Все, кто считает себя защитниками интересов рабочих? Значит и буржуазные социал-реформаторы, и всякие бестолковые анархисты. Первые не были опасны, они обычно бросались в бегство, при виде красного знамени. Но анархисты всячески старались проникнуть на конгрессы, ибо они вполне правильно понимали, что те, кто там не будут представлены, не будут участвовать в великом союзе пролетарского Интернационала. А потому на конгрессах в Брюсселе, а в особенности в Цюрихе (1893) велась ожесточенная борьба с анархистами. Цюрихский конгресс энергично провел демаркационную линию по отношению к анархистам. Он установил

Условия допущения

на конгресс, которые в 1896 году на Лондонском конгрессе были положены в основу для созыва всех дальнейших конгрессов. Эти условия заканчивались словами: „Таким образом анархисты исключаются". На Парижском конгрессе 1900 года вопрос об анархистах уже до такой степени отошел на задний план, что не было надобности упоминать о них при указании условий допущения на конгресс. Согласно этой редакции, которая действует до настоящего времени, на конгресс приглашаются:

1) Все союзы, которые признают основные принципы социализма: социализацию средств производства; международное объединение и международные выступления рабочего класса; завоевание государственной власти пролетариатом, организованным в классовую партию.

2) Все профессиональные организации, стоящие на почве классовой борьбы, признающие необходимость политической, т.-е. законодательной и парламентской, деятельности, но не принимающие непосредственного участия в политическом движении.

Установление рамок, определяющих, кто допускается к участию, являлось первым шагом к тому, чтобы сделать конгрессы работоспособными. Но Парижский конгресс 1900 года, окончательно решивший этот вопрос, очутился перед новым затруднением. Конфликт между французскими товарищами, все более обострявшийся вследствие вступления Мильерана в министерство, со всей своей силой обрушился на Парижский конгресс. Хозяева-французы долгое время не давали конгрессу конституироваться, так как первоначально обе фракции отказывались занять рядом места в президиуме. Однако, жизненная сила Интернационала справилась и с этим затруднением, и Парижский конгресс вынес ряд чрезвычайно важных постановлений.

Неприятное зрелище, разыгравшееся при открытии конгресса в 1900 году, по счастью более не повторялась. Но это показывает, что непременным условием успешной работы Интернационала является единство рабочего движения в каждой стране. Амстердамский конгресс 1904 года сделал этот вывод и достиг величайшего успеха в объединении французских социалистов.

Способ голосования.

Признаком, всего очевиднее выражающим рост делоспособности конгресса, являются способы, которыми конгресс выявляет свою волю. Первые конгрессы в некоторых отношениях напоминали общедоступные собрания. Всякий приходивший, если он был известен, как товарищ, заслуживающий доверия, считался желанным гостем. Голосование по числу присутствующих, которое в начале являлось нормальным, давало, конечно, неодинаковый результат в зависимости от того, в какой стране происходил конгресс, ибо эта страна, естественно, посылала наибольшее число делегатов. В 1889 году, в Париже абсолютное большинство составляли французы. В 1891 году в Брюсселе большинство составляли бельгийцы. По вопросам, по которым все солидарны, такой способ голосования, допустимый в народном собрании, возможен и на конгрессе. Но уже в 1889 г. в Париже выяснилась необходимость производить голосование по нациям, а Брюссельский конгресс включил в наказ постановление: „Вопросы принципиального характера разрешаются по нациям“. Согласно ныне действующего наказа, голосование производится по нациям, если об этом заявят желание три представленные на конгрессе нации.

Первоначально этот способ голосования применялся таким образом, что нации рассматривались как равные величины. На Парижском конгрессе 1900 года было постановлено, что каждая нация получает два голоса, так что, в случае разногласия в ее среде, меньшинство тоже может выразить свое мнение.

Но эта система была почти так же далека от действительного соотношения сил в Интернационале, как голосование по числу присутствующих. Какая-нибудь экзотическая страна с едва зарождающимся рабочим движением, представленная на конгрессе быть может всего лишь одним депутатом, оказывала на решение Интернационала почти столько же влияния, как и огромная германская социал-демократия с ее образцовой организацией. Несостоятельность этого способа голосования стала особенно ясной, когда на конгрессе в Амстердаме в 1904 году был поставлен на решение волнующий всех вопрос о вступлении в министерство. Для следующего конгресса подготовительная конференция, происходившая в июне 1907 года в Брюсселе, выработала предложение, согласно которого сила партии в каждой стране определяла число голосов, предоставляемых ей на конгрессе. Самые крупные партии—германская, французская, австрийская и т. д. — получили по 20 голосов. Маленькие получили меньше, соответственно своему значению, до минимума—в 2 голоса. Каждая национальная секция сама решает, как она будет подавать принадлежащие ей голоса, и в какой пропорции должны быть распределены голоса в случае расхождения во мнениях. Решение сообщается затем уполномоченным секции в пленарном заседании конгресса, и таким способом подаются голоса данной секции.

Эта система несомненно означала крупный шаг вперед, но она все-таки заключает в себе существенные недостатки. Так, например, Австрия, благодаря своей национальной раздробленности, имеет бóльшее влияние на судьбы Интернационала, нежели единая германская партия. Австрия имеет 20 голосов, из них 7 чешских. Венгрия с Хорватией имеют 8 голосов, Босния и Герцоговина—2 голоса, а всего 30, причем сюда еще не включены те голоса, которые приходятся на долю Австрии в польской секции. Общее число голосов у Австро-Венгрии, таким образом, в полтора раза больше, чем у Германии, что, к сожалению, не соответствует соотношению сил в организациях обеих стран. Интернационал несомненно должен будет со временем заняться чрезвычайно трудной задачей: правильнее распределить голоса, применительно к фактическому соотношению сил.

Кроме того, Интернационал сделал шаг вперед еще и в другом направлении. На заседании международного бюро, происходившем в Лондоне в декабре 1913 года и посвященном подготовке венского конгресса, было принято постановление об ограничении числа делегатов. Прежде каждая нация могла посылать столько делегатов, сколько ей позволяли ее средства. Чрезмерное количество участников мешало работам конгресса. Число делегатов уже дошло до тысячи, и возникала опасность, что не найдется зала, способного вместить всех желающих. Лондонская конференция

постановила, что на каждый голос, представленный на конгрессе, могут быть посылаемы по 6 делегатов. Так что страны, имеющие максимальное число голосов, как Германия, могут посылать не более 120 делегатов.

Таким образом конгресс постепенно из собрания отдельных лиц превратился в представительное учреждение. Международный конгресс может в полном смысле этого слова претендовать на то, чтобы постановления его считались выражением мнения и воли рабочего класса.

Международное социалистическое бюро.

Международные конгрессы, в которых прежде всего воплощается организация нового Интернационала, создали два учреждения, чрезвычайно содействовавшие укреплению и объединению этой организации: Международное социалистическое Бюро и Секретариат в Брюсселе. Уже на Лондонском конгрессе в 1896 году была избрана комиссия для изучения вопроса об учреждении постоянного секретариата. На основании отчета этой комиссии, в Париже в 1900 году, было постановлено учредить Международное Бюро и постоянный Секретариат в Брюсселе.

Международное социалистическое Бюро состоит из представителей всех национальных секций, допущенных на конгресс. Согласно парижских постановлений, каждая нация посылает в Бюро одного представителя. Но вскоре выяснилась необходимость предоставить каждой секции два места в Бюро, подобно тому, как ей предоставлены два голоса на конгрессе. Кроме этих представителей, которые делегируются партиями своих стран, и именуются секретарями, в Международное Бюро, по постановлению, принятому на конгрессе в Штутгарте (1907 г.), входит также представитель парламентской фракции данной страны. Таким образом всякая секция, если у нее есть парламентское представительство, посылает трех представителей в Международное Бюро. Но и этот принцип не проведен строго, так как, например, французская партия, благодаря своему прежнему, а русская существующему поныне расколу, имеют по 4 представителя. В настоящее время в бюро представлены 28 секций, в лице 72 делегатов и 6 заместителей.

Первоначальной задачей Бюро была подготовка конгрессов, но Международное Бюро в своем значении выросло за пределы этой задачи. Разумеется, оно и в отдаленной степени не выполняет функций Генерального Совета старого Интернационала, оно не является исполнительным органом объединенной организации. Оно не руководит, но оно представляет собою конгресс в малом масштабе и неоднократно имело возможность, когда

не заседал конгресс, настойчиво и успешно выражать волю Интернационала особенно по отношению к военной травле. Яснее всего функции Бюро выражены, пожалуй, в военной резолюции Штутгартского конгресса, где говорится о „объединяющей деятельности Международного Бюро", которая должна служить поддержкой для работы в отдельных странах. И действительно, объединение сил, имеющихся в отдельных странах, является самой характерной и важной жизненной формой нового Интернационала.

Международное Бюро еще не представляет собою точного отражения сил, действующих в рабочем движении всех стран. Незначительное число делегатов, которыми должны ограничиваться отдельные нации, чрезвычайно затрудняет возможность размерить влияние каждой нации сообразно силе ее организации. В настоящее время уже достигнут тот результат, что Международное Бюро является вполне работоспособной корпорацией. Оно в состоянии даже разрешать чрезвычайно трудные вопросы по оценке сил движения в отдельных странах, но главное—это то, что Бюро делает все более плодотворной работу международных конгрессов. Чрезвычайно ценное содействие работе Бюро оказывает

Брюссельский Секретариат.

Бюро нормально может собираться раз или два в году. Между тем центральное учреждение в Брюсселе—Секретариат—функционирует постоянно и с гораздо большим успехом, нежели можно было рассчитывать при его учреждении. Задачи, поставленные ему на конгрессе в Париже, сводились к следующему: 1) создание архива социалистического Интернационала, 2) подготовка интернациональных конгрессов, в особенности посредством собирания и опубликования отчетов о деятельности отдельных наций, и рефератов, посвященных резолюциям по отдельным пунктам занятий конгресса, 3) опубликование циркуляров и манифестов по важнейшим злободневным вопросам, 4) осуществление решений интернациональных конгрессов, в особенности изготовление протоколов конгрессов.

Вначале центр тяжести деятельности Секретариата заключался в архивной работе. Если принять во внимание, какими существенными недостатками страдали протоколы первых конгрессов, то будет понятно, сколь важна работа по обеспечению результатов совещаний Интернационала. Международный Секретариат в Брюсселе чрезвычайно высоко поставил эту сторону своей работы, в особенности с тех пор, как началась успешная деятельность нынешнего секретаря Камилла Гюисманса, вступившего в эту должность 1 февраля 1905 года. Секретариат уже вполне заслужил почетное звание архива Интернационала. Он уже выполняет ра-

боты, о которых никто не решался и думать при его основании. Председатель, тов. Вандервельде, вместе с остальными членами исполнительного комитета, тов. Анселе, Гюисмансом, к которым за последние годы присоединился еще тов. Бертран в качестве парламентского представителя Бельгии, благодаря своему широкому кругозору и неутомимому усердию, сделали брюссельский Секретариат таким учреждением, которым воистину может гордиться пролетариат всех стран.

Отдел четвертый.

Статьи просветительного и агитационного характера, написанные в мирное время.

Для чего нужны нам теории.

I.

Буржуазное общество имеет в своем распоряжении два рода средств производства, средства производства жизни и средства производства смерти. Средства производства жизни заключаются в машинах, которые изготовляют ткани, пищевые продукты,—словом все, что нам нужно для жизни. Средства производства смерти—это оружие, пушки и ружья, которыми мы можем ранить и убивать людей. Обладание ружьями и машинами является монополией буржуазного общества. Этой монополией поддерживается ее господство.

Рабочий класс не имеет ничего, кроме своей рабочей силы, которой буржуазия должна пользоваться для того, чтобы приводить в движение средства производства. И притом одинаково как машины, обеспечивающие жизнь, так и ружья, несущие с собою смерть. Этими обстоятельствами определяется цель борьбы, которую ведут рабочие, и средства, которыми они пользуются. Цель эта заключается в том, чтобы все общество в его целом овладело всеми имеющимися средствами производства: машинами, дабы они работали для всех людей, ружьями, дабы все одинаково имели право следить, чтобы они бездействовали.

Впредь до окончательного завоевания обществом средств производства, необходимо предписать классу капиталистов, как должен он пользоваться этими средствами, необходимо установить предел для его произвола. Надо ограничить размеры, в которых машины могут быть использованы в качестве орудия эксплоатации, надо

заставить буржуазию понять, что нельзя играть оружием, что она должна соблюдать меру, когда пользуется им с целью держать рабочих в покорности. И это удается. Вместо одностороннего предписания условий труда, согласно правила „я хозяин в своем доме", появляется рабочий договор, в котором устанавливается продолжительность ежедневного рабочего времени, размер заработной платы и т. д. Сначала это делается для отдельной фабрики, затем для всей отрасли в данном городе, а потом и во всей стране. Вместо одностороннего распоряжения имеется двусторонний договор, правда, пока еще договор, где одна сторона—рабочий, а другая—капиталисты, тогда как мы требуем, чтобы при установлении условии труда все люди действовали в качестве совершенно равноправных факторов.

Но имеются постановления еще более широкого масштаба, которые затрагивают жизнь отдельного человека не менее сильно, чем рабочий договор. Это государственные законы. И они сначала были односторонними распоряжениями абсолютного монарха, распоряжениями господствующего класса, которым рабочий не смел противоречить. Но и здесь удается все больше устранять бесправие рабочих и превращать государственный закон из распоряжения, из декрета определенного класса, в договор, заключаемый при участии всех граждан. Не привилегированный класс, а большинство граждан приобретает решающее влияние. Правда, не исключительное, ибо меньшинство, не получающее уступок, соответствующих его численности и подвергающееся насилиям, не чувствует себя связанным законом и может обструкцией мешать выполнению всех функций общества.

Как и на фабрике, рабочий в государстве первоначально является бесправным существом, но в конце концов приобретает такое же влияние на государственный строй, как и на определение условий труда. Произвол отдельных капиталистов и капиталистических правительств все более суживается, благодаря воздействию организованного рабочего класса. Какими средствами воздействия он располагает? В последнем счете он может опираться только на то, что составляет его собственность, чем он свободно распоряжается. Это—жизнь каждого отдельного человека и в частности его рабочая сила.

Первое сильное средство, которым располагают рабочие, заключается в том, чтобы не использовать своей рабочей силы, бастовать, т.-е. не давать действовать средствам производства. И притом одинаково как средствам производства жизни, так и средствам производства смерти. Мы чуть ли не ежедневно бываем свидетелями, как останавливаются машины, а в решительный момент могут отказаться служить и ружья.

Рабочий класс трудится также на пользу социализма, работая

над единственной машиной, которая принадлежит пролетариату, а именно над организацией. Последняя является средством производства силы рабочего класса. С остальными средствами производства социалистическая работа может совершаться лишь постольку, поскольку имущие классы лишены права распоряжаться ими. Работы с машинами в наших производительных товариществах есть социалистическая работа и в последнем счете такой же характер может принять работа с средствами производства смерти, с ружьями, ибо „направление событий зависит от того, куда повернутся ружейные дула".

Рабочая сила и, как самое крайнее средство, жизнь, — вот ставки, при помощи которых мы ведем нашу борьбу. На конференциях, созываемых для установления рабочего контроля, а также на конференциях, именуемых парламентами, в которых обсуждаются более обширные договоры, предел того, что могут достигнуть наши представители, наши делегаты, наши депутаты, зависит от того, какую силу представляет собою стоящий за ними рабочий класс, в смысле своей численности и готовности к жертвам, в какой мере, по мнению господствующих классов, рабочие готовы рискнуть своей рабочей силой, а в крайнем случае и жизнью. Рабочий класс не должен убаюкивать себя мыслью, будто при договорах, которые заключаются где-нибудь в бюро или в парламенте, главная роль принадлежит представителям, которые уже позаботятся обо всем, что нужно. Как раз наоборот, все зависит от того, в какой мере представители рабочего класса могут положиться на своих доверителей. Широким массам нет совсем надобности действовать у всех на виду. Обыкновенно достаточно одной их готовности к борьбе. Только весьма незначительная часть договоров заключается на основании открытой войны, но степень готовности к борьбе определяет содержание договоров. В парламентах наши предложения почти всегда отвергаются. Но, тем не менее, каждое принимаемое постановление, каждый издающийся закон, содержит в себе как раз такие уступки рабочему классу, какие соответствуют его действительной силе в данный момент.

Таковы вкратце средства борьбы пролетариата. Но в таком случае невольно возникает вопрос, почему же постоянно так много говорят о теории. А некоторые даже спрашивают: нужны ли нам вообще теории?

Чтобы разобраться в этом вопросе, мы должны сначала выяснить: что, собственно говоря, представляют собою теории? Действительно ли они так оторваны от повседневной жизни, как полагают некоторые люди, никогда не задумывавшиеся над этим вопросом. Или может быть теории являются естественным продуктом и оказывают влияние на каждом шагу нашей деятельности.

II.

Теория представляет собою по возможности наглядную систему положений или, как иногда говорят, законов, законов естественных, или, выражаясь точнее, научных законов.

Таким образом, если мы желаем узнать, что такое теория, мы должны предварительно выяснить, что представляют собою эти положения, эти законы, которые являются кирпичами, из коих строится теория.

При этом необходимо, прежде всего, предупредить одно недоразумение. Существует весьма непрактичный обычай называть одним и тем же именем два совершенно разных явления. Выше мы уже однажды употребили слово закон, говоря о законах государства, и сказали там, что законы первоначально были указами, а с ростом демократизации превратились в договоры, заключаемые между гражданами. Научный закон, как мы еще подробнее выясним дальше, это—не указ, не договор, а именно теоретическое положение.

Старая немецкая пословица говорит: „Обжегшийся ребенок боится огня“, и она нам показывает, как возникают научные законы. Ребенок дотрагивается до печки и испытывает боль. Если этот опыт он проделывает несколько раз, то, в конце концов, он вынужден признать связь между ощущением боли и прикосновением к печке. Он устанавливает закон: „когда я дотрагиваюсь до печки, мне бывает больно“. Это положение он припоминает каждый раз, когда видит печку, и оно определяет его поведение: он почтительно избегает встречи с этой неприятной вещью.

Таких положений имеется много. Теория объединяет их в систему, чтобы их было легче запомнить и находить, когда в них является надобность.

Ребенок описывает, как это было: „когда я дотронулся до печки, мне стало больно“. Закон, а также теория, следовательно, являются в первую очередь описанием опытов, сделанных в прошлом. Польза таких описаний заключается в том, что они избавляют нас от необходимости повторять такие опыты. Мы можем использовать опыт прошлого для будущего. Ребенок обжигается несколько раз, но уже затем больше это с ним не случается. Ибо, когда он подходит к печке, его мышление переходит в действие. Мозг работает, как аппарат, сдерживающий движение. Таким образом, теория вызывает экономию, т.-е. сбережение. Итак, теория есть описание и выполняет экономическую функцию.

Но ребенок может и не обжигаться у печки, чтобы усвоить эту теорию. Опыт каждый может проделать только сам. Теорию

один человек может передать другому. Совершается это посредством обучения. Цель его съэкономить человеку труд по производству опытов, знакомя с опытами других людей. Если мать говорит ребенку: „Не трогай печки, иначе будет больно, это уже испытали другие дети“, то ребенок может прожить всю жизнь, не обжегши пальцев.

Но экономия в опыте, достигаемая благодаря теориям, не ограничивается устной передачей при обучении. Опыт целых поколений сберегается в библиотеках и тем становится доступен для будущих поколений. Только благодаря такой экономии можем мы ориентироваться в жизни и достигать каких-нибудь результатов своей работы. Ибо то, что каждый человек узнает по собственному опыту, представляет собою ничтожную величину, с помощью которой он в состоянии выполнять только самые примитивные функции, подвергаясь, в то же время, всевозможным опасностям. Забудем на момент обо всем, что мы в течение нашей жизни узнали из книг и газет. Забудем также и то, что нами усвоено, благодаря планомерному обучению, и, наконец, то, что мы знаем из случайных рассказов других людей. Тогда останется то, что мы усвоили благодаря собственному опыту, но нам от этого будет мало пользы. Если бы мы не располагали знаниями, переданными нам посредством мышления, посредством теории, то мы вернулись бы к животному состоянию, или же вообще никогда не могли бы возвыситься над таким состоянием.

Отдельный человек может обладать только весьма незначительным опытом. Он нуждается в опыте других людей, и это явление наблюдается одинаково как в повседневной жизни, так и в самых сложных научных работах. Здесь находит себе применение единственная вера, которую должна признать наука. Та вера, которую великий мыслитель Иосиф Дицген формулировал следующим образом: „Мы должны верить в знание других людей“. Это единственная вера, которую мы должны сохранить, без которой невозможна никакая работа, никакой успех. Но, разумеется, и в данном случае мы не можем верить слепо, верить всегда. Описание, которое нам дает человек о своем опыте, может быть неправильно. Он мог ошибиться. Тогда мы имеем дело с недостатком интеллекта. Но он мог и нарочно дать неверные указания: тут мы имеем дело с недостатком характера. Если мы где-нибудь заметим, что мы работаем на основании неправильных предпосылок, то нам необходимо произвести проверку, самим проделать данный опыт и установить, правильны ли полученные нами сведения. Но в общем мы оперируем значительной дозой веры, без которой немыслима никакая работа.

Успехи познания и успехи техники возможны лишь благодаря тому, что мы умеем экономно пользоваться опытом, что мы при-

меняем опыт всех людей. Но для этого надо, чтобы опыт был формулирован, ибо опыт, который не формулирован, не превращен в теорию, утрачивается и уже не может быть использован. Формулировка опыта может быть различная. Если бы каждый ребенок в отдельности описывал ту печку, о которую ему случилось обжечься, если бы он рассказывал все сопровождавшие этот случай специальные обстоятельства, то мы получили бы толстые книги, посвященные тому факту, что прикосновение к печке вызывает боль. Следовательно, и в формулировке опыта должна применяться экономия. Должны быть выделены характерные признаки, которые и перечисляются в одном кратком предложении. Таким образом, во всех науках сложное разнообразие явлений располагается в наглядном порядке и излагается в виде легко применимых удобных положений. Вторая задача теории заключается таким образом в том, чтобы облегчить запоминание и мышление посредством экономной формулировки опыта.

III.

Какую пользу для будущего может принести нам теория, т.-е. возможно более сжатое описание прошлого опыта людей.

Природа чрезвычайно разнообразна, но она повторяется. Процесс, наблюдавшийся однажды, будет еще воспроизведен неоднократно, по крайней мере в некоторых чертах. Если бы этого не было, то вся теория и вся наука оказались бы бесполезными. Но тогда и жизнь, как мы ее понимаем, была бы невозможна. Благодаря тому, что повторяются одни и те же случаи, опыт прошлого, изложенный в теориях, может быть нам полезен. Мы видим часть какого-нибудь явления, начало какого-нибудь процесса. А наши теории говорят нам, какие возможности допустимы относительно другой части явления, относительно продолжения процесса. Это значит, что теории нам сообщают, что происходило, если совершался определенный комплекс явлений. Не будь у нас теорий, мы считали бы все возможности открытыми. Припомним, какое неприятное ощущение, какое недоверие испытываем мы, когда впервые подходим к совершенно незнакомой машине, например, впервые видим автомобиль. У нас нет опыта. И все возможности открыты. Мы боимся дотронуться до него, мы не знаем, от какого прикосновения машина начинает двигаться, когда она может взорваться. Чем больше опыта, собранного у нас, чем лучше развита у нас теория, тем мы увереннее, тем более узок круг, открытый для всякого рода возможностей. Мы можем поэтому сказать с Эрнестом Махом: „Теории (а вместе с ними и законы) ограничивают наши ожидания в будущем“.

Дает ли нам теория абсолютную уверенность? Знаем ли мы благодаря теории, что необходимо должно случиться? Отнюдь нет. Мы знаем только, что случится по всей вероятности. И чем шире опыт, на который опирается наша теория, чем чаще повторялся данный процесс, тем вероятнее, что он повторится еще раз.

В теории мы рассматриваем некоторые явления, в зависимости от других явлений. Теория говорит нам: до сих пор эти явления всегда находились в зависимости от тех явлений. Но внезапно может обнаружиться, что имеют влияние еще и другие явления, которые до сих пор случайно встречались всегда в неизменном виде. Результат получается иной, нежели тот, который предполагала теория. Возьмем простой пример. Ребенок, установивший теорию: „Когда я дотрагиваюсь до печки, мне бывает больно“, однажды снова подходит к печке и никакой боли не испытывает. Он убеждается, что теория применима не во всех случаях. Если он легкомыслен, он скажет: „Теория меня одурачила, не надо мне больше никаких теорий“. Но если это умный ребенок, то он подумает: „Теория была не вполне совершенна. Надо дополнить теорию. Надо посмотреть, какое обстоятельство, которое до сих пор встречалось в неизменном виде, и, следовательно, ускользнуло от моего внимания, на сей раз изменилось“. После некоторого исследования, он найдет, что не всякое прикосновение к печке вызывает боль, а только прикосновение к вытопленной печке. Когда он установил свою теорию, была зима, а теперь стало лето. Усовершенствованный закон более точен. Он опирается на более широкий опыт.

Итак, то, что предсказывает теория, не наступает непременно, а наступает только по всей вероятности, причем вероятность находится в зависимости от того, насколько теория правильно установила те обстоятельства, которые являются решающими. Но хотя теория не является рецептом, хотя она не может сказать нам ничего наверняка, все же мы ею руководствуемся. Утром мы идем в тот дом, где мы выполняем нашу работу, потому, что, на основании имевшегося до сих пор опыта, мы делаем теоретическое предположение, что мы можем там приступить к нашему обычному труду. Но, может быть, наша теория неверна, может быть, наступило обстоятельство, которого раньше не было, например, дом этот сгорел. Однако, несмотря на этот риск, мы все-таки отправимся туда, т.-е. применим нашу теорию, ибо не идти на место работы из-за возможности, о которой мы еще ничего не знаем, было бы менее практично, чем довериться теории.

Действовать сообразно теории является самым практичным, что мы только можем делать. Ибо вероятнее всего наступит то, что соответствует теории.

IV.

Животное, в котором известным раздражением вызывается желание, воля, автоматически следует этой воле и реагирует непосредственно. Бабочка видит лампу. У нее является желание приблизиться к ней, и она летит на огонь. Ребенок первоначально реагирует так же, как животное. Только постепенно научается он пользоваться орудием, которое предохраняет его от опасности,—теорией. Взрослый человек прежде всего сдерживает свою волю. Он сначала реагирует мозгом, исследует при помощи своего орудия—теории,—что случилось и только затем уже пускает в ход свою волю. Если он находит, что его волевой импульс толкнет его головой об стену, то он постарается совладать с этим желанием. Если же теория скажет ему, что его воля поведет его по пути прогресса, он охотно предоставит ей свободу действий.

Теория—это орудие, которым пользуется всякий. В этом смысле все люди теоретики. Вопрос сводится только к тому, хорошие они теоретики или плохие. Старушка, которая утверждает, что пятница плохой день, тоже является сторонницей теории и, притом, теории, основанной на опыте. Первый факт, на который опирается эта теория, распятие Христа. А с тех пор в пятницу произошло много бед. Один разбил стакан, другой вывихнул себе ногу и т. д. Поэтому старушки—а во имя равноправия, разумеется, и старички—по пятницам не предпринимают путешествий и вообще не затевают сложных дел в этот день. Но почему же старушка, связавшая в своей теории весь опыт, относящийся к пятницам, в которые совершалось столько неприятных вещей—все-таки неправа? Потому, что она недостаточно широко поставила свои опыты. Она обращала внимание только на пятницу и не считала, сколько стаканов „случайно“ разбила она в другие дни. Иначе бы оказалось, что каждый день недели насчитывает приблизительно одинаковое число несчастных случаев.

Так как мы все теоретики и должны быть теоретиками, то вопрос, хороша или плоха данная теория, касается не только науки, но всегда определяет, как мы направляем свою жизнь. Этим объясняется ожесточенная борьба между теориями. Плохие теории учат угнетенных оставаться под защитой и покровительством церкви, под палкой классового государства. Хорошие теории указывают пути к свободе и убеждают, что то, что есть, не должно остаться навсегда, и может измениться, если только мы пожелаем. Вся наша пропаганда заключается в том, чтобы плохих теоретиков сделать хорошими.

Мы сказали, что все мы должны быть теоретиками в том смысле, что все мы должны применять теории. Всякий своим опытом способствует проверке, а тем самым и улучшению

теорий. Но существуют также теоретики в более узком смысле этого слова, которые специально занимаются выработкой теорий, т.-е. возможно более краткой и логичной формулировкой фактов, собранных опытом. Здесь происходит то же самое, что со всяким инструментом. Есть люди, которые применяют его и при этом проверяют, годится ли инструмент. Есть другие, профессия которых состоит в том, чтобы выделывать инструменты. Тот, кто выделывает инструменты, совсем не должен уметь с ними обращаться. Человек может выделывать очень хорошие молотки и не уметь вбивать гвозди. Такое же отношение наблюдается между теми, кто вырабатывает теории, и теми, кто их применяет на практике. Последних, поэтому, называют практиками. В часто происходящих столкновениях между практиками и теоретиками иногда употребляется выражение, судя по которому можно подумать, что уже одно название „практик“ или „теоретик“ заключает в себе порицание. В сущности же такое замечание, как например: „Он ведь теоретик!“, указывает только, что этот человек плохой практик. И, наоборот. Нам одинаково нужны хорошие теоретики и хорошие практики. Люди, умеющие строить хорошие теории, и люди, умеющие их применять. Чтобы человек в одно и то же время был и хорошим теоретиком и хорошим практиком, такой счастливый случай встречается весьма редко. Но в этом нет и надобности. Оба свойства отнюдь не находятся в непосредственной связи между собой. Практик должен только уметь хорошо обращаться с теориями, которые доставляют ему теоретики. А теоретик, в свою очередь, должен понимать, какие теории нужны практику. Тогда возможна успешная работа на началах разделения труда.

Инструмент может оказаться слишком тонким и сложным для известных целей. В обычной торговле не станут применять аптекарских весов, ибо их чрезвычайная точность излишня для целей повседневной жизни, а, вместе с тем, они требуют больше затраты труда и, следовательно, являются в высокой степени неэкономными. Точно также и инструмент, который доставляется теоретиком, может оказаться слишком хорошим для известных случаев. Поэтому мы одновременно применяем теории различной тонкости. Для более простых случаев достаточно тех теорий, которые изложены простым языком и дают самые общие, приблизительные указания. Но, когда мы имеем дело с более сложными вопросами и более трудными решениями, то приходится применять все более тонкие и более сложные теории. Тогда пользуются научной терминологией и, наконец, даже условным языком математики.

V.

Для иллюстрации всего вышеизложенного ознакомимся вкратце с теориями, посвященными человеческому обще-

ству. При этом нас особенно интересуют крупные перевороты, происходящие в обществе, историческое развитие общества. Первоначальным материалом, которым оперируют эти теории, являются волевые стремления и волевые действия людей. На первый взгляд нам представляется хаос скрещивающихся воль, запутанный клубок стремлений и действий. Долгое время не могли здесь установить законов, не знали, что эти различные воли подчинены известному порядку. Довольствовались тем, что исследовали волю отдельных лиц и приписывали главную роль отдельным выдающимся людям, которым удавалось осуществить свою волю. Только Карлу Марксу впервые удалось показать, как направляется воля широких масс. Ему мы впервые обязаны первым значительным объяснением воли людей. Свое объяснение он формулировал в положении: „История общества всегда была до сих пор историей классовой борьбы". Это сразу пролило свет на проявления человеческой воли. Закон этот не охватывает все волевые стремления, но в него вошли все те, которые имеют отношение к развитию общества. Маркс показал, что в запутанной массе волевых элементов можно найти значительные группы однородно направленных воль и что это дает впервые ключ к пониманию основных явлений. Классовая борьба, очень явственно проявлявшаяся, наблюдалась уже неоднократно: в древнем Риме, в крестьянских войнах, в революции 1789 г., в июльские дни 1830 г. Но ни разу никто ясно не сумел понять, что здесь происходит. Действовал классовый инстинкт, классовый интерес, но только благодаря Марксу стало возможно классовое сознание. Эта теория классовой борьбы оказала нам неоценимые услуги. Ибо пока классовая борьба ведется несознательно, без теории, как простой рефлекс чувств, проповедникам спокойствия и порядка, наемным писакам капитализма легко делать свое дело и рассказывать сказки о мире и единодушии, которые должны господствовать между капиталом и трудом. Им легко излагать свои ложные теории о бедствиях, угрожающих всем, вследствие недовольства и раздора. Маркс дал возможность вести сознательную борьбу, обдуманно осуществлять нашу волю в противовес ложным теориям, которые призывали к миру.

Люди, не сумевшие понять Маркса, иногда говорили, будто Маркс вообще забыл о воле людей. Маркс говорит все время о борьбе, о революционировании общества, об организации рабочих,—словом, все волевых действий людей. Только люди, никогда неусвоившие духа марксистского учения, люди, из-за деревьев не видящие леса, могут утверждать, будто человек, создавший теорию волевых действий людей в обществе, „забыл" о человеческой воле.

Но Маркс еще глубже вник в теорию человеческой воли. Он убедился, что во все времена отдельные люди выражали мысли и желания, направленные на улучшение мира, что возникали идеалы и имелась воля к их осуществлению. И он поставил вопрос, чем объясняется, что известные идеи и желания всегда терпели крушение, пока не наступал момент, когда они могли осуществиться. Он заметил, что в потоке общественной жизни, движущемся обычно одинаковым темпом, значительные перемены происходили тогда, когда у людей менялся способ производства. Условием общественного переворота всегда является переворот в условиях производства. Так было перед 1789 годом, перед Великой Французской революцией. Мелкое ремесло было вытеснено мануфактурой, т.-е. организацией труда в крупном масштабе. Это изменило структуру классов. На первый план выдвинулась буржуазия, устойчивое состояние общества было нарушено, противники заняли боевые позиции, началась борьба, воля угнетенных сумела взять верх, победила революция. Так Маркс впервые дает теорию революции. Революция происходит не вследствие заговора злоумышленников, как утверждают столпы государства, не потому, что нашлись, наконец, действительно хорошие люди, идеалисты, как наивно излагают либеральные историки,—они происходят вследствие изменения совершившегося в средствах производства. Когда условия, указанные для революции в теории Маркса, имеются налицо, тогда воля к революции может восторжествовать, тогда желания, идеи и стремления, имеющиеся всегда налицо, могут осуществиться.

Эта теория опять-таки имеет непосредственно важное значение, ибо она нам показывает, какая революция возможна в настоящее время, какая революция только и может осуществиться. Реакционеры тоже хотят произвести революцию: революцию в обратном направлении, чтобы вернуться к доброму старому времени, которое для них, по крайней мере, было значительно лучше. Маркс показал нам, что все их усилия напрасны. Они могут украсть у нас время, они могут задержать нас, но, в конце концов, они расшибут себе головы о стену. Рабочие тоже были первоначально так наивны, что верили в возможность сделать революцию в обратном направлении. Почти во всех странах повторялась история, которая случилась с силезскими ткачами в 40-х годах, когда впервые появились машины и лишили рабочих хлеба, потащили их детей на фабрики и днем и ночью высасывали у них кровь. Всегда первая мысль была: долой машины,—и их ломали. Но теория была неправильна. Явились новые, еще более огромные чудовища, и борьба с ними стала безнадежной. Тогда Маркс показал: не машины высасывают кровь у рабочих, а капиталисты, владельцы машин, отнимающие у рабочих часть их

заработной платы. Он создал теорию прибавочной стоимости, которую забирает капиталист вместо того, чтобы выдать ее рабочим. Этим Маркс дал уже не просто теорию революции, а теорию той революции, которую мы переживаем, теорию пролетарской революции. Нужно идти не назад, как думали ткачи в 40-х годах, нужно не разрушать машины, а обратить их в собственность всего общества и создать новый общественный строй, в котором не будет экономической эксплоатации.

И теорию революции Маркса тоже иногда не понимали. Он показал, что известные условия производства являются предпосылкой появления известных волевых устремлений в массах, предпосылкой их успеха. Вместо этого некоторые люди истолковали учение Маркса в том смысле, будто, по его мнению, условия производства автоматически создают новое общество без участия в этом воли людей. Это так же нелепо, как сказать: воздух создает человека, хотя совершенно верно, что он необходим для его существования. Нелепо говорить, что условия производства сами по себе создают новый общественный строй, и в то же время верно, что они являются необходимым условием, для того, чтобы люди создали новый строй.

Теория никогда не в состоянии заменить собою волю, но и воля не в состоянии заменить теорию. Воля без теории слепа, теория без воли хромает. Теория показывает нам, какие волевые элементы имеются налицо, какие идеи и желания выполнимы, какая воля может осуществиться. Мы не хотим действовать слепо, мы не хотим ломиться в стену. Мы хотим осуществить свою волю, мы хотим победить, нам нужны теории для того, чтобы живущее в сознательном пролетариате стремление ниспровергнуть современное общество могло проявиться и восторжествовать.

Более 60 лет тому назад Маркс написал в Коммунистическом Манифесте: „Пролетарии ничего не могут потерять, кроме своих цепей; они могут завоевать весь мир“. Первая часть этой фразы не вполне соответствует теперь действительности. За эти 60 лет пролетарии совершенно изменились. Презираемых, бесправных, беззащитных рабочих 40-х годов уже более не существует. Собственными силами они сумели подняться, создать свои организации, отвоевать себе права. Они стоят в центре событий, сейчас они могут утратить не только цепи, но и плоды своей работы в организации, свой авторитет. Каждый шаг, который они делают, может принести выгоды, но также и потери. Поэтому необходимо больше задумываться над каждым шагом; поэтому теории, как орудия классовой борьбы, приобретают все большую важность. Но если, в настоящее время, рабочие могут потерять не только цепи, то по-прежнему они могут еще завоевать целый мир.

„Das Volk“ („Народ“). 6 марта 1913 г.

Открытие Маркса.

На людей, делающих изобретения, смотрят обыкновенно косо, их называют прожектерами и фантазерами. Известно, что из тысячи изобретений не всегда даже одно оказывается возможным перенести из области идеи в область действительности. Есть поэтому достаточно оснований к недоверию. Изобретателю начинают верить только тогда, когда видят новую машину в действии.

Первые социалисты тоже были прожектерами. Они утверждали, что можно устроить мир значительно лучше, если только будут осуществлены их идеи. Но так как они не могли показать Фомам неверным социалистическое государство воочию, то все их благие намерения встречались с улыбкой сострадания, с недоверием и насмешкой. Первые социалисты или утописты, как мы их теперь называем, разделяли участь большинства изобретателей.

Изобретатели рассказывают о том, на что они надеются. Люди, сделавшие открытие, говорят о том, что они знают. А потому и судьба их иная.

Когда закаленные непогодами люди возвращаются из знойной Африки или из областей, вечно покрытых льдом, каждый с вниманием прислушивается к их рассказам. И если они имеют репутацию честных, серьезных людей, неспособных на вымысел и хвастовство, то в награду им достается доверие и восхищение. Им верят потому, что они рассказывают о том, что они видели, что они знают, что является их опытом. Открытие представляет собою не проект, не музыку будущего, а прочно приобретенное научное знание.

Первые социалисты делали изобретения. Маркс сделал открытие. В этом его значение, в этом его успех, в этом непреодолимая сила, связанная с его именем. Карл Маркс не отправлялся в далекие страны. Свое открытие он сделал на родине у себя, в Европе. Но то, что он открыл, было не менее ново и удивительно, нежели то, о чем рассказывали путешественники, посетившие далекие страны. Маркс открыл секреты фабрики, конторы и рынка. Долгие годы производил он свои исследования. Огромный труд, три толстых тома „Капитала“, излагает сущность его открытия.

Маркс исследовал работу на фабрике. Он исследовал процесс работы человека и выяснил, каким образом из труда рабочего получается богатство, капитал тех, кто не работает. Имя Маркса навеки связано с открытием прибавочной стоимости.

Он показал, каким образом всякая ценность товара определяется только количеством затраченного на него труда. Капиталисты, которые не трудятся, могут получить ценность, имущество только благодаря тому, что они отнимают у рабочего часть его продукта— прибавочную стоимость. Эту теорию эксплоатации Маркс доказал столь неопровержимо, что не остается никаких сомнений по этому вопросу.

Миллионы людей, которые изо-дня-в-день стоят на фабриках, тысячи людей, которые бродят без работы по улицам, все они, напрасно пытавшиеся постичь, что плохого они сделали и за что их так жестоко наказывают, — все они с облегчением вздохнули, когда им стало известно учение Маркса. Они сразу поняли: да, он прав, он уловил связь явлений, которой мы, слепые, не видели. Мы знаем, что он постиг истину, его открытия заслуживают доверия. И таким образом у Маркса оказались миллионы учеников.

И подобно тому, как Маркс рассеял таинственную тьму на фабрике и показал, каким образом вместе с металлическими и деревянными изделиями, вместе с сапогами и платьем, производится еще капитал, точно так же он выяснил дальнейшую судьбу капитала. Он пошел вслед за ним в банки, он проследил современного чародея на всех его потайных путях, он открыл истинную сущность денег.

Но все эти открытия были лишь подготовкой к самому крупному его открытию. От фабрики, от рынка Маркс перешел к исследованию всего общества. И тут он установил новую истину: история общества была до сих пор всегда историей классовой борьбы. Он выяснил, что не случай определяет судьбу людей, а что все их действия подчинены великим законам. Человеческое общество не стоит на месте, оно является живым организмом, который поднимается на все более высокую ступень развития, который развивается в процессе великой и упорной классовой борьбы. Маркс исследовал законы общественного развития, и мы обязаны ему открытием материалистического понимания истории.

Маркс пошел дальше. Он исследовал наш современный общественный строй — капитализм. И здесь он открыл силы, которые работают в том направлении, чтобы расшатать весь этот „порядок“, основанный на эксплоатации и нищете. Он видел не только сотни тысяч и миллионы угнетаемых и эксплоатируемых пролетариев, в которых зарождается воля положить конец эксплоатации, он видел также, что этот капиталистический мир неудержимо стремится навстречу своей гибели. Он видел, как ремесло обречено на нищенское существование, как мелкая буржуазия пожирается крупным капиталом, как производство становится

все более беспорядочным, как за перепроизводством следуют кризисы, как мир все больше раскалывается на две части: огромную массу эксплоатируемых пролетариев и незначительное меньшинство неимоверно богатых капиталистов. Маркс видел, что капитализм должен погибнуть в силу внутреннего противоречия и что в нем самом имеются и беспрерывно растут силы, которые не оставляют другого выхода, кроме завоевания политической власти организованным рабочим классам, кроме осуществления социализма.

Таким образом, мы обязаны Марксу открытием тенденций развития современного общества. Он дал нам теорию пролетарской революции.

Благодаря Марксу, мы знаем силы, которые приводят в движение наше общество. Маркс постиг судьбу капиталистического мира. Мы обязаны ему уверенностью в успехе нашей борьбы, обязаны непоколебимым убеждением, что проникшийся классовым сознанием пролетариат добьется осуществления социалистического общественного строя.

Мы знаем, благодаря Марксу, что мы не можем ввести социалистический общественный строй по нашему усмотрению. Знаем, что возникновение его зависит не от хороших идей, не от добрых намерений, не от исключительного ума отдельных людей. Но если воззрения Маркса неизмеримо выше фантазий первых социалистов, то все же именно благодаря ему старые утописты снова вошли в почет. То, что у них являлось идеей, изобретением, проектом, то, благодаря открытию Маркса, стало железным законом истории: возникновение нового социалистического общества, которое устранит эксплоатацию.

„Das Volk“ („Народ“). 21 августа 1913 г.

Август Бебель.

Цюрих, 17 августа 1913 г.

Один из величайших людей сомкнул навсегда свои очи. То, что было смертного в Августе Бебеле, будет предано огню сегодня на центральном кладбище в Цюрихе. Представители рабочего класса всех стран приехали сюда, чтобы вместе со швейцарским пролетариатом отдать последний долг великому вождю Интернационала. Но какое значение имеют те 15 тысяч человек, которые шли во внушительной похоронной процессии, по сравнении с

массами рабочих, которые на родине Бебеля, в Германии, в бесчисленном множестве мест устраивают сегодня чествование его памяти. Какое значение имеют они по сравнению с теми миллионами людей, во всех частях света со скорбью и уважением вспоминающих о великом покойнике.

Имя Бебеля останется в истории. Он сделал максимум того, что может сделать отдельная личность. Четыре с половиною миллиона мужчин в Германии и почти столько же женщин с благодарностью называли его своим вождем. Перед мощью его речи трепетали властители, они чувствовали в глубине души, что бесстрашный обвинитель капиталистического общественного строя представляет собою силу, которая со временем положит конец позорной эксплоатации и обнищанию народа.

И этот могущественный человек, по происхождению своему, был бедняком. Все страдания, под гнетом которых томится рабочий класс, были им изведаны. Но он выбился из первоначальных жалких условий своей жизни, выбился, благодаря собственным силам. И вместе с ним поднялся пролетариат Германии, пролетариат всего мира. Из невежественных, отчаявшихся, бесправных призреваемых рабов капитализма он организовал гордую уверенную в победе миллионную армию социал-демократов, от массового шествия которых содрогается современный строй. Рабочий Август Бебель принес рабочим Германии, рабочим всего мира, самоуверенность. Благодаря ему, они начали чувствовать и сознавать: мы представляем собою силу, мы, как молотом, разобьем старое, сгнившее государство.

Бесконечные наказания претерпел Бебель. Пять лет своей жизни провел он в тюрьме. Едва лишь он освободился от тисков нищеты, как преследования, созданные законом о социалистах, снова разрушили его благосостояние. Все опричники власти травили его. Обыскам и обвинениям не было числа. Но, несмотря на болезнь, несмотря на опасность, которой подвергались его жена и ребенок, он оставался непреклонен. У Августа Бебеля рабочий класс научился, как надо стойко страдать за свои убеждения.

Великие учители научного социализма, Маркс и Энгельс, выковали в изгнании, в Англии, оружие, которым никто не умел пользоваться лучше Бебеля. В вынужденном безделии тюрьмы Бебель нашел досуг для того, чтобы отдаться научным занятиям, для того, чтобы воспринять все современное знание. Таким образом токарный подмастерье, Август Бебель, стал одним из популярнейших писателей. Его книга „Женщина и социализм“ читалась миллионами рабочих и работниц, переведена на все языки и навсегда останется одним из лучших сочинений для знакомства с целями социализма.

Август Бебель стал одним из известнейших людей нашего времени, но блеск славы не мог его ослепить. Он остался простым, скромным человеком, который никогда не интересовался собою, а только великим делом, которому отдал свою жизнь. Благодаря этой чистоте характера, в котором высший героизм соединялся с почти детской добротой, он получил высшую награду, какой только могут удостоиться люди: его любили все, кто его знал.

У гроба своего великого вождя, могучего оратора и увлекательного писателя, своего неутомимого агитатора и организатора, со скорбью стоит пролетариат всего мира.

Есть прекрасная легенда о том, как скандинавский вождь, смертельно раненный в битве, остатком последних сил вбивает в землю знамя, которое он нес в сражении. И поэт глубокомысленно добавляет от себя. В том и заключается свойство всего великого, что знамя может остаться, даже если человек погибает.

Красное знамя, которое нес Август Бебель, продолжает развеваться и заставляет учащенно биться сердца миллионов людей, которые хотят осуществить и осуществят то, чему Август Бебель отдавал все силы своего сердца и ума. Красное знамя продолжает развеваться. Мысль, воля и труд Бебеля останутся бессмертными.

Отчет о лекции Фридриха Адлера, напечатанный в „Trautenauer Echo“ 24 апреля 1914 года.

Чему нас учит история.

В младенческий период человечества восподствовало представление, что природа и общество остаются неизменными навсегда в том виде, как они были созданы, и что все происходящее представляет собою вечный круговорот. В XIX столетии произошла полная революция в мышлении, связанная, главным образом, с научною работою двух людей—Дарвина и Маркса. Они научили нас постигать законы развития природы и человеческого общества. Благодаря, главным образом, им, вся наука стала историей развития, основанной на опыте.

Природа имеет свою историю во времени. Вместо учения о вечных мировых телах, явилась история развития солнечной системы и земли; вместо учения о неизменных видах животных и растений, явилась история развития органической природы от клеточки до человека.

Человеческое общество тоже имеет свою историю развития. Представление, будто наши современные общественные условия

являются навеки неизменными, окончательно устранено, благодаря исследованиям Карла Маркса. Ему мы обязаны открытием законов развития человеческого общества.

Начиная с тех веков, от которых до нас дошли исторические сведения, мы всюду наблюдаем деление общества на классы. Всегда существовали классовые противоречия, всегда имелись классы господствующие и угнетенные. В древнем Риме, в эпоху до Рождества Христова, мы находим рабов, тело и жизнь которых принадлежали рабовладельцу и которые были его собственностью и продавались на рынках. В средние века мы находим крепостных крестьян, которые подвластны благородным феодалам, владельцам замков, и обязаны отбывать барщину и платить десятину. Современное капиталистическое общество все более раскалывается на два огромных и враждебных лагеря, грудь с грудью сошедшихся класса,—буржуазию и пролетариат. Во всех эпохах истории угнетенные и угнетатели вели беспрерывную, скрытую, порою открытую борьбу—классовую борьбу. Классовая борьба не есть изобретение скверных социал-демократов, как утверждают наши противники. Она была всегда подлинным содержанием истории. Маркс учил нас: история общества до настоящего времени всегда была историей классовой борьбы.

Угнетенные пытались во все времена облегчить свою участь, угнетатели всегда старались увеличить эксплоатацию. Классовая борьба велась всегда, но мы видим также, что некоторые системы гнета совершенно исчезают. Мы знаем, что исчезло рабство, что нет более крепостного права. Весь общественный строй, базировавшийся на рабстве, так же, как и общественный строй, опиравшийся на крепостное право, уже более не существуют. Когда целая система классов рушится, когда совершается переход из одного общественного строя в другой, то мы говорим о революции. Революция заключается в упразднении господства одного из борющихся классов, в создании нового общественного строения. Наши противники понимают революцию совершенно иначе. Реакционные историки говорят, что она является „заговором злоумышленников". Наивные, либеральные, историки учат, что революция происходит оттого, что являются, наконец, истинно хорошие люди, идеалисты, которые устраняют тиранов. А под конец приходит мудрая полиция и заявляет, что революция это то, что воспрещено.

Теория Маркса о революции неизмеримо выше всех этих детских представлений. Она учит нас, что крушение классового господства, крушение системы эксплоатации, представляет собою такое грандиозное явление, что, по сравнению с ним, вопрос о том, применяется или не применяется насилие, становится совершенно второ-

степенным. Мы, социал-демократы, можем себе представить величайшую революцию совершенно в мирном виде. Если господствующие классы поймут свою эпоху, если они поймут, что нынешние условия гнета не могут долго существовать, то все может обойтись без применения насилия. Но история учит, что господствующие классы никогда не обнаруживали чрезмерного благоразумия. Они всегда рассматривали свои привилегии, как Богом данные и установленные на вечные времена. А потому переход к новому общественному строю совершался, не благодаря благоразумным уступкам сверху, а благодаря энергии, приложенной снизу. Великая революция, какой явилось устранение рабства, последовала, благодаря восстаниям рабов в древнем Риме. Великая революция, поведшая за собою отмену крепостного права, совершилась тогда, когда крестьяне вооружились и стали жечь дворянские замки, во время крестьянских войн. В Австрии позор крепостного права тоже был окончательно сброшен только тогда, когда народ в мартовские дни 1848 года взялся за оружие против своих угнетателей. Австрийские крестьяне своим освобождением от барщины обязаны революции 1848 г.

Если в настоящее время господствующие классы, т.-е. капиталистическая буржуазия, обвиняют социал-демократических рабочих в революционности, то им не мешало бы вспомнить, что своим равноправием в государстве, которое вместе с тем стало основой их власти в государстве, они обязаны всецело и исключительно революции. Буржуазия, которая в 1789 году штурмовала Бастилию во Франции, а в 1848 году в Вене брала цейхгауз, напрасно старается, при помощи своих наемных писак, убедить рабочих, что революции не должны больше иметь места. (Бурные аплодисменты).

Таким образом сущность исторического развития человечества выражается в трех понятиях: классового противоречия, классовой борьбы и революции.

Если мы обратимся к переживаемой нами эпохе, то мы увидим, что классовое противоречие между капитатистами и рабочими вызывается экономическим развитием. Чем больше прогрессирует промышленность, тем сильнее растут пролетарские массы, тем меньше возможности для рабочего стать когда-нибудь „хозяином". Господство капиталистов становится все более тягостным, они не только обратили в свою частную собственность машины и фабрики, но также и сокровища и силы природы. Уголь, водяная сила, пар и электричество служат не человечеству, как нас в этом пытаются убедить, а служат всецело и исключительно выгодам ничтожной кучки бездельников. Полное преобразование всей техники, всего транспорта является основными причинами существующих ныне классовых противоречий и классовой борьбы, которую принесет грядущая революция.

Необходимость классовой борьбы в настоящее время могут отрицать только люди слепые или злонамеренные. Если рабочий класс не будет обороняться, то он сейчас же сильнее почувствует эксплоатацию. Там, где нет организации, там эксплоататорская жадность предпринимателей не знает границ. Рабочие должны организоваться в профессиональные союзы, для того, чтобы не впасть окончательно в нищету. (Шумное одобрение). Но наряду с эксплоататорами на фабрике мы имеем еще и другого противника, эксплоататора в лице государства. Повышенная заработная плата, которую мы получаем, благодаря нашей профессиональной организации, государство-эксплоататор снова отбирает у нас, под видом косвенных налогов. В профессиональных союзах мы организованы по роду занятий. Текстильные рабочие борются против фабриканта текстильщика, рабочие по металлу—против фабриканта металлических изделий. Государство же эксплоатирует нас всех одинаково, без различия профессий, а потому против эксплоататора-государства мы должны объединиться все, мы должны выступать против него, как единый организованный рабочий класс. Это мы делаем посредством политической организации. Двоякой форме эксплоатации мы противопоставляем двоякого рода организацию, профессиональную и политическую. (Бурные аплодисменты).

Шаг за шагом мы вынуждены отбивать позиции у господствующих классов в упорной классовой борьбе. Благодаря этому, мы становимся все более закаленными в борьбе и подготовляемся к выполнению величайшей исторической задачи, которая предстоит рабочему классу,—к полной отмене эксплоатации, к пролетарской революции. Господство капитала над рабочим классом исчезнет, когда машины и фабрики, сокровища и силы природы перейдут в обладание рабочего народа. (Аплодисменты).

У рабочего слишком мало частной собственности. У него мало платья, мало мебели в квартире. Мы, социал-демократы, намерены увеличить его частную собственность над предметами личного употребления. Но имеется также частная собственность, которая не служит целям личного употребления. Ткацкая машина у г. Фальтиса не стоит в гостиной. (Всеобщий смех). Машины и фабрики нужны ему не для личного потребления, а исключительно для того, чтобы эксплоатировать других людей. Эту частную собственность мы хотим отменить, машины и силы природы, короче говоря, средства производства, должны стать собственностью всего рабочего народа. (Шумное одобрение). Эта цель не есть фантазия, далекая от действительности, она не является невыполнимой мечтой. Внутри самого капиталистического общества шевелятся силы, стремящиеся к его уничтожению. Капитал становится все более безличным, фабрикант все более

ненужным. В акционерной компании, где владельцы фабрики часто даже не видели своего предприятия, паразитарная роль капиталиста становится особенно очевидной. Все производство пойдет без заминки дальше, если г.г. акционеры и не получат своих дивидендов. Но капитал становится не только все более безличным, он, кроме того, все более концентрируется. В железоделательной промышленности мы уже подошли к тресту: „Пражская железная промышленность“ и „Горнозаводское общество“ сближаются все теснее. Но чем больше концентрируется капитал, тем легче может совершиться переход его в собственность всего народа. Капитализм должен в конце концов рушиться вследствие внутреннего противоречия. Кризис последнего года показал рабочим, куда ведет отсутствие плана в капиталистической системе. Рабочие увидели, какими преимуществами они обладают по сравнению с рабами в древнем Риме. Они „свободные“ наемные рабочие, и в этот год кризиса они пользовались „свободой“, как нищие, клянчить о работе по всей Австрии. Наемный рабочий пользуется в настоящее время свободой умирать с голода. Массовая нищета на одной стороне, бессмысленное накопление богатств на другой—таков наш строй, который эти господа дерзают называть „божественным“. Рабочий класс гордится тем, что он революционен, что он намерен приложить все свои силы для свержения капиталистического общественного строя. Рабочие стали сознательными борцами за социалистический строй и наука наделила их непоколебимою верою:

Es ist kein Rühmen, ist kein Droh'n
's ist der Geschichte ehernes Muss.

(Здесь не похвальба и не угроза, здесь железный закон истории).

Австрийский перво-майский сборник 1912 г.

Борьба за культуру.

В истории рабочего движения возвышаются три вехи.

Первая стоит у конца XVIII столетия. Разделение труда сделало большие успехи, мануфактуры процветали, машина начинала свое триумфальное шествие и позволила использовать на фабрике все источники энергии, которые дает природа. И вот тогда, после великих успехов буржуазии в 1789 году, с элементарной силой проявился классовый антагонизм между буржуазией и пролетариатом. Едва только буржуазия одержала победу во имя свободы, равенства и братства и, в значительной степени, благодаря содействию пролетариев, как она сейчас же

резко выступила против рабочих и запрещением коалиции в 1791 году воздвигла исторический символ новой эпохи классовой борьбы. Солидарная деятельность рабочих была оценена во всем ее значении и стала предметом страха и преследований.

Классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом постоянно ведет к новым столкновениям, которые доходят до революционных судорог. Июльские баррикады в 1830 г. во Франции, чартистские восстания в Англии, бунты ткачей в Германии,—все они были явными признаками новой надвигающейся эпохи. Но революционное движение пролетарских масс все еще вытекало из чувства, из непосредственного импульса. Отсутствовало ясное сознание пути и целей.

Другая веха в истории рабочего класса указывает момент, когда пролетариат сознал свою задачу. Первым выражением этого был „Коммунистический Манифест", могучая прелюдия взрыва революции 1848 года. Новая обретенная истина гласила: „История общественного строя до настоящего времени была всегда историей классовой борьбы". Классовая борьба была признана необходимым жизненным принципом развития и вместе с классовым сознанием было приобретено одновременно сознание интернациональности. Коммунистический Манифест начинается с принципа классовой борьбы и заканчивается незабвенными словами: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь".

После 40 лет упорной работы, планомерного распространения социалистических идей среди пролетариата, после 40 лет, богатых победами и поражениями в различных странах, появляется третья веха в истории рабочего класса. В 1889 году, сто лет спустя после Великой Французской революции, пролетариат впервые предпринимает интернациональное выступление. На первом международном социалистическом конгрессе в Париже 1 мая провозглашается всемирным праздником и становится символом боевой готовности, символом интернациональности рабочего класса. Демонстрация в пользу 8-ми часового рабочего дня выдвигается, как цель майского празднества, и тем самым подчеркивается то требование, в котором наиболее ярко выразились притязания рабочего класса на пользование всеми благами культуры.

Экономическое развитие, создавшее антагонизм между пролетариатом и буржуазией, вместе с тем превратило целый ряд представителей физического труда в представителей умственного труда. Прежде люди всецело зависели от работы своих мускулов, в настоящее время они заставили служить себе силы природы. Пар, электричество, водопады делают теперь во много тысяч раз больше механической работы, чем все люди и животные вместе взятые в состоянии произвести при помощи своих мускулов.

Преобладающая часть работы в настоящее время извлекается не из мускулов людей, а из источников энергии, имеющихся в природе. Но все-таки человек не стал лишним, машина требует постоянного внимания, деятельности мозга, которую в состоянии производить только человек. Физический труд превратился в умственный. Но этот умственный труд поставлен для пролетария в такие же неудовлетворительные условия, как и физический, ибо разделение труда, на котором основано современное производство, придает всякой работе без различия, делается она руками или мозгами, машинный характер. Разделение труда ведет к тому, что работа над задачей вытесняется машинной рутиной. Вследствие этого возрастает не только мозговая работа, но вместе с тем и ощущение умственного голода.

Рутинный труд является условием человеческой культуры и рабочий класс гордится тем, что выполняет этот труд. Но культура индивида начинается лишь тогда, когда он покидает фабрику, когда у него есть досуг, чтобы познавать мир и наслаждаться им.

Прежде было иначе. Ремесло само ставило проблемы и тем самым наделяло каждого культурными ценностями. В настоящее же время рабочий может быть культурным человеком лишь постольку, поскольку он не находится на фабрике.

Мы готовы создавать основы культуры в мастерских, но мы желаем также пользоваться этой культурой. А это возможно только посредством систематического сокращения рабочего времени. Поэтому мы устраиваем 1 мая демонстрации на всем земном шаре в пользу 8-часового рабочего дня, который возможен без ущерба для общей культуры и который, вместе с тем, предоставляет каждому рабочему известную долю в этой культуре.

Собственными силами мы добываем себе больший досуг. От варварского рабочего времени эпохи зачаточного капитализма, когда мужчины и женщины оставались на фабриках по 15 и 18 часов и когда не было пощады даже для детей, нам удалось уже придти к положению, более достойному звания человека, но мы еще далеко не достигли своей цели. Рабочему классу надо отвоевывать час за часом, чтобы иметь время подумать над различными проблемами и постичь все прекрасное, что имеется в этом мире.

Отвоеванный досуг мы должны в первую очередь использовать для разрешения одной проблемы—проблемы классового государства. В нашей борьбе мы шаг за шагом берем новые позиции, но мы должны напрячь всю энергию и затратить все наше время, чтобы окончательно разрешить эту проблему, т.-е. уничтожить ее.

Мы должны работать не покладая рук, пока не добьемся упразднения классового государства, уничтожения капиталистического строя. Самой важной культурной работой, какую только может делать современный пролетарий, является работа в социал-демократических организациях.

И снова зовет нас май.

Пробуждайтесь! Вдохновляйтесь новой надеждой, проникайтесь доверием к будущему, постигайте красоту мира и сознайте свою силу в борьбе со злом. Так уже в течение тысячелетий твердит май людям, поощряя их на новые подвиги, поднимая их все выше со ступеньки на ступеньку.

И сегодня он обращается к вам.

Вы еще далеко не у цели, вам еще предстоит совершить великие дела, вам надо еще сознать свою задачу. Пробуждайтесь!

От мелкой суетной повседневной жизни, от забот о завтрашнем дне, обратите свои взоры к тому великому, что движет миром.

Ибо великие дела совершаются в наши дни, человечество готовится сделать гигантский шаг вперед.

То, что дедам нашим казалось причудливой сказкой, то теперь стало подлинной действительностью. Наши голоса разносятся далеко по земле, мы можем посылать известия с пароходов, находящихся в дальних морях. Но телефон и беспроволочный телеграф уже не кажется нам чудом. Мы даже не удивляемся, когда летчик парит в воздухе, и считаем вполне естественным, когда каждый день приносит нам известие о новых успехах аэроплана. Уже 12 человек зараз поднимает такая птица. Через Симплон и через моря мчится она, и не видно границ творческому уму человека, нет для него непреодолимых препятствий.

Люди становятся все более повелителями природы. Воды Албулы, текущие далеко в Граубюндене, ярко освещают Цюрих, приводят в движение его трамваи и сотни машин. И всюду одна и та же картина. Маленький горный ручей в тихой Альпийской долине. и могучий Рейнский водопад, все они дают электрический ток, работающий на пользу людям.

Когда-то мы должны были пользоваться исключительно трудом наших рук, а теперь пар, электричество и прочие силы природы выполняют в тысячу раз больше работы, чем в состоянии выполнить при помощи своих мускулов все люди и животные вместе взятые...

Мир стал иным. Силы природы служат человеку и производят невероятное количество продуктов

всякого рода, необходимых для поддержания жизни или для украшения ее.

Ум изобретателей добыл невероятные сокровища, но участь широких масс народа стала не лучше. Нищета царит по прежнему, рабочий не получает даже полного продукта своего собственного труда, не говоря уже о том, чтобы пользоваться долей труда, выполняемого силами природы. Доход от этого труда, выполняемого силами природы, остается у владельцев машин.

Не для человечества, а для отдельных людей работают машины. И вследствие этого народ делится на два больших класса: с одной стороны все производители, все те, кто должен жить своим собственным трудом, а с другой стороны—капиталисты, которым не надо трудиться, но которым рабочие вынуждены уступать значительную часть продукта своего труда и которым продукт труда, производимого силами природы, приносит невероятные богатства.

Природа перестала внушать страх. Она подчинена людям. Но перед другим идолом люди еще продолжают стоять на коленях. Повелители природы остаются рабами капитала.

Они поклоняются капиталу, обладанию машинами, обладанию землей, словом обладанию средствами производства.

Но тут приходит социализм и провозглашает свою конечную цель: никто не должен подвергаться эксплоатации, каждый должен получить полный продукт собственного труда, труд, производимый силами природы, должен в равной мере идти на пользу всем людям, а потому обладателями машин не могут быть отдельные люди, ими должно быть все общество в его целом.

Вот великое, что должно совершиться, и о чем мы прежде всего хотим напомнить сегодня, в день рабочего праздника: машины должны перестать быть частной собственностью, никто не должен иметь права эксплоатировать других людей и силы природы для своей частной выгоды. Тогда господство идола—капитала, которому ныне одинаково поклоняются богатые и бедные,—придет к своему концу.

Но наряду с великим, что еще должно совершиться, вспомним сегодня, в день 1 мая, то великое, что уже осуществлено.

Гигантская борьба заполняет нашу эпоху. Все новые массы пролетариата поднимаются, проникаются сознанием своего положения, усваивают великую цель социализма. В ожесточенной классовой борьбе берется одна позиция за другою. Мы шаг за шагом приближаемся к 8-часовому рабочему дню, который враги наши когда-то считали возможным высмеивать, как выдумку глупых

фантазеров. Каждые четверть часа приходится отвоевывать у эксплоататоров в упорной борьбе. Но мы их отвоевываем. Рабочий, который раньше был рабом, который жил растительной жизнью, с тупой покорностью переходя от работы ко сну и от сна к работе, узнает, что такое досуг, получает свободное время, чтобы приобщиться ко всем благам культуры.

Классовая борьба превращает порабощенную массу в гордых людей, наделяет их самоуверенностью и верой в победу.

Но наряду с борьбой, которую должен вести рабочий класс, борьбой, которая одна только гарантирует прогресс человечеству, возникает грандиозное, невиданное доселе движение в пользу мира. Рабочие всех стран чувствуют себя братьями, у которых нет противоположных интересов. Они с отвращением относятся к войне наций и направляют все силы на то, чтобы положить конец безумным вооружениям, на которые народы ежегодно должны затрачивать миллиарды франков. Рабочие борются за высшую культуру, они борются против варварской войны.

Борьба, которую они ведут, тяжела, но сильна их воля и в этот праздник, который мы сами для себя установили, и когда мы можем дать себе отчет в наших действиях, мы снова подтверждаем, что мелкие невзгоды и препятствия повседневной жизни не помешают нам отдать все наши силы на служение великому делу социализма. Как верные, неустанные борцы, мы исполним свой долг в рядах наших товарищей и единомышленников и приведем к победе нашу триединую организацию—партию, профессиональный союз и кооператив.

К вам же, которые еще не знают новой майской вести, которые не знают, какие великие перемены совершаются в мире, к тем мы сегодня снова взываем:

Пробуждайтесь!

Приложение.

Манифест австрийских интернационалистов.

Интернационалисты Австрии к интернационалистам всех стран.

Голос правды задушен в Австрии постыдным образом. Народы этого государства прозябают, не имея ни малейшей возможности дать выражение своему отчаянию по поводу все возрастающей нужды и безмерного угнетения. Свобода никогда не чувствовала себя в Австрии как у себя дома, но во время войны создались обстоятельства, которые обычно знаменовали только работу кровавого царизма. Бесследно уничтожена конституция, свобода мнений устранена, неограничен в своей работе палач. С ужасом узнает когда-нибудь цивилизованный мир, как правосудие в Австрии не только унизилось до роли военной машины в самой стране, но и превратилось в публичную женщину, доступную каждому оттенку политической реакции. Тайное отправление правосудия объявляется необходимостью, дабы задушить самое робкое движение политической критики. Целая армия цензоров выпущена против прессы. Они организованы в качестве тайного сообщества, ибо от последнего прокурора и до министра юстиции они все слишком трусливы и жалки, чтобы взять на себя открыто личную ответственность за все вероломство и за весь идиотизм их полуночных деяний.

Бешенство против печатного слова достойно дополняется угрозами тюрьмы и виселицы, самые чудовищные юридические убийства стали повседневным, бытовым явлением. Мы не хотим говорить о длинной серии суммарных приговоров, которые на основе призрачных улик обрушены на головы чешских граждан—только на том основании, что в их руках оказался один из смехотворных „освободительных“ манифестов царя. Мы хотим лишь указать на то, каким преследованиям обречена даже самая невинная попытка выражения мыслей.

Немецкий социал-демократ Лангер во Фридвальдау переписал стихотворение в честь мира, которое беспрепятственно появилось в австрийских буржуазных газетах, воспроизвел его на гектографе и разослал нескольким знакомым. Он был приговорен к смерти через повешение, затем по особой милости наказание заменено было ему пятью годами каторжных работ. Так выглядит эта Австрия, и поистине невозможно отрицать, что она прямо-таки создана для борьбы против царизма.

У нас в Австрии господствуют в настоящее время без всякого ограничения русские порядки. Они не приобрели, правда, всемирной огласки, но только потому, что нам не хватает необходимого дополнения царизма: эмиграции. Голос правды в Австрии задушен,

и он до сих пор не бежал еще за границу. Но позор всякого унижения имеет в конце концов свои границы, и мы, оставшиеся верными Интернационалу социал-демократы Австрии, поднимаем наш голос, дабы сообщить нашим братьям в других странах о том бессилии, на которое нас осуждает тюрьма, именуемая нашим отечеством, дабы засвидетельствовать перед ними, что мы твердо решились пользоваться каждой возможностью в интересах освободительной борьбы пролетариата, что мы вместе с ними хотим оставаться честно на своем посту, которым был и будет для нас—боевой фронт классовой борьбы.

Мы знаем, как много в разных местах нашей страны товарищей рабочих и работниц чувствуют так же, как и мы, и как много есть там, в земляных окопах, таких, для которых наши слова будут подлинным облегчением. Но вместе с тем мы не переоцениваем степени сознательности масс, ибо, как ни презренна является эта Австрия для всех слоев населения, как ни смеется и издевается над нею каждый чиновник, который является ее орудием, как ни мало готовы нации и классы отождествлять себя с этим черно-желтым государством; мы тем не менее слишком хорошо знаем, к несчастью, какие массы населения способны еще, в тупом отчаянии, молча, переносить всякие деяния насилия. Австрийцы привыкли к абсолютизму, и им, как и всем рабам, не хватает доброй доли чувства и стыда. Поистине по отношению к ним в настоящее время можно решиться на все. У нас фабрикуют „патриотическое воодушевление“—по потемкинским образцам. Начиная с министров и кончая агентами полиции, все государственные учреждения объединились в качестве одной банды вымогателей. Богемия является особенно излюбленным полем их деятельности. Там они вымогают принятие верноподданнических адресов, в газетах вымогают опубликование рекламных статей в пользу военных займов, вымогают вывешивание черно-желтых флагов над домами. Бесчестие этой банды уступает только ее глупости, которая позволяет ей думать, что все эти бесстыдства останутся тайными и неотомщенными.

Они довели в настоящее время Австрию до могильной тишины. Но наступит время, когда не только весь цивилизованный мир, но народы Австрии сами заклеймят методы этого низкопробного государственного искусства полной мерой презрения, ибо если мы сейчас выступаем со слабыми средствами, то в конце концов удастся все же выполнить этот долг, который предначертал нам Маркс: „необходимо наличный гнет сделать еще более чувствительным, присоединив к нему сознание гнета, позор—еще более позорным, сделав его публичным достоянием“.

* * *

Всеми силами души мы ненавидим смертельного врага народов—царизм, но не менее ненавидим мы кровавого недруга народов, наше черно-желтое варварство. Мы знаем, что вместе с войсками царя белый террор вошел бы в наши земли, но мы знаем не хуже, что если нынешние австрийские властители выйдут победителями из войны, мы вступим в период такого террора в нашей собственной стране, какого мы еще никогда не испытывали. С подобными планами носятся имущие классы. Они, выступившие под боевым кличем „долой царизм“, заботятся только о том, чтобы подольше укрепить в Австрии позорище абсолютизма. Они выступили, чтобы „освободить Польшу“, а теперь они только и говорят о том, чтобы ставшую габсбургской Польшу поставить под железный кулак военной диктатуры. Поляки будут освобождены от необходимости посылать своих представителей в Думу, и они взамен этого должны будут видеть свое счастие в том, что поляки Галиции будут лишены всех политических прав. И как на севере, так же и славяне юга должны насладиться всеми благословениями австрийской диктатуры. И в центральной части Австрии то же самое: правящее безумие, которое при помощи подавления народов губит и разрушает это государство национальностей, надеется там справлять свои величайшие оргии. Ему, этому безумию, момент кажется благоприятным, чтобы в Австрии учредить надолго деспотию немцев, а в Венгрии деспотию мадьяр. Чехи и украинцы, итальянцы и словены, „патриотизм“ которых оказался недостаточным, должны быть при помощи новых ударов поощрены на пути любви к отечеству.

Перед лицом этой потрясающей действительности и этих еще более потрясающих планов будущего мы твердо стоим на почве того убеждения, которое социал-демократия всегда стремилась внушить властителям: Австрия будет существовать как демократическое федеративное государство национальностей, или она не будет существовать вовсе.

Черно-желтая камарилья может упиваться фантазией, будто тот кнут, которым она правит народами во время войны, может быть удержан и для времени мира. Немецкая буржуазия может питаться безумной идеей, будто наступил, наконец, момент подчинить своей власти—с помощью германского союзника—поднимающиеся нации этого государства. Вся эта политика угнетения может вести только к полнейшему разложению и распаду этого сложного государственного образования. Правящие в Австрии никогда ничему не учились из истории и они впредь не хотят ничему учиться. Об этом свидетельствуют те планы, которые все еще видят в Австрии собственность династии, а не обиталище народов. Австрии можно помочь только путем решительного низвержения господ-

ствующей системы, путем полной победы национальной автономии и демократического самоопределения.

Мы, австрийцы, лишены примитивнейших прав. Мы не имеем их во внутренних делах и еще менее—во внешних. Мы, в стране которых было совершено преступление непосредственного почина войны, был приложен фитиль к пороховой бочке, мы получили убедительнейшее поучение насчет характера конституционного порядка нашей внешней политики.

Тот бессовестный цинизм, который сфабриковал постыдный ультиматум Сербии, не был бы никогда возможен, если бы подобные решающие дипломатические шаги должны были проходить через контроль парламента. Мы по крайней мере, несмотря на все разочарования, которые мы пережили, еще и сегодня убеждены, что такое решение могло бы быть принято только через трупы социал-демократических депутатов.

Мы, австрийцы, совершенно лишены конституции; но мы не забываем, что и во всей остальной Европе она существует только наполовину. Повсюду еще сохраняется позорное положение—независимость внешней политики от парламентаризма. Повсюду еще важнейший вопрос судьбы народов, вопрос о войне и мире, остается в распоряжении кучки безответных дипломатов и монархов.

С этого абсолютизма, к сожалению, не была в начале войны сорвана маска. Парламентская комедия, к которой был допущен народ—в то время, как война зачиналась через его голову—удалась блестяще. Представители рабочего класса приняли в ней в большинстве случаев участие. Вместо того, чтобы установить ответственность и отклонить всякое сотрудничество в парламенте, который был поставлен перед совершившимся фактом, они спустились до того, чтобы создавать ширмы абсолютизму.

Им как бы не приходило в голову, что в это время уже вообще не существовало парламента, что с начала войны он был низведен на роль демонстративного собрания на службе абсолютистского режима. В свежем воспоминании о новой габсбургской шляпе Гесслера [1]), предназначенной для Сербии, мы с удвоенной силой чувствуем, что для пролетариата не может быть никакого мира с монархической системой. И если она в наших странах и превратилась для внутренних вопросов в пустую форму, то для внешних она все еще остается сильнейшим оплотом абсолютизма. Непреклонная борьба за демократическую республику является повелительным политическим долгом международного социализма. При всех наших будущих действиях и требованиях на переднем

[1]) Шляпа, которой требовал поклонения наместник Габсбурга Гесслер в Швейцарии.

месте должно стоять: демократический контроль над внешней политикой, решение самим народом вопросов войны и мира.

Во внешней как и во внутренней политике все внушает один лозунг: никакой солидарности с царящей в Австрии системой. И тем не менее вожди австрийской социал-демократии не сумели стать на этот путь. Поэтому их политика „держаться до конца“ на стороне имущих классов была воистину политикой страуса. Они должны были насильственно закрывать глаза пред австрийской действительностью. Они игнорировали царизм у себя дома, чтобы с воодушевлением бороться против него в России, они заглушали в себе сознание черно-желтой провокации к войне, чтобы тем больше разговаривать о „вынужденной борьбе немецкого народа“.

Поэтому вообще не существует какой-либо общей точки зрения в австрийской социал-демократии. В ней имеются патриоты всех оттенков, от бешеных немецких националистов и до истинных черно-желтых государственников. „Рабочая Газета“ была местом столкновения этого хаоса тенденций. Правда, после краткого опьянения войною она основательно устала и довольно ясно выражала свою тоску по миру, она вела также упорную партизанскую войну против подвохов цензуры, но ее политика оставалась тем не менее неизменно в границах верноподданнейшей оппозиции. Ибо нельзя одновременно „держаться“ в войне и возбуждать против нее. А патриотизм оставался для нее во время войны выше социализма.

Война стала делом партии, обеспечение возможности держаться превратилось в единственную партийную задачу. Политическая партия превратилась в филантропическое общество большого стиля. Мы не отрицаем успехов этой работы по оказанию помощи. Но она не может заменить политическую функцию социал-демократии. Вместо того, чтобы обличать существующую систему и возлагать на нее ответственность, все усилия были сосредоточены на том, чтобы „заступаться“ в отдельных случаях. Та особая австрийская политика, которая хочет, чтобы в партии видели помощницу, а не обвинительницу, та политика, которая хочет удовлетворить массы маленькими успехами вместо того, чтобы указать им на истинные причины их недовольства, политика, которая порождает нищенскую психологию вместо того, чтобы учить социалистическому мышлению, эта политика оказалась всецело господствующей. Результат: этим путем поддерживали правящих, стараясь помочь им преодолеть свою неспособность, прикрывали господствующую систему собственной репутацией, брали на себя ответственность и пожинали недовольство, которое уже не раз направлялось против партии, а не против истинных виновников.

Абсолютизм, опирающийся на § 14 конституции, избавил социалистических депутатов от затруднительной задачи голосования

по поводу военных кредитов. Мы не знаем, взяли ли бы они действительно, в виду преступной австрийской провокации, на себя позор соучастия в преступлении. Но мы знаем, что подавляющее большинство их восторгалось политикой фракции германского рейхстага. Австрийская социал-демократия начисто отказалась от собственной политики, она тащилась в хвосте немецкой. И таким образом вся скорбная история немецкой социал-демократии, начиная с 4 августа, стала одновременно и историей нашей партии.

* * *

Лозунг классовой солидарности в устах австрийской социал-демократии звучал самой горькой насмешкой. Но не только с чисто австрийской точки зрения, но, прежде всего, как интернационалисты, осуждаем мы политику, которая принижает социал-демократию до роли прислужницы войны. Мы так же мало милитаристы, как и пацифисты. Мы не апеллируем к насилию, но мы не избегаем его. Наш метод—это не война, а революция. Международные социалистические конгрессы ясно заявили, что когда механизм мобилизации приходит в движение, то наступают самые неблагоприятные условия для политической акции пролетариата. Они никогда не обманывали себя надеждой, что можно будет помешать взрыву войны при помощи насилия. Свои надежды возлагали они не на международную революцию против войны, а на революцию в отдельных странах после войны. Они указали на то, что следствием немецко-французской войны явилась коммуна, а следствием русско-японской войны—революция в России.

Интернационал не чувствовал в себе силы и не мог поэтому даже сделать попытку помешать набору солдат и взиманию налогов. Но должна ли была поэтому социал-демократия опуститься до роли орудия ведения этой войны?.. Правда, что эта война, которую правящие классы всех стран надеются превратить в завоевательную, для народов, на которых она ляжет таким тяжелым гнетом, превратилась в борьбу за существование, чтобы не быть стертыми с лица земли. Эта крайняя необходимость заставляет их идти на службу к воинствующему империализму, от нее они не избавятся, пока длится война.

Эта борьба за существование не есть ни причина, ни цель войны, она вытекает из ее механики. Это не политическая борьба народов, а форма, в которой находит себе выражение политический метод господствующих классов.

„Борьба за существование“ может поэтому служить увлекающим призывом в устах руководителей этой войны, но она не может являться составной частью социал-демократической политики. Народы вынуждены вести борьбу за существование, но социал-

демократия теряет право на существование, если она превращается в орган ведения войны.

Народы стараются продержаться в этой войне, и ничего другого не могут сделать. Но должна ли с.-д., как политическая партия, рекомендовать такую политику? Держаться до конца—ведь это значит страдать до конца, голодать до конца, убивать до конца. Народы стараются держаться, и им ничего другого не остается. Но с.-д. должна превращаться не в герольда этой нужды, а в ее обвинителя: она должна обличать капиталистическое общество, обличать господствующую систему, обличать виновных, обличать вся и всех, которые несут ответственность за то, что народ осужден на эту горькую необходимость „держаться“. И если с.-д. должна довести что-нибудь до конца, то не войну, а свою политику.

* * *

Господствующие классы ведут войну за раздел земного шара, за господство над миром. К теории, которая доказывает, что пролетариат должен помогать империалистам своей страны, чтобы таким образом увеличить и свою долю добычи в этой войне, мы можем относиться только с презрением. Ужасно и то, что рабочий класс в этой войне служит орудием империализма, и мы должны были бы отказаться от всякой надежды на лучшее будущее, если бы пролетариат еще унизился до роли его соучастника.

Цели, выставляемые в этой войне, являются целями господствующих классов. Нашей целью является не мировое господство той или иной касты, а мировое господство международного пролетариата. Как бы ни разделил теперь империализм весь мир, задачей социализма остается завоевание этого мира. Если империалистический лозунг апеллировал к самым худшим инстинктам в пролетариате, то боевой клич „долой царизм“ призывал к его высшим идеалам. Вся ненависть и все презрение, которое накопилось в душе австрийского и германского пролетариата к террору кровавого Николая, вспыхнули ярким огнем в самом начале войны. Революционного порыва, нашедшего себе тогда выражение, мы не отрицаем, но мы знаем, что пролетариат стал политической жертвой организаторов войны. Прусские генералы и тайные советники, по своей специальности далеко не „антицаристы“, с холодным расчетом выбрали этот лозунг, на который дали себя поймать социал-демократические массы.

Ни один интернациональный конгресс не принимал решения вести войну против России и не разрешал какой-нибудь секции вести ее. И с полным основанием. Ибо немцы, которые ведут войну с Россией, должны в то же время воевать с Францией. И

так же мало является детищем Интернационала „война с прусским милитаризмом“, которую ведет Франция в союзе с Россией. Ни в союзе с царем, ни в союзе с Габсбургами и султаном нельзя быть знаменосцем свободы. В сложном комплексе всемирной войны нет ни одной цели, которая недвусмысленно служила бы делу демократии. Ни на победу центральных держав, ни на победу четверного согласия она не может возлагать никаких надежд. Для нее в этой войне существует только политика строжайшего нейтралитета. В эпоху империализма война не может служить для пролетариата методом демократизации. Лозунги борьбы с царизмом и прусским милитаризмом служили только для прикрытия военных целей господствующих классов и обострили противоречия среди Интернационала. Искусство дипломатов внушило почти всем народам убеждение, что они явились жертвой нападения. Даже австрийцы с клеймом сербского ультиматума использовали идеологию самообороны. И этот обман всего лучше удался среди социалистов всех стран. Они сейчас же заявили, что налицо имеется оборонительная война.

Но не в почине войны, а в ее цели должны социалисты искать решения вопроса, имеем ли мы дело с необходимой обороной. Для господствующих классов оборонительная война служит только предлогом, чтобы увлечь за собой массы, в действительности же они стремятся, в случае победы, извлечь из войны как можно больше выгод. Для социалистического пролетариата наоборот всякое использование победы есть измена идее обороны.

Цели, которые преследует демократия в войне, не могут быть тождественны с целями, которые ставят себе милитаристы. Генералы ведут войну, чтобы предписать свою волю врагу; социалистическая демократия стремится только к тому, чтобы враг не мог предписать ей свою волю. Народы не желают поражения, но они не нуждаются и в победе над другими народами. Победа одного народа означает для другого поражение, нищету, угнетение,—одним словом, все те ужасы, для предотвращения которых ведется оборонительная война. Генералы хотят ждать, пока враг будет молить о мире. Социалистическая демократия должна требовать, чтобы победитель первый протянул руку примирения, чтобы он всегда готов был заключить мир на условиях status quo ante (какие были до войны).

Ибо таким миром достигается цель обороны. Но социалисты не сумели провести последовательно даже идею обороны. Уже раздаются в их рядах голоса, что война не должна кончиться „без всякой пользы“, что все эти кровавые жертвы „не должны быть принесены даром“. Так социалисты унижаются до морали, которая не стесняется ограбить разбойника, если удалось его обезоружить. Старый Интернационал хотел установить, как верховный закон, регулирующий отношения между народами, „простые законы нрав-

ственности и справедливости, которые регулируют отношения между частными лицами". Современные социалисты не стыдятся нужду обороны превратить в добродетель прибыли.

Провозглашенная 4-го августа военная цель социал-демократии давно уже достигнута. Отпор удался. Почва Германии и Австрии освобождена от врагов, центральные державы могут быть уверены, что, в случае прекращения войны, территория их останется неприкосновенной. И все же социал-демократия продолжает идти на буксире у господствующих классов. Она и теперь еще не ставит вопроса: намерено ли правительство заявить открыто, что оно готово заключить мир на условиях status quo ante?

Социал-демократия боится поставить такой вопрос, потому что у ней нет готовности сделать все выводы из отрицательного ответа, потому что она не решается использовать свое влияние, чтобы доказать, что она стоит на почве своей декларации 4-го августа.

Лозунг оборонительной войны оказался блестящим средством для возбуждения патриотизма в пролетариате. Мы не так наивны, чтобы ожидать, что какая-нибудь из воюющих держав принимает его в серьез. Поэтому мы можем только надеяться, что война эта кончится всеобщим истощением, не оставив ни победителей, ни побежденных и что таким образом исполнится желание: всем правительствам—поражение, всем народам—непобедимость!

Рабочий класс нисколько не заинтересован в том, чтобы при помощи этой войны „решен" был хотя бы один из стоящих на очереди вопросов. Для него самым выгодным исходом явилась бы такая ситуация, при которой после войны все осталось бы по старому, при которой метод войны был бы в конец скомпрометирован, при которой народы всех стран выступили бы против своих правительств. Эта война является ужасной школой, чрез которую должны пройти народы, но также и единственной, в которой они поймут, что нужно, наконец, провести в жизнь свою политику солидарности всех народов.

* * *

Нашим желанием является не победа, а окончание войны. Мы не даем себя обманывать фразой о „прочном мире", о „гарантиях против новых войн". В особенности мы осуждаем всякие завоевания, которых требуют под предлогом улучшения стратегического положения в виду будущей войны.

Мы знаем, что, при господстве империалистических вожделений, мир всегда будет подвергаться опасности новой войны. Мы убеждены, что правящие классы никогда не в состоянии будут разрешить противоречие между тремя критериями государственных разграничений: экономическим, национальным и стратегическим.

Пролетариат в его теперешнем положении не может убаюкивать себя надеждой, что можно противоречия, порожденные капиталистической системой, разрешить в рамках современного общества. Все силы свои он должен употребить на то, чтобы проводить свою политику, свою социалистическую политику.

Как австрийцы, на которых, вследствие сотрудничества армий, возлагается ответственность за политику Германии, мы осуждаем злоупотребление идеей защиты отечества для оправдания завоеваний и объявляем аннексию французской или бельгийской территории в какой бы тони было форме преступлением.

Мы не знаем, закончится ли освобождение Польши от ига царизма новым разделом несчастной страны или аннексией, которая осчастливит ее только благами Гогенцоллернской или только Габсбургской культуры. Мы, международные социалисты, не можем шутить со свободой народов, и потому мы требуем только, чтобы поляки сами распоряжались своею судьбою. Мы убеждены, что польские пролетарии питают одинаковое отвращение к русскому царизму, к прусскому гакатизму и черно-желтому варварству. Мы убеждены, что если бы с ними хотели сериозно обращаться, как с „освобожденными", то они высказались бы только за независимую польскую республику. Мы знаем, что в капиталистическом обществе польский вопрос не будет разрешен, и на все освободительные легенды мы смотрим всегда, как на искусное стимулирующее средство в интересах военного воодушевления.

Мы не закрываем глаз на все трудности, связанные с решением этого вопроса,—мы знаем, что если Австрии „посчастливится" аннексировать, в качестве победительницы, Польшу, то для государства это послужит началом конца. Как в Германии, так и в Австрии, при заключении мира, с.-д. может провозгласить только один лозунг: никаких аннексий.

Во имя международной солидарности мы протестуем против всяких военных контрибуций. Все народы обнищали вследствие этой войны, все являются ее жертвами. Мы клеймим цинизм патриотов всех стран, которые надеются утихомирить свой народ за счет еще бо́льшего обнищания других народов.

Пролетарии всех стран осуждены на то, чтобы нести все последствия империалистической военной политики. Они сделают это в полной солидарности друг с другом.

Не на переложение этого обнищания с одних плеч на другие возлагают они свои надежды, а на общую борьбу против эксплоататоров всех стран.

* * *

Австрия в экономическом отношении представляет наиболее уязвимый пункт Европы. Если война будет продолжаться до истощения всех сил, то Австрия явится той страной, которая рухнет первой. Мало того, что наш народ бессовестно грабят военные поставщики, что его отдали на жертву аграриям, что его выдали на поток и разграбление безусловно неспособной администрации— кроме всего прочего, он стал еще жертвой эксплоатации со стороны своих союзников. Своя рубашка ближе к телу—восклицает немецкое правительство и тянет к себе из голодающей Австрии все запасы, какие оно только может достать. Гешефт прежде всего, говорят патриоты в Венгрии, и таким образом родственники-бетиары вымогают за худшие жизненные припасы максимальные цены и искусственно обостряют нужду в другой половине Империи.

Если бы патриотизм имущих классов не был только комедией, то при виде наших голодающих жен и детей уже давно должны были бы быть нарушены „священные" интересы частной собственности. Но превыше любви к отечеству стоят для них выгоды денежного мешка. Они скорее предпочтут полное истощение народа, чем конфискацию собственности. И вправду, для нас теперь недостаточно одной экспроприации экспроприаторов. Народ хочет избавиться не только от ужасов голода, он хочет положить конец этой резне, он хочет мира. Как и во всех других странах, так и в Австрии ужасы и муки, вызванные этой войной, превзошли уже все, что люди согласны дольше нести. Тысячами тянутся по улицам городов калеки и инвалиды, в каждом доме плачут вдовы и сироты. И весь народ жаждет всей душой только одного, только м и р а.

Поступивши в начале войны на службу военной политики, отказавшись от своих интернациональных обязанностей, призвав „держаться до конца", социал-демократия лишила себя возможности выступить в роли политического выразителя этой воли к миру. Бессильно и бездейственно она должна позорно тащиться в хвосте правящих классов.

* * *

Мы, оставшиеся верными заветам Интернационала социал-демократы в Австрии, ни на минуту не скрывали от себя, что первое решительное поражение в этой войне потерпел социалистический Интернационал.

Исполнились исторические судьбы. Все противоречия социалистической политики теперь ярко выяснились. То, что мы пережили,

есть не что иное, как воплощение диалектической идеи, проникавшей социалистическое движение в течение последних десятилетий: в эпоху мира интернациональная политика против войны; во время войны национальная политика обороны страны. Но в муках этой войны зарождается интернациональная политика на высшей ступени.

Ибо только теперь пролетариату ясен стал весь антагонизм в его современной политике. Он видит, что нельзя одновременно сражаться в двух фронтах, сражаться одновременно вместе с пролетариями всех стран и согражданами всех классов. Он начинает сознавать теперь: участие социалистических партий в обороне страны обусловливает необходимо отказ от участия в борьбе за мир!

Теперь лишь стало ясно, что только социалистический Интернационал является наиболее пригодным орудием пролетарской акции в пользу мира. А между тем и это драгоценное благо было с легким сердцем отброшено. Когда призыв войны вызвал первые приступы патриотического опьянения, то Интернационал, который мог бы быть теперь всем, превратился для них в ничто. И именно теперь, когда так настоятельно сказывается нужда в кампании в пользу мира, становится мало-по-малу ясно, какой удар нанесен Интернационалу.

С отчаянием и возмущением должны мы теперь констатировать все эти последствия нашей непоследовательной политики. Интернационал осужден на молчание, когда уже давно настала для него пора поднять свой голос. Все державы старой Европы уже выступили с объявлением войны. Только Европа будущего отреклась от роли великой державы, только она не в состоянии выполнить свою задачу: объявление войны международного пролетариата против всех воюющих держав.

И точно так же, как Интернационал не в состоянии положить конец всем ужасам этой страшной войны, он не может приступить к выполнению еще более важной задачи, возложенной на него Штутгартским конгрессом: „использовать вызванный войною экономический и политический кризис, чтобы повести агитацию среди народа и таким путем ускорить уничтожение капиталистического классового господства“.

Мы не надеемся, что все зло, причиненное в начале войны социалистическому Интернационалу, может быть исправлено еще в ходе войны. Мы потерпели сильное поражение и долго еще будем нести все его последствия. Нам придется начать с начала.

Война воспитывает в массах сознание, что в эпоху империализма их глубочайшие жизненные интересы лежат в интернациональной области. И они таким образом будут подготовлены к воистину интернациональной политике. Они поймут, что борьба против военных вооружений возможна только как борьба на жизнь и на

смерть, в которой они готовы не останавливаться ни перед какими жертвами, в которой они готовы пожертвовать даже отечеством. В страшной школе этой войны они научатся, что в случае конфликта между интересами человечества и интересами одной страны должны стоять выше интересы человечества. Их не испугает тогда обвинение, что для них отечество ничто, и они мужественно выполнят свою высшую задачу. Так следствием войны явится суверенитет интернационализма в рядах пролетариата.

Только признав свою историческую вину, только провозгласив принципы истинно интернациональной политики, смогут социалисты реабилитировать социал-демократию в глазах рабочих масс. Пока только маленькие группы начали эту борьбу за истинно интернациональную политику пролетариата. Их задачей в первую голову является пробуждение пролетариата к сознанию необходимости этого социалистического движения в собственной стране. Но эти группы черпают уверенность в том факте, что они не стоят изолированно, что они имеют единомышленников и в других странах. Как такую манифестацию интернационализма, мы приветствуем Циммервальдскую конференцию. Мы чувствуем себя более сильными, когда вспоминаем о всех тех наших товарищах, которые в этой всемирной войне продолжали высоко держать знамя социализма. С чувством сильнейшего стыда и глубочайшей симпатии вспоминаем мы в особенности о братских партиях тех стран, которые являются „врагами“ Австрии. Мы вспоминаем о мужественном выступлении сербских товарищей против войны, о столь богатой жертвами борьбе русской социал-демократической фракции в Государственной Думе и прежде всего о прекрасном, образцовом поведении итальянских социалистов. В них воистину горел энтузиазм постоянной армии социальной революции.

Нас—мало, а предстоящая нам задача колоссальна. Но мы не дадим себя запугать и черпаем уверенность в воспоминании о союзе коммунистов, из которого вырасло всемирно-историческое движение пролетариата.

Пусть они нас преследуют, пусть они нас гонят. Наше дело все же победит. „Ибо дух, братья, они не в состоянии убить“.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.